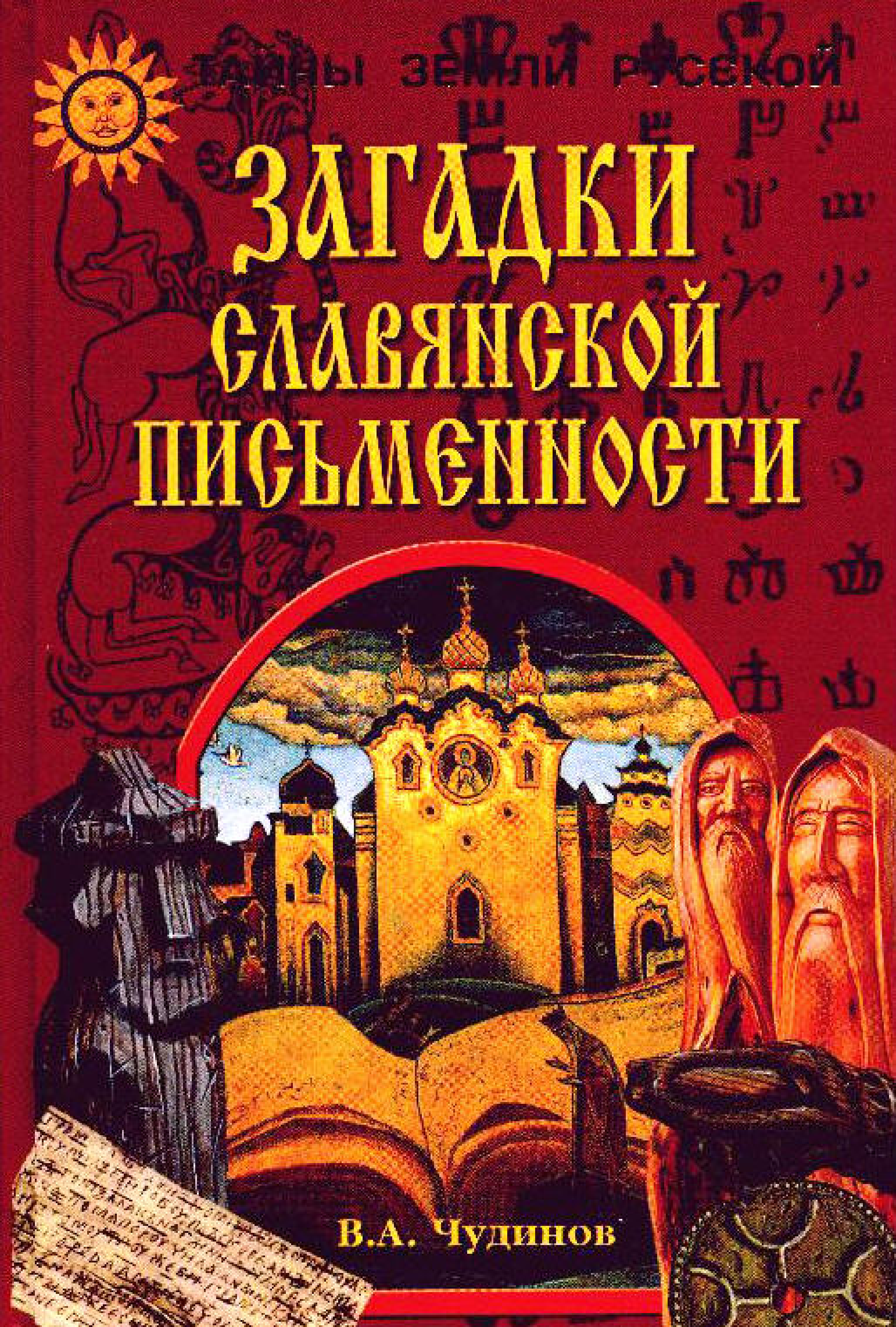

ТАЙНЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ
ЗАГАДКИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
В.А. Чудинов

В. А. Чудинов

Загадки славянской письменности

Серия: Тайны Земли Русской

Издательство: Вече, 2002 г.

Твердый переплет, 528 стр.

ISBN 5-7838-1173-4

Тираж: 7000 экз.

Формат: 60x90/16

Загадочна ли славянская письменность?

Как ни странно, почти все, что мы знаем о славянах и об их письменности, крайне загадочно. Например, каждый русский знает, что мы пишем письмом, которое в древности называлось *кириллицей*. Это значит, что данный тип письма создал Кирилл, святой, которого православная церковь вместе с его братом Мефодием причислила к лику святых, и не просто святых, но равноапостольных. Так в чем же тут загадка? — А в том, что по мнению лингвистов, «*азбукой, которую создали Кирилл и Мефодий в 863 (или 855) году, была глаголица. Создание кириллицы датируют эпохой богарского царя Симеона (893-927), вероятно, она была составлена учениками и последователями Кирила и Мефодия (Климентом Охридским?) на основе греческого (византийского) торжественного унциального письма*»[1]. — Так что Кирилл создал вовсе не кириллицу, славянская древность оказалась на поверку средневековьем, кириллицу создали ученики Кирилла, но представлены они одним Климентом Охридским, азбука которого почему-то не названа «клементицей». Короче говоря, чудеса в решете, да и только!

Почему Кирилл создал такое странное письмо, как глаголица? — На это вразумительных ответов до сих пор нет. Это загадка. — А почему вместо этого письма Кирилла утвердилось письмо Климента? — Тоже загадка. Существовало ли какое-либо письмо у славян до кириллицы и глаголицы? — Об этом в утвердительном ключе сообщали многие выдающиеся представители предшествующих эпох, включая М.В. Ломоносова и Екатерину Великую, однако где его следы? Где оно само? — И это загадка. — В 20-м веке были найдены десятки образцов неизвестных видов письма в виде каких-то текстов, которые были названы «загадочными»; неужели их нельзя прочитать? — Какие-то из них пока не читаются, но огромное большинство вполне возможно прочитать. Как прочитать? — На сегодня это загадка. Но некоторым исследователям удалось ее решить. — Так почему же академическая наука не пропагандирует результаты таких дешифровок? — Опять загадка. Загадки сопровождают славянскую письменность на всех зигзагах ее развития. «*С историей ее возникновения связано много загадок и тайн, — отмечает историк славянской письменности Е.В. Уханова. — Некоторые из них мы, наверное, никогда не узнаем. Однако, о многом сведения сохранились*»[2].

Задача данной книги — снять покров тайны с загадок славянской письменности. Вообще говоря, за выполнение такой задачи брались многие исследователи, но просто тонули в ворохе фактов, которые с одной стороны подтверждали определенные гипотезы, с другой стороны, их опровергали и, потолковав на протяжении книги о том, какие аргументы можно выдвинуть «за», а какие — «против», они с удовольствием писали в заключении, что хотя и не решили проблемы, но все же продвинулись в определенном направлении, чаще всего — неизвестно в каком. Что же меня отличает от них? Вовсе не эрудиция или, напротив, безапелляционный тон, с которым можно отвергать любые построения оппонентов. Просто я исхожу из существования докирилловской письменности как данности, причем не из одной системы письма славян, а из многих, из которых одна, а именно *слоговая руница*, мне не только известна своим фактом существования, но, после ее дешифровки, дала мне возможность читать и понимать множество текстов. Сегодня я их прочитал более полутора тысяч, и каждый месяц читаю по десятку новых. То, что для подавляющего числа моих предшественников было сладкой надеждой или даже проверяемой гипотезой, для

меня стало ежедневной работой последнего десятилетия. И с высоты этой вершины совершенно иначе выглядят как раз те проблемы, которые прежде казались непреодолимыми. И теперь стала выявляться логика исторического развития славянского письма, и давить стали не отдельные факты, а эта самая логика.

Главная загадка, рассматриваемая в данной работе — это наличие у славян в течение всего времени их существования особой, весьма оригинальной письменности, с помощью которой они записывали практически все события их общественной и личной жизни. На существование этой письменности, как я уже отмечал выше, указывали многие замечательные личности прошлого, но надо было найти источники — а это, пожалуй, самая большая загадка; надо было найти и исследователей, которые пытались ее прочитать, но не смогли, и загадкой стало — почему не смогли; надо было разгадать загадку способа кодирования этой письмености, то есть произвести ее дешифровку; наконец, каждый новый текст представляет собой маленькую загадку, головоломку, которую я буду решать вместе с читателем. И тогда за мозаикой прочитанных текстов откроется жизнь наших далеких предков, их повседневные интересы и заботы, их огорчения и радости, их ушедший в небытие быт. С другой стороны, мы порадуемся воскрешению хорошо забытых слов, например таких, которыми славяне обозначали предметы для начертания письменных знаков, печать, пломбу, браслет, пинцет, пассатижи, проколку, ювелирные изделия и многих других. Узнаем мы и то, как славяне называли сами письменные знаки. Среди этих забытых слов — и первоначальное название ряда русских городов, которые назывались не так, как сейчас. Так что помимо загадок древнего быта будут решены и некоторые тайны древнего языка.

Можно будет практически ответить и на вопрос, зачем нужно изучать письменность. Хотя ее исследование представляет и самостоятельный интерес, но основное тут заключается в том, что с помощью письменных знаков можно зафиксировать человеческую речь далеких исторических эпох, а сама эта речь сообщит нам ряд таких подробностей, которые вряд ли передадут любые «немые» памятники археологии. Поэтому наличие письменности переводит тот или другой этнос из «дикого» в разряд «культурного», а наличие незаимствованной, оригинальной системы письменных знаков позволит поднять его статус до уровня «цивилизации». Я считаю себя славянином и горжусь тем, что мои предки в течение многих тысячелетий обладали традициями письма, весьма продуманного и по-своему совершенного — и это в то время, когда большинство европейских народов писать и читать не умели. Так что славяне были не только культурными, но и весьма цивилизованными. Другой вопрос — были ли это славяне? На эту загадку в книге тоже дается ответ, причем ответ утвердительный.

Данная книга не могла появиться в советское время, потому что тогда она звучала бы как крамола. В самом деле: в ней доказывается, что у славян вообще, и у русских в частности задолго до создания кириллицы (или глаголицы) святыми Кириллом и Мефодием существовал свой собственный вид письма. Только это письмо было не буквенным, а слоговым, то есть каждый слог изображался отдельным знаком, например, БА, ВЕ, ВИ, ГО и т.д. И это письмо было широко распространено не только в быту, но и в государственном делопроизводстве: эти знаки стояли на печатях государственных деятелей, они чеканились на монетах, ими писались книги. Короче говоря, данное письмо обслуживало все сферы письменной коммуникации.

Первая реакция, которая обычно возникает после прочтения этих строк — не может быть! Ведь если бы такое письмо существовало, его бы давно заметили ученые! Но ведь они ничего не сообщают о подобном открытии! — Верно. Ученые о нем ничего не говорят, потому что это им невыгодно. Это ломает очень много

устоявшихся взглядов и стереотипов и не слишком украшает маститых исследователей, которые и до сих пор говорят о том, что самобытного письма у славян до кириллицы не было. Потому и сама проблема докирилловского письма оказывается чуть ли не научной ересью, а защитник подобных взглядов представляется ученым дерзким самозванцем.

«*Пусть так,* - скажет знающий читатель*, — но ведь если такое письмо существовало, да еще в крупных масштабах, то ученые должны были с ним сталкиваться. Ведь не может же быть, что бы они ни говорили, что им не попадались в руки многочисленные памятники с таким письмом!*» — Все верно. Через руки археологов и эпиграфистов прошли тысячи явно не кирилловских надписей на памятниках Руси и других славянских стран. И что же? — А ничего! Одни надписи были не замечены, приняты за случайные царапины или штрихи; другие замечены, но не опознаны «*из-за неясного начертания*», третьи признаны за письменность других народов, четвертые сочтены за «*пробы пера* », не имеющие никакого смысла, четвертые — за «*знаки собственности*», имеющие тайный смысл только для изобретшего их владельца. Вот так оказалось возможным не видеть в упор целый пласт славянской культуры.

Однако дотошный читатель на этом не успокоится, и возразит, что в таком случае кто-то из исторических деятель непременно упоминал бы наличие письменности у славян до Кирилла — и будет абсолютно прав. Такие упоминания действительно были, однако они, как правило, не удостаивались внимания ученых. К сожалению, либо авторы таких высказываний не считались достаточно авторитетными, либо сами высказывания допускали различные трактовки. Кроме того, черноризец Храбр, монах X века, вроде бы однозначно заявил, что до крещения у славян книг не было, а потому письменность началась только с Кирилла.

И опять проницательный читатель возразит, что даже несмотря на все это, наверняка существовали исследователи, которые пытались прочитать докирилловские тексты и тем самым имели возможность показать не только внешний вид самих текстов, но и раскрыть их содержание. И опять возражение оказывается верным: и энтузиасты не переводились, и их дешифровки публиковались (хотя и не слишком широко, но достаточно для интересующихся). Что же из этого? — Опять ничего: брались читать тексты, как правило, не специалисты (да и откуда им взяться, ведь эпиграфистов никто не готовит!), фоновых знаний для чтения имелось слишком мало, и потому результаты дешифровок оказывались не только фантастическими, но и подчас просто анекдотичными. Так что ученые, похохотав над чтениями вроде СВЧЖЕНЬ на грузике для прядения, или НАРАМ НЯМ на сосуде с берегов Днепра, или УМ. МАЛУ СТАВИХ, НУЖАЯ на кувшине из-под Рязани, лишний раз убеждались в том, что такая письменность существовать не могла.

«*Но неужели нельзя создать добротные дешифровки, основанные на достижениях современной науки?*» — будет недоумевать читатель, и опять окажется прав. — Можно. Только кто этим будет заниматься? Энтузиасты, которые бывают благодарны только за сам факт известности их усилий, не требуя ничего взамен? Но уровень их компетенции этого не позволяет. Для того, чтобы делать дешифровки **профессионально**, мало одного горячего желания прочитать надписи, мало даже наличия некоторого эпиграфического опыта. Необходимо быть в курсе чтения в области смежных систем письма, нужно знание иностранных языков и работ иностранных коллег в этом направлении, нужен выход на конференции и семинары научной общественности, а главное, — нужен систематический, многолетний опыт чтения, который требует не только усидчивости, но и весьма обширных познаний. Иными словами, требования к исследователю предъявляются предельно жесткие, которым может удовлетворить

только крупный специалист. Но специалиста эта область привлечь никак не может, уж больно она рискованная. Ведь многие энтузиасты не заслужили ничего большего, кроме насмешек. Стоит ли ставить на карту свою репутацию ученого, связываясь с такой неблагодарной проблемой? Это — как в медицине при оперировании аппендикса: лавров стяжать нельзя, а больной умереть вполне может. Никто не гарантирован от провала, так что в результате многих лет эпиграфических усилий будет получен очередной анекдотический результат. И крупные исследователи от решения этой проблемы уклонились.

Я тоже не сразу решился на публикацию данной работы, хотя она была начерно готова еще в 1993 году. Прошло несколько лет публикаций отдельных заметок и коротких статей, затем — обзоров и сводок по этим статьям, наконец, монографий — и теперь я чувствую себя и морально, и по фактическому материалу вполне готовым к выполнению очень непростого задания — демонстрации примеров славянского слогового письма.

Хотя книга предназначена для массового читателя, она затрагивает массу научных проблем, решаемых на требуемом научном уровне. Поэтому каждое высказывание анализируемых в ней исследователей имеет сноску на литературу, список которой помещен в конце работы. Терминология разъясняется, но ее использование автор стремился свести к минимуму. Здесь встречается несколько терминов, которые мне бы хотелось пояснить с самого начала, чтобы они не пугали читателя. Прежде всего, наука, которой посвящена книга, называется *грамматология*, то есть буквально — учение о букве. Вообще говоря, грамматология понимается как наука о знаках самой разной природы. В ее состав входит, в частности, *палеография* — наука о древних письменных текстах (как правило, пространных, в виде книги или рукописи) с целью определения места и времени их создания, и *эпиграфика* — наука о таких же текстах на иных носителях (на глине, металле, дереве и т.д., где помещаются обычно очень краткие тексты, но в весьма необычном начертании) с целью их прочтения и истолкования содержания, которое часто гораздо менее понятно, чем в книгах или рукописях.

Говоря о письме, следует вспомнить *пиктографию*, то есть рисунок, который можно понимать как письмо (например, очень условное изображение человека, спускающегося по лестнице в смысле ПОДЗЕМНЫЙ ПЕРЕХОД); *логографию* — словесное письмо, где каждому слову соответствует свой знак (часто возникающий из картинки); *силлабографию* — слоговое письмо, где знак обозначает уже только слог; *консонантное письмо* — тут пишутся только согласные, например, КНЗ СВТСЛВ; наконец, *буквенное письмо* — привычное нам всем письмо руссских, англичан, греков и римлян. Остальные понятия я поясняю по ходу их введения.

Надеюсь, что книга сможет продемонстрировать новые, до сих пор не проявлявшиеся грани и глубины русской и славянской культуры.

Каким письмом мы пишем сейчас?

Загадка тут крайне небольшая, и если она имеется, то вовсе не для профессионалов, а для самых обычных людей.

Общепринятый ответ на вопрос заголовка — мы пишем кириллицей, — оказывается и верным, и неверным. Вообще говоря, мы пишем *современным русским письмом*, которое действительно восходит к кириллице, но уже ей не является. Отличается современное письмо как по начертанию букв, так и по их количеству и последовательности, а также по их названию. Так, первую букву мы просто называем «а», тогда как в кириллице она называлась «аз»; вторая буква у нас «бэ», а в кириллице она называлась «буки», отчего наш алфавит получил название *азбуки*. То же самое бывает и с другими алфавитами; например, германский рунический алфавит получил название «*футарк*», по первым буквам, расположенным в соответствующем порядке. Следующие буквы, «вэ», «гэ», «дэ» и т.д. имели в кириллице названия «веди», «глаголь», «добро», «есть», «живете», — как видим, буква «ё» в кириллице отсутствовала, ее изобрел Н.М. Карамзин в 18-м веке. Не было в кириллице и буквы «я», зато присутствовали удивительные с нашей точки зрения буквы «ять» (ѣ), «юс большой» (Ѫ), «юс малый» (Ѧ). Эти буквы нам будут часто встречаться в дальнейшем. Существовали в кириллице и редко используемые буквы из греческого алфавита, например, фита, ижица, кси. О них мы тоже еще поговорим ниже.

«*Новые названия букв, — отмечают исследователеи, — значительно облегчили процесс первоначального обучения грамоте, особенно чтению. В старину при обучении грамоте в период усвоения правил чтения сначала называли буквы, затем из них образовывали склады (слоги) и только потом — слова. Слово «базаръ», например, читалось так: «буки-аз» — «ба», «земля-аз-рцы-ер» — «зар», — «ба-зар»*»[1]. Сложность тут состояла в том, что длинные названия букв мало помогали выяснению смысла читаемых слов, которое конструировалось по частям несколько раз. Сейчас при обучении рекомендуется сокращать названия букв до звуков, произнося вместо «бэ» просто «б», вместо «вэ» — «в» и т.д. Так что теперь то же слово по буквам выглядит уже как «б-а-з-а-р», что гораздо ближе к искомому слову «базар».

Конечно, в самой кириллице буквы графически выглядели иначе, например, А вместо А, Б вместо Б, Є вместо Е, Ж вместо Ж. Хотя разница не очень велика, тем не менее, она весьма ощутима, особенно, когда речь идет о сплошных текстах. А старые книги, как известно, писали часто без пробела между словами. Если говорить более точно, то надпись, сделанная кириллицей, читается нами съ большимъ трудомъ, мы к ней пока не привыкли.

В чем же сотоит отличие в буквенном составе современного русского письма от кириллицы? Из греческого алфавита в него вошло через кириллицу всего 18 букв*: а, в, г, д, е, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, ф, х*; только из кириллицы — 11 букв: *б, ж, ч, ш, щ, ц, у, ю, ъ, ы, ь*; собственно русских — 4 буквы: *э, й, ё, я*. Итого 33 буквы вместо 38-43 букв кириллицы. А вот украинцы сохранили букву *і*, но исключили букву *ы*; они также добавили буквы *ї, й* и *є*, белорусы добавили букву *ў*. Все эти алфавиты вышли из кириллицы. Наименьшие преобразования — в алфавите болгар. Хотя там тоже добавились *й* и *я*, но у них нет *э, ё*, и *ы*; исключили они и *і*. У сербов появились дополнительные буквы *j, љ, њ, ћ, ђ* и *џ*, но у них также нет *і, ы* и *э*. У македонцев появились буквы *j, s, ѓ, ќ, љ, њ, џ* при отсутствии *і, ы* и *э*. Так что все

без исключения современные славянские азбуки беднее кириллицы по числу букв, но содержат свои знаки, причем различия внутри восточнославянских (между русской, белорусской и украинской) или внутри южнославянских (между сербской и македонской) меньше, чем между восточно- и южнославянскими. И все современные славянские алфавиты на базе кириллицы имеют слоговое название согласных (типа «бэ», «ка», «эль»), а в русском — и для йотованных гласных (типя «йа» для «я» или «йо» для «ё») и название, совпадающее со звуком, для остальных гласных (например, «а» для *а* и «о» для *о*.

Можно задать и самый трудный вопрос — почему так случилось? Почему при единой кириллице современное письмо многих славянских народов нетождественно? — Ответ будет очень простым: потому что в результате языкового развития одни звуки исчезли, другие появились. Но у каждого из народов развитие фонетики шло в свою сторону. Скажем, в русском языке буква «щ» означает долгое и мягкое «ш», что-то вроде «шьшь», тогда как в болгарском языке та же буква читается как «шт», и мне забавно было видеть в Софии надпись «щори» в смысле «шторы», надпись «Будапещ» в смысле «Будапешт» или «Айнщайн» вместо «Эйнштейн». В данном случае языковое развитие случилось со звуком и обусловило употребление буквы. В другом случае можно говорить о таком развитии звука, когда два разных звука сливаются; так было в болгарском, в котором слились звуки «и» и «ы». Теперь во всех словах, где когда-то был звук «ы», читается и пишется «и», например, «бил» в смысле «был», «дим» в смысл «дым» и т.д. В украинском языке противопоставление «и» и «ы» сохранилось, но за звуком «и» утвердилась буква «і», тогда как звук «ы» стал обозначаться как «и». Так появились надписи, которые удивляют русский глаз, например, «риба» в смысле «рыба», что так и произносится, «рыба».

В русском языке любопытна судьба звука «ъ», который когда-то был гласным и произносился примерно так, как мы сейчас произносим первый неударный слог в слове «молоко». У нас он либо утратился, либо перешел в обозначение «о», тогда как в болгарском он сохранился и в звучании, и в написании. И теперь мы несколько недоумеваем, как нам произносить слово «България», которое пишется в названии этой страны (а оно произносится точно так же, как и по-русски произносится слово «Болгария», и это не они произносят «о», а мы, русские, произносим «ъ», хотя пишем «о»). Но в болгарском этот же звук сохраняется и в двусложных, и длаже в односложных словах, что неудобно произносить русским, поскольку у нас таких ситуаций уже не бывает, — например, есть слова «пък» или «съд». Но забавнее всего выглядит слово «ъгъл», то есть «угол», где гласные представлены только этим звуком, повторенным дважды.

Но сложнее всего фонетическое развитие было в тех случаях, когда какие-то звуки просто взламывали фонетический строй языка. Например, почти во всех славянских языках звук «е» произносится как «э», так что отрицание «не» звучит как «нэ». Когда-то так было и в русском языке. Позже, однако, под влиянием звука «е», обозначаемого буквой «ять», только в русском языке звук «е» стал произноситься так, как мы его произносим сейчас. Но тогда потребовалась новая буква для обозначения прежнего звука, и она нашлась — это буква «э». Скажем, один из любимых стишков моего детства, «Где тут Петя, где Серёжа» на украинском языке пишется «Де тут Петрик, де Серьожа», а произносится «Дэ тут Пэтрик, дэ Серёжа», причем для передачи звука «ё» используется сочетание букв «ьо». Но звук, обозначаемый буквой «ять», взломал не только русский язык, но и другие славянские. Если раньше русские произносили слова «вера» как «вэра», тот теперь они произосят «вера», украинцы произносят «вира», поляки и болгары «вяра». Мне было очень странно слышать окончание христианской молитвы у болгар, которые произнеся очень знакомую концовку «... и ныне, и присно», вдруг закончили «и во вэки вэков! Аминь!» Мне, современному русскому, было странно услышать те звуки,

которые характерны для большинства славян и, в частности, для моих же русских предков.

Мы, русские, по традиции пишем «ешь, мышь, жир, живот», хотя произносим «еш, мыш, жыр, жывот», потому что шипящие «ш» и «ж» в русском языке давно стали твердыми. Но зато когда эти звуки произносят мягко представители других народов, мы сразу чувствуем нерусскую речь. Так, например, чеченец Радуев твердил: «Жив Дудаев, жив», произнося очень мягкий звук «жь», и это звучало совсем не по-русски. И, напротив, звуки «ч» и «щ» мы произносим мягко, но пишем их так, будто бы они твердые, скажем, «чаща», хотя в реальности произносим «чящя». Есть славянские языки, которые различают твердое и мягкое «ч», например, польский или сербский; в последнем есть буквы «ч» и «ћ», так что у сербов надписи «ча» и «ћа» буду произноситься различно, первая твердо, как «тша», вторая мягко, как «чя». Развились у сербов и соответствующие звонкие звуки, «дж», обозначаемое «џ», и «дьжь», обозначаемое «ђ». Так что русское фамильярное отчество «Георгич» по-сербски будет обозначать фамилию, произносимую как «Дьжёрдьжичь», но жутковатую для русского глаза в ее сербском написании, «Ђорђић». Если учесть, что одна из двух правящих сербских династий состояла из Кара-Георгиевичей, можно представить себе, как часто попадается эта надпись «Ђорђић» на глаза (в Белграде она бросалась мне в лицо с каждой этикетки минеральной воды). Так небольшое различие в произношении потянуло за собой различие в написании.

Проницательный читатель скажет, что многие различия в написании носят искусственный характер, и будет совершенно прав. Действительно, средств русского письма хватило бы, чтобы различать «ча» и «чя», «джа» и «дьжя», «и» и «ы», «не» и «нэ». Средств сербского письма хватит на то, чтобы различать два первых противопоставления, но у них нет буквы «ы», и они не смогут на письме отличить слова «бил» и «был». С последним противопоставлением они справятся, ибо «не» будет выглядеть по-сербски как «ње», тогда как «нэ» будет записано как «не». Но уже «ме» и «мэ» по-сербски различить на письме невозможно, поскольку лигатуры из «м» и «ь» в сербском языке нет. Впрочем, таких проблем там не возникает, ибо мягкого звука «мь» в сербском языке нет. Иными словами, если бы можно было взять наиболее продвинутое в смысле различения звуков письмо на основе кириллицы, скажем, современное русское, то на нем можно было бы записывать тексты на любом из славянских языков.

Это действительно так, но тут вмешивается совершенно нефилологический фактор: выделение языка его графикой. Каждый этнос хочет хоть чуть-чуть отличаться от другого, в том числе и на письме. Скажем, русские и болгары пишут «Югославия», а сербы и македонцы — «Југославија», произнося при этом совершенно одинаковые звуки. Вторую надпись мы никогда не примем за русскую. Но и болгары напишут «България» не так, как пишут русские, «Болгария»; македонцы по-другому напишут слово «Ђорђић» — как «Ѓорѓиќ». Так что даже при одинаковом чтении надписи будут графически различаться, чтобы обозначать иную нацию.

Прежде языки подчеркивали свою конфессиональную, то есть религиозную принадлежность, теперь больше государственную. Это отмечают современные исследователи, например, профессор Белорусского госуниверситета Н.Б. Мечковская: «*В новое время конфессиональная маркированность письма постепенно меняет свою социальную значимость: графико-орфографические инновации содержательно (идеологически) становятся знаками не столько религиозной, сколько национально-языковой и культурной ориентации или принадлежности. В XX веке, в особенности в СССР и СФРЮ, а затем в новых независимых государствах, в социальном содержании графико-орфографических изменений выходит на первый план их государственно-политическая*

значимость...»[2]. При этом исследовательница отмечает одновременное наличие как аристократизацию письма в виде более строгой его регламентации, так и присутствие архаизации. «*В истории новоболгарского письма*, — пишет она, — *тенденции, характерные для национального возрождения (приоритет этнического языка, стремление к демократизации его норм, в том числе орфографии), парадоксальным образом сочетались с архаизирующими тенденциями. По мере ослабления и затем освобождения от Османского ига болгарская интеллигкнция открывала для себя величие древней болгарской письменной культуры. Стремление понять первоистоки, восстановить утраты, заявить о новой болгарской культуре как о подлинной наследнице древнейшей славянской книжности вошло в идеологию национального возрождения болгар. В сфере графики и орфографии письма это сказалось в «патриотической» реставрации или консервации многих церковнославянских особенностей письма* «[3]. В результате таких неязыковых, но чисто этнических особенностей азбуки славян постепенно стали чуть-чуть различными. Это и подчеркнула данная исследовательница в заключении: «*В графике почти каждого славянского языка имеется хотя бы один особый знак, отличающий данное письмо от остальных графических систем Славии.. Национальное языковое сознание склонно дорожить отличиями, впрочем, и недруги воспринимают особые буквы как знаки суверенного народа»*«[4].

Я не собираюсь детализировать все особенности современных славянских алфавитов, отразив лишь их основные отличия как от породившей их кириллицы, так и друг от друга. Эти оличия я уже показал. Теперь осталось показать смену шрифтового состава букв.

Поначалу русский рукописный почерк назывался «устав» (с 10-го по середину 16-го в.); каждая буква выписывалась очень тщательно и выглядела необычайно красиво; к сожалению, этот вид шрифта был необычайно трудоемок и потому навсегда не удержался.

Рис.1 Вид устава. «Евангелие от Кошки», 1392 год

Начиная со второй половины 14-го века и до первой половины 17-го века, временами сосуществуя с уставом, появляется *полуустав* — шрифт не столь красивый, но и не столь трудоемкий. В.Н. Щепкин пишет, что «*вертикальный, или прямой, полуустав обыкновенно лишен каллиграфичекой строгости: отдельные буквы его бывают прямы только более или менее. Равным образом буквы в полууставе не выдерживают строго геометрического принципа: прямые линии допускают некоторую кривизну, округлые — не представляют правильной дуги. Все это результат облегченного процесса письма, которое стремится прежде всего к удобству, а требование красоты заменяет требованием четкости. Принципу удобства служат и сокращения, но количество их бывает очень различно. Удобство, между прочим, необходимо соединяется с известным ускорением, но скорость не есть прямая цель полуустава, ибо другим его требованием является четкость. Полуустав, в котором ускорение процесса письма сказывается заметно, называется беглым полууставом*»[5].

Рис.2 Полуустав. «Лествица», 1622 год

Еще позже, со второй половины 14-го века и по первую половину 20-го века существовала скоропись. В.Н. Щепкин характеризовал ее так: «*Скоропись есть почерк, рассчитанный на существенное ускорение процесса письма. Ускорение достигается: 1. Большей свободой тех нажимов и взмахов, коими конечности букв выводятся вверх или вниз. 2. Безотрывными написаниями соседних букв. 3. Более многочисленными сокращениями. В создании великорусской скорописи из трех указанных действующих причин первая была основною, она обусловила новый, скорописный почерк. На постепенном проявлении второй и третьей действующей причины основана дальнейшая эволюция великорусской скорописи*»[6].

Рис. 3 Скоропись. Минея-четья, 1648-1654 гг.

Со второй половины 16-го века параллельно с рукописными книгами стали появляться книги печатные, где шрифт выглядел как полуустав. В начале 18-го века после реформы Петра I (1708 год) в печатных изданиях полуустав был заменен на гражданский шрифт, которым книги печатают и до сих пор. — Во время пребывания Петра I в Голландии в 1697 году местный предприниматель Ян Тессинг обратился к нему с просьбой разрешить открыть в Амстердаме русскую типографию и дать привилегию на продажу книг в России. Такую привилегию Ян Тессинг в 1700 году получил, в а в 1709 году наборщики прислали Петру I образцы набора полууставом и гражданским шрифтом, как показано на рисунке ниже.

Рис. 4

Рис. 5

Образец набора разными шрифтами для Петра I

Петру, естественно, больше понравился гражданский шрифт, который и был введен указом от 29 января 1710 года.

Следует упомянуть и еще один, более редкий и сложный способ изображения букв. В рукописных книгах заголовки писались особым начертанием — вязью. В.Н. Щепкин определяет ее так: «*Вязью называется кирилловское декоративное письмо, имеющее целью связать строку в непрерывный и равномерный орнамент. Эта цель достигается различного рода сокращениями и украшениями. Вязь является в рукописях, на фресках, на иконах, колоколах, на металлической и шитой утвари, на надгробьях*»[7]. Ниже приводится один из примеров заглавия: «От Иоанна святое благовествование».

Рис. 6 Вязь. Новгородское евангелие 16-го века

Как отмечает Н.Б. Мечковская, «*с развитием книгопечатания сложилась шрифтовая оппозиция церковной кириллицы, имитирующей устав, и нового шрифта (позже названного гражданским), более светлого и округлого, сложившегося под влиянием латинской антиквы и поздних западнорусских почерков. Впервые такой шрифт использовал Франциск Скорина в «Бі влии Руской» (Прага, 1517). В 1710 году Петр I санкционировал русскую гражданку для «книг исторических и мануфактурных» (разработанную в Амстердаме Ильей Копиевичем и уже испробованную на московском Печатном дворе. В то же время в церковных книгах сохранялась церковная кириллица. Реформа письма 1708-1710 гг. Стала графическим символом секуляризации русской культуры и завершения семивековой эпохи церковнославянско-русской диглоссии*»[7]. Так что почти три века мы пишем гражданским шрифтом, вспоминая почти семь веков господства кирилловского письма, как для церковных книг на старославянском языке, так и для светских книг на русском.

Итак, подводя итог, можно сказать, что сегодня мы пишем современным русским гражданским шрифтом, созданном, как и многие другие современные шрифты, на базе кириллицы, но уже ушедшим от нее.

Получив эти предварительные сведения, мы можем увереннее перейти к проблемам, связанным с существованием двух славянских азбук, кириллицы и глаголицы.

Литература

1. Ветвицкий В.Г., Иванова В.Ф., Моисеев А.И. Современное русское письмо. М., 1974
2. Мечковская Н.Б. Типология графико-орфографических реформ в истории славянской письменности: фонетико-фонологические и социосемиотические аспекты. Минск, БГУ, 1998, с. 21
3. Там же, с. 24
4. Там же, с. 26
5. Щепкин В.Н. Русская палеография. Третье дополненное издание, М., 1999, с. 118
6. Там же, с. 148
7. Мечковская Н.Б. Типология графико-орфографических реформ.., с. 4

Две славянские азбуки и их тайны

Теперь рассмотрим более подробно строение двух славянских азбук, кириллицы и глаголицы. Начнем с кириллицы, чей вид показан на рисунке.

А	Аз	1	К	Како	20	Х	Херъ	600	Ꙗ	Я	
Б	Буки		Л	Люди	30	Ѡ	Омега	800	Ѥ	Е	
В	Веди	2	М	Мыслете	40	Ц	Цы	900	Ѫ	Юс большой	
Г	Глаголь	3	Н	Наш	50	Ч	Червь	90	Ѧ	Юс малый	
Д	Добро	4	О	Он	70	Ш	Ша		Ѭ	Йотов юс большой	
Є	Есть	5	П	Покой	80	Щ	Ща		Ѩ	Йотов юс малый	
Ж	Живете		Р	Рцы	100	Ъ	Ер		Ѯ	Кси	60
Ѕ	Зело	6	С	Слово	200	Ы	Еры		Ѱ	Пси	700
З	Земля	7	Т	Твердо	300	Ь	Ерь		Ѳ	Фита	9
І	И	10	Ѹ	Ук	400	Ѣ	Ять		Ѵ	Ижица	
Н	Иже	8	Ф	Ферт	500	Ю	Ю		Ѿ	От	

Кириллица. Вид и названия букв, цифирь

Как видим, существует ряд букв, ушедших из современного шрифта, например, юс большой и юс малый, а также их йотованные варианты. Ушли из современной азбуки также йотованная буква А и йотованная Е. Ушли буквы зело, ять, кси, пси, фита, ижица, омега и от. Буквы добро, иже, наш, земля, червь, ща и ы сейчас выглядят несколько иначе, чем в кириллице. Да и общее начертание букв видится более плотным, чем в наши дни. Немного удивляют названия и числовые значения, в которых не просматривается какой-либо системы. Вот, пожалуй, и все мысли, которые приходят в голову при взгляде на кириллицу.

Тем не менее, есть исследователи, которые всерьез полагают, что кириллица — это некое зашифрованное послание. К таким авторам относится, в частности, Адольф Васильевич Зиновьев. Вот что он пишет: «*Древнеславянский алфавит — это сложная Буквенно-Числовая система, где каждый Знак есть эзотерический Символ. Если развернуть кириллический Знак и представить его в виде Букв-Слов и Букв-Чисел, то сразу обнаруживается много «странностей». Мы разделили кириллицу пополам, и сразу бросается в глаза, что «Высшая» и «Низшая» части (левая и правая) резко отличаются друг от друга. Можно сказать, что они противоположны. Действительно, первый ряд Знаков (Азъ-Фертъ) носит возвышенный характер. Об этом свидетельствуют многие признаки. Почти все Буквы представлены словами, смысл которых ясен. Более того, если прочесть подряд Буквы-слова, то слагаются четкие фразы. «Како люди мыслете», «Наш он», а выражение «Рцы слово твердо» встречается в летописях. Звуковую гамму можно напевать, в ней слышится мелодия. Многие еще помнят грузинскую песню «Сулико», своего рода алфавитную музыку — а, б, в, г, д, е, ж, з...*»[1]. — Тут затронуто много проблем, поэтому однозначно прокомментировать данный отрывок трудно.

Прежде всего, идея видеть в алфавите эзотерическую систему не нова. В частности, такой системой является Каббала или Каббалистическая наука. «*Одному Богу ведомы соотношения вещей и что такое бесконечность. Древние раввины, философы и каббалисты для объяснения порядка, гармонии и небесного влияния*

на мир употребляли 22 буквы, известные у нас под именем еврейского мистического алфавита », — писал Ленин[2]. Правда, на самом деле в нем 27 знаков, но некоторые из них имеют только числовое значение. Все свойства мира выводятся из числовых значений этого мистического алфавита.

Далее, многие алфавиты мира имеют буквы, чьи названия осмыслены. Скажем, в греческом алфавите буквы альфа, бета, гамма и т.д. не имеют значения по-гречески, но они являются искаженными заимствованиями из финикийского, где буквы алеф, бет, гимель и т.д. имеют смысл: бык, дом, верблюд и т.д. При этом, если угодно, эти названия можно группировать, получая некоторые осмысленные предложения, например, «для дома финикийца очень важен его скот в виде быка и верблюда». А доктор Эрнст Е. Эттиш (он же Элияху Рош-Пинна) из Тель-Авива полагает, что «*буквы еврейского алфавита — это настоящие иероглифы... Многие буквы еврейского алфавита носят имена видимых предметов; эти разные предметы применялись древними египтянами как иероглифы; по иудейской традиции в буквах сокрыты такие тайны, которые, если правильно расставить буквы, должны составить целое с внутренним смыслом*»[3]. — Так что Зиновьев как раз и пытается «так расставить буквы, чтобы составить целое с внутренним смыслом».

Наконец, не ново и пропевание азбуки. Скажем, при изучении немецкого языка существует специальная мелодия, на которую поется алфавит: «*a, b, c, d, e, f, g*...». Правда, эта алфавитная песенка у немцев считается детской. Но то, что алфавит можно пропеть на некоторые мелодии, не вызывает сомнения. Короче говоря, Зиновьев предлагает поступить с кириллицей примерно так, как каббалисты с еврейским алфавитом.

Тем не менее, продолжим рассмотрение доводов Адольфа Васильевича. «*Практически все буквы «Высшей половины» наделены числами. Они сгруппированы в четкие, нарастающие ряды. В них легко усматривается принцип триады, закон возвышения. В единении Слова и Числа выражена гармония, идея жизни «по природе», идея духовной устремленности «к свету», «добру», «истине». Характерно, что в русском языке наиболее широко используются все буквы именно первой половины азбуки. Старинное выражение — «Говори численно», стало быть, точно, правдиво, логично, оттеняло также и большую значимость Числа и Слова, высокую роль грамотности, всестороннего образования.*

«Низшая половина» воспроизводит противоположную картину. Практически все буквы ее выражены слогами либо усложненными словами. Они грубы, бессвязны, бессмысленны. Вульгарно-низменный характер большинства знаков вполне очевиден. Весь буквенный ряд лишен мелодичности, слова-слоги читаются трудно, косноязычно, возникают ассоциации с неприятным запахом. Если учесть, что буквы с числами относятся к Началу и Концу азбуки (об этом речь впереди), то оказывается, что вторая часть «бесчисленна». В русской речи некогда бытовало выражение — «Не с числа говорит», — значит, ошибается, лжет, возводит напраслину. А для клеветников, преступников, всегда предназначались узы, юзы, то есть путы, оковы и темницы, пресекающие ложь и зло. Все знакиздесь как бы выражают невежество, ущербность, бездуховность.

И еще один аспект. Знаки «Высшей половины» имеют четкую графику. Их очертания были удобны для писания текстов уставом, полууставом и скорописью. Этого нельзя сказать о знаках противоположной стороны. Их нарочитая усложненность весьма затрудняла письмо. Чистая речь отвергала неблагозвучные слова и выражения. Совокупность этих причин, вероятно, и привела к тому, что десять букв «низменной части» кириллицы со временем выпали из русского алфавита »[4]. — Очень интересные заявления. Они говорят о том, что Адольф Васильевич совершенно незнаком с историей образования

кириллицы, смотрит на нее так, как верующий на икону, и пытается мифологизировать то, суть чего он не знает.

То, что он называет «низшей» и «высшей» половиной кириллицы имеет как раз обратную ценность с позиций славистики. За исключением пары-тройки букв «высшая половина» представляет собой буквы греческой азбуки, вошедшие в кириллицу; именно им Кирилл и приписал числовые значения. Напротив, за исключением букв пяти «низшая» половина являет собой собственно славянские знаки, которым Кирилл не приписывал числовых значений. Использование греческого алфавита для передачи общих с греческим языком славянских звуков не было проблемой даже на уровне простых людей, так что тут никаких особых заслуг Кирилла не усматривается. Разумным видится и его приписывание именно буквам греческого происхождения числовых значений, ибо тогда все греческие слова в славянских языках сохранили бы свою сумму цифр, а их славянское оформление никоим образом эту сумму не изменили бы. Напротив, создание букв для передачи славянских звуков как раз и представляло сложную фонетическую проблему, так что «высшей» следует считать вторую часть кириллицы. Понятно, что за ними еще не закрепились определенные названия, поэтому их чаще всего называли просто по чтению, как буквы современного гражданского письма. В этом как раз можно усмотреть черты прогресса: если во времена Кирилла односложно называли только часть букв славянского происхождения, то сейчас мы так называем все буквы, так что при желании тут можно обнаружить некоторые элементы предвидения.

Что же касается «нарочитой усложненности» этих букв и их постепенного выпадения из азбуки, то объяснение тут очень простое: менее сложные знаки уже были использованы в греческой части кириллицы, так что для получения выразительных и потому резко отличающийся от греческих букв следовало несколько усложнить их графическое изображение. А выпадение этих знаков из азбуки произошло не на уровне букв, а на уровне звуков: поскольку этими буквами обозначались именно славянские звуки, то они и оказались наиболее подвижными, перейдя в другие звуки, потребовшие для их передачи уже наличия других букв. Ничего «низменного» ни в форме, ни в исторической судьбе этих букв отметить невозможно. Поэтому при всем уважении к наблюдательности Зиновьева, различившего в кириллице знаки разного происхождения, согласиться с его трактовкой нельзя. Вместо объяснения мы получаем миф.

В связи с этим особенно мифологичными звучат такие слова: «*Разумеется, нельзя приписывать Константину Философу небрежное отношение к своему творению. Создание славянской азбуки было оглашено как божественное откровение. И в этом кириллица не является исключением. Все древние алфавиты почитались как священный дар Богов. Создать письмена и ввести их в употребление — это труднейшая задача, требующая, по словам Н.М. Карамзина, «удивительного разума, и столь непонятного для обыкновенных людей, что они везде приписывали богам изобретение оных. Издревле к своим азбукам люди относились со священным трепетом, усматривая в них веками хранимую высшую мудрость. В плеяде азбук мирового значения кириллица заняла равнодостойное место*»[5]. — Чтобы показать, что кириллица вовсе не считается письмом богов, можно процитировать двух историков письма. Вот что пишет Я.Б. Шницер: «*Кириллицв недаром получила название греко-славянской азбуки. Стоит только взглянуть на любую рукопись кирилловского письма и сравнить ее с какой-нибудь рукописью греческого уставного (унциального) письма 9-го, 10-го или 11-го века, чтобы убедиться, что, за исключением букв чисто славянских, кириллица представляет не что иной, как верную копию с греческого алфавита. Оба письма так сходны, что при поверхностном взгляде трудно определить, с каким письмом мы имеем дело — с греческим или славянским*»[6]. Нечто подобное мы читаем и у Иоганнеса Фридриха. В разделе «Поздние ответвления греческого

алфавита» его «Истории письма» он пишет: «*В раннехристианское время по образцу греческого письма были созданы еще некоторые письменности. Две из них — простые заимствования с некоторыми добавлениями, третья и четвертая — скорее изобретения, сделанные на основе греческого письма* »[7]. К первым двум он причисляет вестготское письмо Вульфилы, а также коптское и нубийское письмо; к третьему и четвертому — славянскую и албанскую письменности. Так что «равнодостойное место» славянкой кириллице Фридрихом отводится наряду с коптами, нубийцами и албанцами. С другой стороны, тут же он помещает раздел «Победное шествие латинского письма в новое время», где отмечает: «*Из всех видов письма наибольший успех выпал на долю латинского. Оно распространилось не только на романскую территорию, но и завоевало все германские языки, проникло в глубь славянской территории, господствует в Албании, в Венгрии и Финляндии. Конечно, оно не было всюду механистически заимствовано, в пазных языках развились определенные особенности... Каждый язык привнес в заимствованную форму нечто свое; в чешском, хорватском и словенском репертуар знаков был расширен исходя из принципов научной фонетики и с помощью диакритических значков. Но латинское ядро всюду одно и то же. В настоящее время в Европе многочисленные русские и обладающие сильно развитым национальным самосознанием греки — единственные, кто еще не принял латинский шрифт.*

Но латинский шрифт наряду с этим уже господствует и у неевропейских народов... Хотя мир еще далек от употребления одного-единственного письма, но если когда-нибудь будет решено прибегнуть к такому письму, то им смогло бы, вероятно, оказаться только латинское»[8]. — Как видим, с его точки зрения, если уж и объявлять какой-либо вид письменности божественным, то вовсе не славянское кирилловское, а письмо латинское.

Но попытаемся все-таки проследовать за мыслью А.В. Зиновьева до конца. «*Мы будем рассматривать кириллицу как священное письмо, как целостную систему буквенно-числовых Знаков, которые преисполнены сокровенным смыслом*»[9], — пишет он. — Хорошо. Пусть так. К каим же откровениям мы тогда придем? На этот вопрос он отвечает в разделе «Софийное письмо Кирилла».

Составив список синонимов к названию букв и выделив некоторые из них, Зиновьев заметил, что «*выделенные слова сразу начинают сливаться в предложения. Прочтем их от Азъ до Ферт. Сразу обнаруживается логически стройное назидание*»[10]. Вот оно:

Изначально будь первым;
ведай учение, говори-поступай добронравно,
по-естеству живи;
крепко землю люби, стремись, как люди мыслящий;
наш брат духовный; изречешь слово твердое,
укрепишь закон.
Слава вечная.

Затем следует переход к другой части азбуки через буквы «хер» и «омега». Они поданы таким способом:

Их Зиновьев понимает так: «*Высшее положение занимает Х — тайный знак Христа и крестного пути, что предначертан Человеку-Человечеству. В азбуке это буква Херъ — Херувим, один из высших ангельских чинов. Херувимы выражают «самые приближенные к Богу небесные силы, окружающие на небесах престол Вседержителя и Агнца (Христа)». Во время Константина уже пели на литургиях «Херувимскую песнь», при исполнении которой священник тайно читал Херувимскую молитву. Символика славянской азбуки свидетельствует, что она мистически связана с высшими духовными Сферами, иначе говоря, имеет божественное происхождение, богооткровенна, подобна священным азбукам других стран. Скрытый смысл Букв Херъ + Омега, преломившись в народной речи, сохранился в словах и выражениях. К высшему Кругу причастны также Буквы-Числа Цы (900) и Червь (90). Они еще сильнее разделяютособые Сферы и Пути, что предначертаны противоположным судьбам*»[11]. — Вот, оказывается, что можно вычитать из ничем не примечательных букв Х, Ц, Ч и омега.

Затем идет анализ оставшихся букв, начиная с буквы Ш; мы знакомимся с таким «коренным смыслом» слов, передаваемых слогами, как: Ша — шваль, ничтожный, суетный; Ща — нещадно; Ер — вор; Еры — пьянюга; Ерь — еретик; Ять — принять; Ю — доля горькая; Я — изгнанник; Е — мучения; Юс малый — изловят, свяжут; Юс большой — темница; Йотовый юс малый — заточат; Йотовый юс большой — казнят. Словом, не список, а как бы иллюстрация из курса «Психиатрии» по разделу «Белая горячка». Откуда взял А.В. Зиновьев такие значения — сказать трудно. Скажем, слог Ша — иллюстрация идет словом французского произхождения, *шваль*. Но почему бы не взять другое французское слово, например, *шарм*? К слогу Ша подходит лучше. — Слог Ща — почему нельзя взять слово *щадить*? Опять-таки утвердительный смысл естественнее отрицательного. Так можно к любому слогу подобрать смысл, прямо противоположный смыслу Зиновьева. Ведь если в первой части азбуки стояли словесные названия букв, волей-неволей приходилось обыгрывать уже существующие названия; здесь же даны только слоги, которые можно интерпретировать гораздо шире, приписывая им почти любой смысл.

Но вернемся к выводу Зиновьева: «*Коренной смысл 13 «бесчисленных» Букв-Слов достаточно ясен. Логику грядущих событий они воспроизводят в грозном назидании-предупреждении*»[12]:

Безродный, пустой, мразь конченная, утробная тварь;
шваль суетная, воры, пьянюги, еретики, враги,
примите долю горькую, изгнанниками измаетесь, изловят,
свяжут, заточат в темнице, казнят.

Вот такой мрак приписывается второй части кириллицы. Нечего и говорить о том, что все это — чистый вымысел Зиновьева.

К сожалению, в этом качестве он не одинок. Он обратился с возможной публикацией в болгарском журнале «Отечество» своих изысканий (конец 1984 года), и получил ответ болгарского исследователя Йордан Велчева, автора книги «Царь Симеон». В подаренной книге есть главы, где рассматривался сокровенный смысл азбуки славян. Правда, А.В. Зиновьев не очень доволен итогом работы Велчева, ибо тот «*ограничился историко-лингвистическим подходом. Он анализирует буквы-слова, довольно легко, на наш взгляд, делает замены и подстановки, смешивая разные языки. «Правизна» и «левизна» алфавита совмещены. И все-таки азбучный шифр открывается*»[13]

У Велчева было такое толкование кириллицы:

Безродный, пустой, мразь конченная, утробная тварь;
шваль суетная, воры, пьянюги, еретики, враги,
примите долю горькую, изгнанниками измаетесь, изловят,
свяжут, заточат в темнице, казнят.

Помни буквите — разбирай думите!
Добро да се живее твърдо на земята:
което и както, хора (вие сами) мислите!
Той (бог) е нашият (душевен) покой!
Произносяй словото твърдо!
Лети, хвърчи, (но) размисляй (се), върви, расти, побеждавай:
червей (или) планина!
(Ти) мъжът, (ти) юношата, (вие всички) хора -
ум (и) разум, посока (и) здравомислие!
Слава! Напред!

Зиновьев перевода не дал, считая, что «содержание проясняется даже без перевода». Тем не менее, я рискну дать перевод:

Помни буквы — понимай слова!
Пусть добро утвердится на земле:
кто, и как из людей (как вы сами) полагает!
Он (бог) — наш душевный покой!
Произноси слово твердо!
Лети, летай, (но) думай, ходи, расти, побеждай:
червей (или) горные цепи !
(Ты) муж, (ты) юноша, (все вы) люди -
ум и разум, указание и здравомыслие!
Слава! Вперед!

На мой взгляд, это послание существенно отличается от того, которое предложил Зиновьев. И речь идет даже не об отсутствии «негативной» части. Велчев на первое место выводит запоминание букв для понимания слов — у Зиновьева говорится о том, что изначально следует быть первым и необходимо ведать учение, а не просто запомнить буквы. Велчев предлагает утвердиться добру на земле по разумению каждого, тогда как Зиновьев предлагает говорить и поступать добронравно, но не берется проповедовать добро как таковое, если оно касается других людей. По Велчеву душевный покой состоит в боге, тогда как по Зиновьеву надо жить естественно, а разумом отличается духовный брат, человек, но не бог. По Велчеву следует просто твердо произносить слова, тогда как по Зиновьеву это еще и укрепляет закон. Затем по Велчеву человеку следует летать и побеждать, поскольку с ним ум и разум, нацеленность и здравомыслие, тогда как по Зиновьеву ничего такого нет. Велчев призывает после прославления устремиться вперед, тогда как для Зиновьева дальше вечной славы двигаться некуда. Иными словами, Велчев «вычитывает» куда более полетный и боговдохновенный текст,

чем Зиновьев, дающий более естественную картину. На мой взгляд, разница в чтении получилась весьма значительной.

Каково же было мое удивление, когда я прочитал такое суждение Зиновьева: «*Интересен факт, когда в разных странах — в Болгарии и России — одновременно дешифровки дают сходные результаты. Теперь можно сказать, что тайна славянской азбуки приоткрыта!*»[14]. — На самом деле приоткрыто лишь одно — горячее желание разных авторов прочитать в виде связного текста названия букв.

Возникает законный вопрос: почему исследователи 19-го века такого послания не замечали, а вот в 20-м его начинают замечать разные авторы, причем не лингвисты? — Ответ у меня получается, к сожалению, из «низшей половины» азбуки: потому что греческий язык перестал изучаться в школах, и кириллицу перестали сравнивать с греческим алфавитом, забыв тем самым ее прототип; потому что перестали читать труды исследователей 19-го века, объяснявших возникновение кириллицы; потому что теперь возникла мода на выявление тайного эзотерического смысла там, где его нет.

Но вообще говоря, сочинения какого-то текста на буквы азбуки — дело не новое. В средние века очень любили сочинять так называемые азбучные молитвы. Я приведу пример начала одной из них, XIII века, Константина Пресвитера, из рукописи № 262 Синодальной библиотеки. При взгляде на него видим, что первое слово действительно есть «азъ», как и ожидалось. Но во второй строке вместо ожидаемого слова «буки» мы видим слово «Боже», в третьей вместо «веди» читается «видимымъ», в чтевертой вместо «глаголь» — «господа», в пятой вместо «добро» — «да», в шестой вместо «есть» — «еже», в седьмой вместо «живете» — «живущим», в девятой вместо «земля» — «закон», и только в 8-й и 10-й присутствуют «зело» и «иже». Это означает, что названия букв имели чисто мнемоническую цель лучшего запоминания, не более того. Мы сейчас иногда тоже называем по телефону звуки, когда они неясны собеседнику, например, ВОВА: Владимир-Ольга-Виктор-Анна. В это мы не вкладываем никакого послания.

1 Аꙁъ словомъ симъ молюсѧ Богоу:
2 Боже всеꙗ твари и ꙁиждителю
3 Видимымъ и невидимымъ,
4 Господа Доуха посъли живоущаго,
5 Да въдохнеть въ срьдьце ми слово,
6 Ѥже боудеть на оуспѣхъ вьсѣмъ
7 Живоущимъ въ ꙁаповѣдьхъ ти.
8 Ѕѣло бо весть свѣтильникъ жизни
9 Законъ твои, и свѣтъ стъꙁамъ,
10 Иже ищеть евангельска слова,

Начальный фрагмент азбучной молитвы

Еще более удивителен заключительный фрагмент азбучной молитвы, где отсутствуют юсы, как простые, так и йотованные (возможно, что на них было трудно придумать слова), но зато после омеги (строка 25) присутствует строка со слогом «пе» (строка 26); вместо Ъ, Ы, Ь, ЯТЬ мы видим строки 33-34 (ясно, что в славянских языках нет слов, начинающихся на названные буквы), Ю, Я и йотованное Е представлены словами «юнъ», «языкъ» и «ему» (строки 35-36 и 38), вместо юса большого поставлено слово «отцу» (строка 37), затем идет «от» (строка 39) и совершенно произвольная строка 40, содержащая слово «въ». Так что тут нет уже не только точного следования названию букв азбуки, но и нестрого воспроизводится сама азбука; а уж по содержанию строка 37 «отцу, сыну и пресвятому духу» или последующие строки со славословиями в честь Бога никоим

образом не соответствуют выводам Зиновьева о том, что в этой части азбуки заключены мразь, шваль и утробная тварь.

Я усматриваю в выводах А.В. Зиновьева (равно как и Йордана Велчева) желание открыть миру то послание, которого на самом деле нет. Нет, прежде всего потому, что названия славянских букв возникли еще **до того**, как Кирилл создал свою азбуку. И, стало быть, никакого тайного завета через азбуку он не передавал. Более того, как мы убедимся ниже, названия отдельных букв были в своей основной массе просто славянскими созвучиями германских названий рун. Так что названия исходно создавались вовсе не славянами, и тоже не образовывали никакого осмысленного текста.

24 Херовьскоу ми мысль и оумь даждь,
25 Ѡ чьстьнаꙗ, прѣсвꙗтаꙗ тронце;
26 Пѣчаль мою на радость прѣложи,
27 Цѣломоудрено да начьноу пьсати,
28 Чюдеса твоꙗ прѣдивьнаꙗ ѕѣло.
29 Шесть крилать силоу въсприимъ,
30 ществоую нынѣ по слѣдоу оучителю,
31 Имени ѥго и дѣлоу послѣдоуꙗ,
32 Ꙗвѣ сътворю еванѓельско слово,
33 Хвалоу въздамъ троици въ божествѣ,
34 Юже поѥть вьсѧкъи въꙁрастъ,
35 Юнъ и старъ, своимь раꙁоумомь,
36 Ꙗꙁыкъ новъ, хвалоу въꙁдаꙗ присно
37 Отцоу, сыноу и прѣсвꙗтомоудоухоу,
38 Ѥмоу же Чьсть и дрьжава, и слава,
39 Ѿъ всеꙗ твари и дыханиꙗ,
40 Въ всѧ векы и их векы, аминь.

Заключительный фрагмент азбучной молитвы

Меня как историка науки несколько удивляет другое: желание увидеть некую закономерность в случайности (что, вообще говоря, не возбраняется, только занятие это неблагодарное и требует массу времени, которое потом не окупается полученными весьма скромными результатами). В самом деле: допустим, что А.В. Зиновьев прав и Кирилл действительно оставил зашифрованное послание — но почему же оно столь скупо на мысли? «Изначально будь первым» — это пожелание для честолюбцев; в основной массе люди как раз не любят быть первыми, а хотят усвоить опыт предшественников. «Ведай учение» — мысль странная вдвойне. Ясно, что люди для того и учатся, чтобы знать или ведать, ведь в противном случае учиться вовсе не нужно. Но тогда мы имеем дело с очень тривиальным призывом вроде «дыши воздухом» или «пей воду». Может быть, призыв звучит «ведай тайное учение»? Но слово «тайное» тут отсутствует; к тому же тайное учение потому и тайно, что его предлагают избранным. Остальным же тайное учение никто рекомендовать не будет. «Говори добронравно, по естеству живи», — мысли достаточно спорные в развитом обществе. Уже великий русский писатель И.А. Гончаров в своей «Обыкновенной истории» показал, что добронравный провинциальный юноша был весьма прохладно принят чопорным столичным Петербургом; а жить жизнью «естественного» человека, к чему призывали просветители 18-го века даже тогда горожанину было практически невозможно. — Выражение «крепко землю люби» очень абстрактно; читателю неясно, говорится ли тут о родной земле или о всем Земном шаре. А вот что означает афоризм «Стремись, как люди мыслящий», — я не пойму. То ли «стремись мыслить как

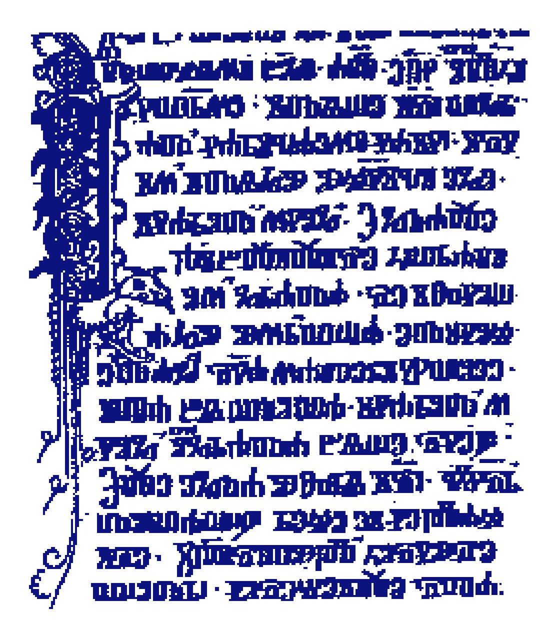
люди», — но тогда это равносильно утверждению, что «пока ты мыслишь не как люди»; то ли «стремись как люди, мыслящий», — тогда предлагается равняться на людей в стремлениях, но неясно в каких, ведь стремления могут быть греховными. Дальше идет некий обрывок мысли, «наш брат духовный», не связанный ни с чем; а затем говорится нечто странноле: «изречешь слово твердое, укрепишь закон». Но ведь твердое слово может изречь и преступник. — Словом, «тайное послание» оказывается на поверку неими банальностями, поверхностными благоглупостями, которые вовсе не стоило шифровать.

Так обстоит дело с «тайным посланием» Кирилла.

Общий вид глаголицы

Другой славянской азбукой является глаголица. Была ли у славян еще одна азбука? Что она собой представляла? На эти вопросы есть как вполне надежные ответы, так и смелые гипотезы. Вторая азбука у славян была, называлась она глаголицей. Энциклопедия нам дает такую характеристику: «*Глаголица — одна из двух славянских азбук. Название образовано от старославянского «глаголъ» — слово, речь. Почти полностью совпадая с кириллицей по алфавитному составу, расположению и звуковому значению букв, глаголица резко отличалась от нее формой букв.* — Здесь приводится и ее конкретный вид. - *Считают, что по происхождению многие буквы глаголицы связаны с греческим письмом, а некоторые буквы составлены на основе знаков самаритян и древнееврейского письма, однако своеобразие глаголического письма не позволяет уверенно связать его ни с одним из современных ему алфавитов и косвенно подтверждают предположение о том, что эта азбука изобретена одним из славянских просветителей и автором славянской азбуки Кириллом (Константином-философом) еще до отъезда Кирилла и его брата Мефодия в Моравию. Глаголица широко употреблялась в 60-е годы девятого века в Моравии, откуда проникла в Болгарию и Хорватию, где существовала до конца 18-го века; изредка употреблялась и в древней Руси.*

Пример текста хорватской глаголицы

О древнейшем виде глаголического письма можно судить лишь предположительно, так как дошедшие до нас глаголические памятники не старше 10-го века: «Киевские листки, или Киевский миссал»(10-й век), Зографское, Мариинское и Ассеманиево евангелия, «Сборник Клоца», «Синайская псалтырь» и «Синайский требник» (11-й век)»[15].

Эта статья, воспроизведенная полностью, дает первое впечатление о глаголице, хотя, конечно, многое оставлено «за кадром», а гипотезы не отделены от фактов. Прежде всего, глаголица известна в двух видах шрифта, болгарская — с округлым шрифтом, и хорватская, с прямым шрифтом

Приведенный нами в данном разделе иллюстративный пример — это глаголица болгарская. Именно этот вариант чаще всего любят приводить исследователи; вероятно, его памятников на Руси больше. Но существует и хорватская версия; ее пример дан на следующей странице. Это — хорватская глаголица 14-го века[16].

Можно привести и более интересный пример. Реймское глаголическое евангелие, привезенное в Париж во второй четверти XI века Анной Ярославной, дочерью Ярослава Мудрого, в обычных учебниках по старославянскому языку не указывается, хотя там подробно указаны все памятники, написанные глаголицей. Отчего бы это? Удивление усиливается, когда становится понятным, что данный памятник – единственный, чей возраст определен прямо: Анна захватила его с собой из Руси и он, следовательно, не мог быть написан позже ее замужества (хотя мог быть написан и раньше); все остальные памятники глаголической письменности датированы косвенно, и самые ранние отнесены к X веку. Наконец, если вглядеться в его строки, удивление возрастает еще больше[17]:

Фрагмент Реймсского евангелия Анны Ярославны

Дело в том, что шрифтом этого евангелия оказалась не привычная нам болгарская, а, как видим, очень непривычная хорватская глаголица. Существование

двух типов глаголицы установил в конце 50-х гг. XIX века П.И. Шафарик, который считал, что округлая болгарская глаголица ориентировалась на тип греческого письма, тогда как угловатая хорватская явно ставила себе образцом латинский готический шрифт. Иными словами, употребление глаголицы как несомненно славянского письма, характеризует его носителя как ориентирующегося либо на православный Константинополь (болгарская), либо на католический Рим (хорватская). Из данного нашего наблюдения следует, что Анна (Агнесса) Ярославна вывезла из Киева вариант глаголицы, ориентированный на католичество. Как известно, она вышла замуж в 1048 году за французского короля Генриха I. Правда, сохранившаяся ее подпись АНА РЬИНА, то есть АННА РЕГИНА (КОРОЛЕВА) выполнена кириллицей. Но одно дело подпись, которая может быть любой, и даже совершенно неразборчивой, а другое дело книга, сопровождающая королеву в качестве духовного спутника.

Похоже, как предполагают исследователи[18], первоначальное христианство на Руси носило католический характер, как и у хорват, писавших глаголицей данного вида. Тем самым, данное евангелие и нет смысла упоминать среди глаголических памятников, которые были писаны болгарской округлой глаголицей, дабы не смущать души и не портить красивую картину принятия христианства от православных греков, бытующую и поныне. Об этой возможности, равно как и о хорвтском характере евангелия Анны Ярославны я уже писал в одной из публикаций[19].

Упоминание хорватской глаголицы важно для рассмотрения еще одной «тайны» славянской азбуки. Речь идет о статье болгарского профессора Васила Ибнчева, опубликованной в сентябрьском номере журнала «Отечество» за 1984 год, где, по мнения А.В. Зиновьева, «*эзотерическая система заключена не только в буквенно-числовой символике, но и в форме каждого буквенного знака. Тщательно проанализировав графику глаголицы, профессор Иончев выявил тайный прообраз, исходную геометрическую фигуру, элементы которой в различных комбинациях стали рисунками букв. Этот геометрический прообраз получил название фигура-модуль*»[20].

Фигура-модуль Васила Иончева

По мнению Иончева, все знаки, получаемые из единой фигуры — это различные геометрические символы единого Универсума. Они заключают в себе схематизиролванную идею родо-видового разделения Вселенной, которая разворачивается во времени от Альфы до Омеги. Такие же геометрические символы дали жизнь очертаниям букв глаголицы.

С моей точки зрения, при желании знаки любого алфавита можно вписать в окружность, квадрат, треугольник и иную геометрическую фигуру, где они слегка деформируются, но сохранят свои основные узнаваемые свойства. Удивительно то, что в концепции Иончева нет места буквам хорватской глаголицы, которая заведомо не впишется в окружность без заметных искажений. Не впишется сюда и глаголическая буквы «б», Ш, поскольку ее очертания не округлые, а квадратные.

Возникнет сложность с буквой «дервь», Ⰼ, и с рядом других букв. Так что эта концепция имеет ограниченную применимость даже для болгарской глаголицы.

Но можно подойти к вопросу и с принципиальных позиций: теперь глаголица усматривается как продукт сознательного творчества некоторого изобретателя, который старался соединить некоторые сектора и сегменты «фигуры-модуля» Васила Иончева, чтобы воплотить в жизнь абстрактную идею «вера» + «вечность» = «мироустроение». Вряд ли, однако, в раннем средневековье срабатывали те принципы, по которым сейчас на заборах пишут «Петя + Маша = любовь». Да и из секторов и сегментов можно было сделать гораздо более простые конструкции, чем те, которые предложил Иончев.

Итак, мы рассмотрели некоторые «тайны», которые, якобы, до сих пор сопровождают кириллицу и глаголицу. Тайны эти оказались надуманными, возникшими от незнания предмета исследования. Однако существуют и реальные тайны, связанные с созданием обеих славянских азбук, например, кто и когда их создал, в каком объеме, на базе каких фоновых знаний, и что было в области славянского письма до их появления. Эти реальные проблемы гораздо сложнее, а их решение оказывается не столь однозначным, как решение рассмотренных выше псевдопроблем.

Литература

1. *Зиновьев А*. Тайнопись кириллицы. Владимир, 1998, с. 14
2. *Ленен*. Каббалистическая наука. [М, 1990, ГАУ], Учебный центр «Азъ», с. 5
3. *Rosch-Pinnah Elijahu* (dr. Ernst E. Ettisch). Hebraeisch — ein uraltes Hieroglyphensysten. Tel-Aviv, 1951, S. 7, 13
4. *Зиновьев А*. Тайнопись кириллицы..., с. 15-16
5. *Там же*, с. 16-17
6. *Шницер Я.Б*. Иллюстрированная всеобщая история письмен. Спб, 1903, репринт М., 1995, с. 208
7. *Фридрих Иоганнес*. История письма. Перевод с немецкого. Издание второе. М., 2001, с. 143
8. *Там же*, с. 146-147
9. *Зиновьев А*. Тайнопись кириллицы..., с. 17
10. *Там же*, с. 58
11. *Там же*, с. 59-60
12. *Там же*, с. 62
13. *Там же*, с. 64
14. *Там же*, с. 65
15. Глаголлица // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990
16. *Уханова Е.В.* У истоков славянской письменности. М., 1998, с. 142
17. *прищепенко В.Н*. Страницы русской истории, т. I. М., 1998, с. 101, рис. 10
18. *Валянский С., Калюжный Д*. Тьма горьких истин...Русь. Хронотрон. Версии мировой истории. М., 1998
19. *Чудинов В.А*. Шрифт русской книги Анны Ярославны // Четвертые культурологические чтения Института молодежи и ИППК МГУ. Теоретическая и прикладная культурология. М., 1999, с. 41-42

Что создали Кирилл и Мефодий?

На первый взгляд, тут нет никакой проблемы вообще, ибо то, что создал Кирилл, как раз и называется кириллицей. Эту позицию русская наука занимала весьма долгое время. В подтверждении этих слов я хотел бы привести версию, изложенную в статье архимандрита Леонида (Кавелина), опубликованную в 1891 году.

862 год. Изобретение кириллицы святым Кириллом. Святые братья солунцы Кирилл и Мефодий переводят с греческого на славянский язык священные книги (избор евангельских и апостольских чтений, псалтирь, служебник, часослов, общую минею) и вводят в Великоморавской державе славянское богослужение и кирилловскую письменность.

В 862-867 годах славянское богослужение и кириллица введены в Сербии при князе Мунтимире.

869 год. Преставление преподобного Кирилла, изобретшего кириллицу.

В 870 году в Болгарии окончательно введено славянское богослужение и кирилловская письменность.

870 год. Распря Рима с Византиею за церковное преобладание над южными славянами.

873 год. Крещение святым Мефодием чешского князя Боривоя и святой Людмилы.

877 год. Хорватский князь Сдеслав делается подручником Византии. Преподобный Кирилл и его ученики ввели в Хорвато-Далматской державе славянское богослужение и кирилловские книги еще в 862-867 годах.

879 год. Князь Сдеслав убит Бранимиром, который, опасаясь мести Византии, предается Риму. Кириллица (у далматинских сербов) в Приморье с 880 года подверглась гонению латинян наравне с глаголицей (хорватов) со стороны местного латинского духовенства (Сплетской архиепископии); этому духовенства не было никакого дела до различия алфавитов; оно видело единственно, что разрешение славянского богослужения грозит ему лишением славянской паствы. Гонения эти с 882 года, то есть со смерти папы Иоанна VIII, усилились при содействии далматинского князя и его вельмож и довело до Сплетского собора 925 года, на котором впервые славянское богослужение было запрещено вообще, как для сербов — последователей кириллицы, так и для хорватов — последователей глаголицы.

879 год. Некто диакон Феодосий, родом славянин (хорват), желая спасти полюбившееся хорвато-далматинцам славянское богослужение, придумал для этого следующее: посоветовал князю Бранимиру отступить от Византии и стать под покровительство Рима, а сам составил из кириллицы и народных и условных знаков счетного или торгового значения глаголицу, переписал ею кирилловский перевод святого евангелия, применив оный к хорватскому наречиюи по возможности согласовав с латинскою Вульгатою, вошел в сношение с Римским папою (Иоанном VIII), принял от Рима посвящение в епископы (с 879 года) и благословение совершать в его Нинской епархии славянское богослужение по изготовленным им глаголическим книгам (в 888 году).

Позже сербам позволялось служить по-гречески, а хорватам было велено служить на латыни.

885 год. Преставление святого Мефодия.

886-1018 год. По кончине святого Мефодия ученики его, во главе коих стояли Климент (болгарин), Наум Ангелларий Горазд (моравлянин) и Лаврентий, гонимые в Моравии немецким (тогда латинским же) духовенством, перешли в Болгарию под покровительство царя Бориса (Михаила), который отдал в церковное управление Климента как епископа валичского третью часть Македонии от Солуня до Иерихо (ныне Орхо) и Конина в Албании; они поселились в юго-западном углу Македонии (Кутми Чивица) в пределах Охридских, и продолжили свою святую деятельность. Скоро Охрида сделалась центром духовного просвещения македонских славян, и списки священных книг, распространенные учениками, седмочисленников, разошлись по всему славянскому миру. Один из этих списков послужил прототипом нашего Остромирова евангелия. Он писан не позже 960 года, к которому относится кончина значащегося в его месяцеслове святого Григория, епископа Мизийского, который упоминается в греческой надписи 1020 года...

891 год. По жалобам латинского духовенства папа Стефан V пишет к Феодосию, повелевая ему ограничиться пределами своей епархии и не считать себя владыкой всей Хорвато-Далмации. Преемник Феодосия, епископ Альфред продолжает борьбу со Стефаном.

923 год. Византия помирилась с Римом, будучи в опасности от Симеона, царя болгар.

925 год. Сплетский собор, на коем святой Мефодий объявлен еретиком, а книги его (кириллица) объявлены ересью и готскими. Нинская глаголическая епархия пощажена, но урезана и права ее ограничены. Славянское богослужение запрещено. Епископ народной хорватской церкви Григорий протествует, но безуспешно.

928-929 годы. Второй Сплетский собор. Славянское богослужение вторично запрещается. Нинская епархия упразднена, но борьба на этом не закончилась.

988 год. Великий князь киевский Владимир крестил русский народ...

1059 год. Третий Сплетский собор и третье запрещение славянского богослужения.

1248 год. Глаголиты находят себе защитника в лице папы Иннокентия, который дозволил им снова вести славянское богослужение по глаголическим книгам с некоторым сближением оного с латинским обрядом[1].

Итак, как мы видим, у отца Леонида нет ни тени сомнения в том, что Кирилл создал кириллицу в 862 году, тогда как глаглица была создана, по о. Леониду, в 879 году, то есть на 17 лет позже, отцом Феодосием, далматинским монахом. Достаточно подробно описано триумфальное шествие кириллицы по Моравии, Сербии, Хорватии, Болгарии и России, а также гонения на кириллицу и ее проповедников.

А вот что писал в 1848 году такой выдающийся отечественный филолог, как Измаил Иванович Срезневский: «*Обращаясь к азбуке глагольской, отметим прежде всего, чем сходна и чем отлична она от кириллицы. Большая часть ее букв по своей форме отличается не только от кирилловских, но и от других известных. Сходны с кирилловскими д, х, м, п, ф, ш... Подбор букв тот же. Порядок букв также одинаков... Особенность многих глаголических букв приводит издавна к заключению, что глаголица есть древняя азбука языческих славян и, следовательно, древнее кириллицы; этому верил граф Грубишич*[2]*, доктор Антон* [3]*; этому верит и теперь известный филолог немецкий Я. Гримм*[4]*. Опровергнуть это едва ли возможно, допустивши, что простые черты древние заменены курчавыми и сложными в известной теперь глаголице уже позже, вследствие особенных, неизвестных причин; впрочем, также трудно опровергнуть и то, что буквы глаголицы неизвестного происхождения не были никогда проще, а изобретены досужим грамотеем так, как они есть, без всякого*

отклонения к древним письменам славянским. Правда, что черты глаголицы вообще грубы и некоторые отворена на левую сторону, как будто употреблялись для писания с првой руки к левой, но грубость рисунка букв не признак древности, а отворенность некоторых на левую сторону могла быть и случайным выражением вкуса изобретателя...»[5]. Как видим, глаголица тут признается древнее кириллицы, но со слов наиболее ранних ее исследователей. С другой стороны, И.И. Срезневскому кажется, что глаголица «*составлена по образцу кирилловской: это ясно и из подбора букв, и из порядка их, и из характера правописания. Что, в чем она отличается от кириллицы, по своему строго, только подтверждает, что она позже кириллицы*»[6]. Так что его собственное мнение предполагает более позднее происхождение глаголицы.

Я не буду утомлять читателя перечислением исследователей, считавших, что сначала Кирилл создал кириллицу, а затем кто-то позже придумал глаголицу. Тем не менее, словенцы и хорваты, то есть жители тех мест, где богослужение пользовалось глаголическими книгами, полагали более ранней глаголицу. Их доводы были весьма убедительными. Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, стало ясно, что глаголица древнее. С другой стороны, существовала традиция, что славянскую азбуку создал Кирилл (до пострижения — Константин Философ) с братом Мефодием. Отказ от древности кириллицы сразу ставил ее в невыгодное положение: если она была создана второй по времени, то все важные филологические задачи были решены в первой азбуке, и тогда изобретение второй азбуки было просто переходом на иной шрифт. Тогда становилась под сомнение репутация Кирилла: человек, сотворивший непервую славянскую азбуку, вряд ли мог бы претендовать на роль святого, да еще равноапостольного. Если же настаивать на древности кириллицы, то ставилась под сомнение репутация славистов, показавших древность глаголицы.

Выход был найден славистом Добнером в 1785 году[7]. Он сохранил оба взаимоисключающих положения, создав их компромисс: Кирилл создал глаголицу. С тех пор этот компромисс нехотя стали повторять сначала западные слависты, а затем и отечественные. Нехотя, поскольку постоянно подчеркивается, что вопрос пока дискуссионный, но большинство склоняется к тому, что Кирилл создал глаголицу. Нехотя потому, что вопиет само название: Кирилл мог создать только кириллицу! Даже если азбука, созданная Кириллом, действительно оказалась бы глаголицей, она должна была бы называться кириллицей в качестве второго имени; а созданная кем-то из его учеников вторая славянская азбука должна была иметь название климентицы, гораздицы, лаврентицы, но не кириллицы. И это — самый сильный аргумент против компромисса Добнера.

А другого компромисса слависты и не искали, постоянно бродя вокруг одного и того же пугала: если Кирилл создал не первую славянскую азбуку, значит, он не может быть апостолом. А если он апостол, он создал первую славянскую азбуку. Мне эта дилемма напоминает известный софизм «рогатый»: можно ли потерять то, чего нет? Нельзя. Но с другой стороны, у тебя нет рогов. Значит, ты их потерял. А если потерял, значит имел. Значит, ты был рогоносец.

Выход из сложной ситуации состоит в самом понимании того, что такое «первая славянская азбука». Для кого она первая, по каким характеристикам? До сих пор проблему славянской азбуки решали филологи, и им казалось, что первая азбука — эта та, которая решала филологические проблемы, то есть передачу славянских звуков на письме. Для этого Кирилл должен был быть филологом. А он имел прозвище Философ и был посланником то патриарха, то папы по весьма деликатным религиозным вопросам. Честно говоря, азбука для государственных документов, а тем более для книг светских авторов или для личных записей простых людей его не интересовала. Ему нужно было создать письменность для священных текстов, чтобы иметь возможность не просто переводить с греческого

или латинского, но и переносить без искажений многочисленные имена собственные, а также многие библейские термины и реалии. А это — совсем иная задача. Иными словами, ему нужно было создать первую христианскую азбуку, возможно даже еще уже — первую азбуку для православных славян (хотя католицизм в то время еще официально не размежевался с православием). И с этой точки зрения сколько бы к данному времени ни существовало светских азбук, азбука православия все равно будет первой по своему целевому назначению. И даже более того: если бы уже существовала азбука для католиков, то и в этом случае азбука для православных вполне правомерно может быть названа «первой славянской».

Встав на эту позицию, можно вполне обоснованно совместить два взаимоисключающих тезиса: Кирилл создал кириллицу как первое **православное** христианское славянское письмо, а глаголица могла быть либо первым **светским** славянским письмом, либо первым **католическим** христианским письмом.

А создавали ли солунские братья славянскую письменность? Иными словами, создавали ли они не конфессиональное, а общегражданское письмо? Эту проблему всерьез никто и не отваживался поставить. Ведь отрицательный ответ на вопрос означал бы (опять-таки в рамках действующей парадигмы), что равноапостольные Кирилл и Мефодий не создавали в качестве *дела всей своей жизни* (как это часто называют многие иследователи их творчества) славянской азбуки, и, следовательно, они являлись просто греческими миссионерами в славянских землях (каких кроме них было еще несколько человек). И тогда создание славянской общенациональной азбуки лишается священного ореола и уходит из числа общенародных праздников православной церкви славянских стран. Это — весьма ощутимая потеря, на которую, например, Русская православная церковь вряд ли пойдет. Даже смена кириллицы на глаголицу в качестве созданной Кириллолм азбуки уже изрядно замутило бывшую когда-то совершенной картину приобщения к христианству славянской части Европы.

Тем не менее, некоторые филологи, например, молодой ученый Е.В. Уханова, просто как непредвзятый исследователь, сопоставила ряд фактов. Так, «*согласно Житию (Константина) возглавил миссию к сарацинам, т.е. к арабам, Константин, а в помощники он получил асикрита (дворцового секретаря) Георгия*». Сохранилась также хроника арабского писателя Абу-Джафар Табари (839-923 гг.). «*По данным хроники, миссию возглавлял не молодой Константин, а занимающий высокое положение при дворе асикрит Георгий. В ее состав входило около пятидесяти вельмож со своими слугами. Цель миссии — обмен пленными. Свидетельства Жития Константина и хроники вовсе не противоречат друг другу. Видимо, у миссии было несколько целей: Георгий занимался обменом пленных на берегах реки Ламуса в Киликии, Константин в это время решал богословские вопросы в Багдаде. Хрониста в этом случае интересовали политические вопросы, писателя Жития — сведения о «своем» святом. Сарацинская миссия в Житии Константина описывается подробно, сообщается множество деталей диспута. По словам Жития, Константину Философу не составило труда одержать верх над мусульианскими оппонентами. При этом он обнаружил хорошее знание Корана. Но после рассказа об успешном завершении миссии и возвращении Константина домой в феврале-марте 856 года изложение событий становится предельно кратким и не всегда мотивированным*«[8].

Это наблюдение исследовательницы дает нам ключ к пониманию жизни солунских братьев. Действительно, ради философского диспута вряд ли следовало снаряжать дорогостоящую миссию, да и вряд ли в Багдаде отнеслись бы к такому диспуту легкомысленно, если бы он замышлялся на государственном уровне. Скорее всего, действительно, государственный чиновник Георгий возглавил большую миссию по обмену пленными, куда включили и любимчика патриарха

Фотия молодого богослова Константина. И если основная деятельность комиссии протекала в Киликии, то не имеющего никаких определенных заданий Константина отпустили на экскурсию в Багдад. Тут, среди случайных людей, вполне мог состояться разговор в том числе и на богословские темы, не выходящий, впрочем, за рамки обычной светской беседы, и именно тут молодой человек мог блеснуть своими познаниями. Так что никакого специально подготовленного диспута скорее всего и не было, и Житие расцвечивает в общем-то интересный, но не слишком значительный эпизод: профессионал естественно победит в споре дилетантов. Повторяю, если бы диспут был задуман хозяевами, противники Кирилла оказались бы куда сильнее.

Весьма сомневается цитированный автор и в правильном изложении другой миссии Кирилла, хазарской. «*Исследователи не раз подвергали сомнению подробности хазарской миссии, сообщаемые Житием. Прежде всего, не ясна настоящая цель миссии. Согласно Житию, хазары стояли перед выбором веры... Однако, как известно, хазары, по крайней мере вся правящая верхушка и знать, к началу IX века уже приняли иудаизхм, и поэтому доказательства правоты христианства для них были неактуальными. Неправдоподобной выглядит вся речь хазарских послов, изложенная в Житии, в которой от имени кагана обычаи собственного народа были названы «постыдными», а греки названы «великим народом», которые имеют «царство от бога». Последнее высказывание отражает взгляд византийца, а не мнение хазарского кагана, и свидетельствует о влиянии византийской идеологии на учеников Константина и Мефодия, которыми были написаны Жития первоучителей*«[9]. В отличие от предыдущего отрывка здесь весьма четко назван заказчик Жития: **Византия**.

«*Согласно Житию, Константин возглавлял миссию. Однако, косвенные данные говорят о том, что во главе миссии стояло другое лицо... Если бы Константин был официальным главой миссии, он представлял бы императора. В этом случае у хазар не могло бы возникнуть затруднений относительно его положенгия и формальностей, с этим связанных*»[10]. Имеется в виду эпизод, когда хазары не знали, на каком удалении от кагана его посадить за стол. И опять, Кирилл был включен в состав миссии дополнительно, не будучи его главой.

Исследовательница особо выделяет слова «проложного Жития Мефодия»: «*Кирилл же уговорил брата своего идти с ним, потому что тот знал славянский язык». — «Это сообщение имеет очень большое значение,* - комментирует исследовательница,*.. — Сохранились свидетельства, что сочинения Константина с греческого на славянский переводил именно Мефодий. Помимо всех его достоинств, во время миссии он «служил меньшому брату как раб*». *Именно так говорится о нем в его Житии*«10. Получается, что сам Кирилл знал славянский язык хуже брата, и не отличался его работоспособностью.

Помимо того, что Кирилл хорошо знал Коран и, видимо, арабский язык, «*в Херсонесе была большая еврейская община, где Константин нашел учителя и в короткий срок овладел языком*»10, чуть позже он легко выучил язык самаритян (тоже один из семитских языков). Иными словами, возникает впечатление о том, что Кирилл был специалистом по семитским языкам, почему его и включали в состав делегаций в соответствующие страны. Специалистом по семитским, но, увы, не по славянским!

Наконец, кульминацией всего этого исследования является цитирование такого места из Жития: в Херсонесе Кирилл «*нашел же здесь евангелие и псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога* »[11]. Хотя исследовательница напоминает, что некоторые ученые полагали, что вместо слово

«руськыми» надо читать «сурьскыми», то есть сирийскими, ибо Кирилл был специалистом по семитским языкам, я считаю, что все сказанное в Житии в даном случае соответствует истине: именно русскими. Это не славянское слоговое письмо, ибо речь идет о буквах, а не о слоговых знаках; это не германские или тюркские руны, и даже не глаголица, ибо буквы соответствовали языку Кирилла, а его родным языком был греческий; следовательно, эти «русские письмена» были ничем иным, как ранней кириллицей, ибо только она включает в себя греческий алфавит в качестве примерно половины азбуки! Итак, Кирилл нашел уже существующую кириллицу, которая тогда называлась «русскими письменами», и это прямо-таки убийственное свидетельство о существовании докирилловского письма у русских! Так что **Кириллу незачем было изобретать славянскую письменность, она уже существовала до него**! Как видим, наше предположение о том, что до Кирилла существовало не только светское, но и христианское письмо, данным свидетельством подтверждается.

Заметим, что знакомство с существующей славянской письменностью было делом случайным, да и не особенно значимым для Кирилла, ибо основным его деянием стало обретение мощей святого Климента. Эту часть Жития В.А. Истрин пересказывает так: «*Там же в Херсонесе Константин вспоминает, что на грани I и II вв. нашей эры сюда будто бы был сослан императором Траяном римский епископ Климент. Согласно легенде, Климент был утоплен язычниками в море с якорем на шее. Константин производит розыски останков Климента и находит на каком-то острове некие древние кости; по лежащему рядом якорю он принимает их за останки Климента. Эти останки Константин почему-то не отдает в одну из херсонесских церквей, а увозит с собой в Византию. Там тоже хранит эти останки у себя, затем везет их в Моравию, из Моравии в Рим... Зачем? Для чего? Единственно возможное объяснение заключается в том, что Константин понимал,, какую большую ценность имеет его находка, и предвидел роль, которую она сможет сыграть в его судьбе. Предвидение это, как будет показано ниже, полностью оправдалось*»[12]. Как видим, поведение Кирилла в Херсонесе мало соответствует функции первоучителя славянского, но весьма походит на деятельность христианского миссионера. Интересно также, что перед своей смертью в 869 г. он написал два произведения, венчавшие труды всей его жизни. Увы, это не были комментарии по поводу создания славянской азбуки или примечания к переводам библейских книг на славянский язык; это был литературный опус «Обретение мощей святого Климента» и стихотворный гимн, посвященный тому же Клименту. Вот что сам Константин считал делом своей жизни! В начале февраля 869 года состояние здоровья его настолько ухудшилось, что он слег в постель, тогда же принял схиму и новое имя Кирилл, а 14 февраля умер. Так что Кириллом он пробыл менее двух недель и только на смертном одре.

Как видим, реальная жизнь Кирилла мало похожа на то, что нам предлагают Жития. Ни одно из них не говорит о создании славянской азбуки и о трудностях, связанных с переводом на славянский язык священных книг. Так что единственным произведением о профессиональной деятельности Кирилла в качестве первоучителя остается сказание «О писменехъ» черноризца Храбра. Но что же мы видим в этом тексте? Прежде всего, что было создано 38 буквы, «ова убо по чину греческих письмен, ова же по славянской речи». При этом, однако, долго комментируется тот факт, что начало было положено с греческой буквы альфа, которая стала буквой АЗ. И основной мотив сочинения — почему этих букв 38. Здесь удивляет то, что ничего не говорится ни о вкладе Мефодия, ни о переводах учеников Кирилла, ни о том, что славянское письмо было известно Кириллу еще по Херсонесу. Иными словами, вместо реальных трудностей и реальных деятелей читателю предлагается нечто мифологичное о превосходстве христиан над язычниками.

Достойно удивления и число 38. Так, В.А. Истрин, давая полную азбуку кириллицы[13], предлагает 44 знака, и даже в глаголице у него 40 знаков (а если второй вариант Ъ и Ь посчитать за отдельные знаки, получается 42); в так называемой «азбучной молитве», где каждая строка начинается с новой буквы азбуки, насчитывается 40 строк. Выходит, что если Кирилл и создавал азбуку (неважно какую), **он создал ее неполной**! Иными словами, в его азбуке нет греческих букв кси, пси, фиты и ижицы, но зато есть странные «греческие» буквы пе, хле и ть; среди славянских букв нет Ы! Болгарин Храбр мог этого не заметить, но для чехов или моравов отсутствие Ы было бы весьма ощутимо.

Вообще говоря, число 38 удивительно только для лингвистов. Если же говорить о символике цифр, то, по Храбру, «24 буквы подобны греческим письменам», а «[14] соответствуют славянской речи». Но ведь 24=12 x 2, а 14=7 x 2. Иными словами, греческая часть представляет собой удвоенное число месяцев года, а славянская — удвоенное число дней недели. Если идти дальше, то греческая часть основана на солярной символике, а славянская — на лунной, уже преодоленной даже в язычестве. Так что речь идет о семантике астрономических промежутков времени, а не о письменности как таковой. И эта семантика проведена дважды, сначала при сообщении Храбром о славянской письменности, а затем — о греческой. Здесь мы видим работу не изобретателя знаков, а редактора, который выбирает из некоторого массива нужное число графем, строго зная их количество из каждого источника, но совершенно не приводя примеров полезности каждого знака для передачи славянской речи. Как и в случае с мощами святого Климента, где задача определения подлинности неких останков как костей именно Климента вообще не рассматривалась, а весьма успешно обыгрывалась процедура их вручения папе, на первый план в изобретении азбуки ставится задача отобрать нужное число графем, где вполне допустимы дубли вроде земли и зело, И и ИЖЕ, ОУ и ИЖИЦЫ, ПОКОЯ и ПЕ, ХЕРА и ХЛЕ, ТВЕРДО и ТЬ, ОН и ОМЕГИ. Так что хотя, как было показано выше, азбука получилась неполной, **она в каком-то смысле оказалась и избыточной**! С позиций славянской филологии результат усилий святого мужа получился **довольно скромным**; однако если принимать Кирилла за того, кем он был в действительности, то есть за специалиста по семитским языкам, который по совместительству обработал (отредактировал) имевшуюся славянскую систему письма, приблизив ее к греческой, православной, этот результат можно считать отличным.

Итак, мой вывод оказывается весьма скептическим**: Кирилл не создавал ни кириллицы, ни тем более глаголицы!** Он лишь сократил славянскую часть известной ему по Херсонесу славянской письменности до 14 графем, но увеличил до 24 графем греческую часть. Кроме того, он ввел «порядок», то есть цифровое значение ряда букв, но лишь заимствованных из греческого алфавита. Иными словами, он переработал уже существовавшую у славян азбуку и прекрасно приспособленную к передаче славянских звуков таким образом, что славянская часть стала чуть ли не вдвое меньше греческой. По сути дела, он совершил по отношению к ранней славянской азбуке примерно такую же экзекуцию, которую Никон совершил по отношению к двоеверному православию Руси: **произвел реформу славянской азбуки в пользу Византии**. После такого секвестирования славянским писателям следовало бы печалиться, хотя им же как христианам можно было радоваться! Однако подобая эллинизация славянской письменности, разумеется, не могла остаться незамеченной, и потому получила название; ее уже нельзя было назвать «глаголицей», то есть «разговорицей»; но она не была и «писаницей»; **она стала удобной для Византии и потому разрешенной формой существования славянской письменности**, и была названа именем своего реформатора, *кириллицей*.

Замечу, что уже после того, как я написал эти строки, я нашел неожиданную поддержку в статьях болгарского исследователя Трендофила Кръстанова, который в одной из своих недавних статей сообщает, что в 1982 году нашел в греческом кодексе 2502 библиотеки Ватикана «славянский палимпсест», т. е. произведение, написанное сначала по-славянски, а затем, после смытия первого текста, по гречески; в нем 100 листов. Выяснилось, что текст был написан кириллицей14. В августе 1994 года на конференции в Банкя (под Софией) были приведены новые данные: доцент Анна-Мария Тотоманова в свете специальной лампы смогла прочитать слово ЕПИОУСИИ, написанное кириллицей, но означающее по-гречески «хлеб насущный». «*Этот факт показывает, что в нашей славянской копии сохранилась непереведенной старинная и единственная форма греческого языка, а это со своей стороны подтверждает глубокую древность староболгарского текста Ватиканского палимпсеста. Очевидно, что этот текст старше известного глаголического Асеманиева евангелия (XI века), а также Савиной книги X века, равно как и известного староболгарского глаголического Зографского и Мариинского четвертьевангелия.*

Сейчас уже можно предположить, что новооткрытый текст Ватиканского палимпсеста является самой старой копией Кирилло-Мефодиева перевода евангелия-апракоса... Значение новооткрытого текста огромно в плане будущих исследований возникновения и развития славянской письменности и книжности на староболгарском языке в Восточной Европе в продолжении ближайшеготысячелетия»[15]. Тем самым, славянский текст мог быть переписан во время жизни учеников Кирилла и Мефодия.

Конечно, этот текст, отделенный от Кирилла и Мефодия на полвека, еще не доказывает напрямую, что Кирилл создал кириллицу. Но зато он почти однозначно свидетельствует против того, что ее создали Климент или любой другой ученик Кирилла. Ведь книга, написанная изобретателем письменности или хотя бы под его руководством, вряд ли была бы потом смыта и записана иным текстом. Стало быть, она написана кириллицей спустя полвека после Кирилла, когда таких текстов стало так много, что можно было какой-то из них и смыть. Так что эта находка очень повышает достоверность предположения о том, что Кирилл создал все-таки кириллицу как христианскую письменность.

Более того: **кириллица оказалась довольно поздней редакцией имевшегося у славян письма**, которое именно потому и было неудобно для Византии, что представляло собой с одной стороны, письмо языческое, а с другой — не передавало тонкостей письма православного. Следовательно, **Кирилл создал письмо христианское**, убавив, насколько возможно, негреческие (лунные, несвятые, сопряженные с язычеством) знаки. Однако, как следует из дальнейшего поведения немецких епископов Зальцбурга, даже такое незначительное добавление языческих элементов азбуки было равновильно вызову, почему епископы и возмутились. Но именно это возмущение и показывает, что подлинная славянская азбука вообще никогда не была бы одобрена Византией и Римом, и что принять ее целиком и без мистического обоснования числа букв славянской и греческой части для христианства было просто невозможно. А это значит, что **докирилловская азбука не просто существовала у славян в каком-то слабо структурированном виде, но вообще была существенным элементом их культуры**.

Тем самым не должно возникнуть впечатления, что я негативно отношусь к деятельности Кирилла как славянского просветителя. Вовсе нет. Кирилл действительно явился редактором существующей азбуки, чем **легализовал славянскую письменность** в глазах византийской церкви, он переводил священные книги на славянский язык, он распространял церковный вариант письменности среди своих славянских последователей, и в этом качестве он

вполне достоин уважения. Отрицается мной лишь один момент: **изобртение им азбуки**. Азбуку он **не изобрел** (даже в том ограниченном смысле, в каком можносчитать изобретением добавление 14 букв к уже существующим 24), а **приспособил для переводов с греческого языка**, и именно в этом смысле его можно считать великим славянским просветителем.

Но в чем заключалась его деятельность более подробно, можно узнать, ознакомившись с сочинением черноризца Храбра.

Литература

1. Леонид (Кавелин), архимандрит. О родине и происхождении глаголицы и об ее отношении к кириллице // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, том LIII, № 3, СПб, 1891, с. 40-43
2. Grubissicii Clementis In originem et historiam alphabeti Slavonici Glagolici. Venetiis, 1766
3. Anton. Erste Linien eines Versuchs uber die alten Slaven. Leipzig, 1789
4. Grimm J. Gottinger Anzeiger, 1836, I, S. 325-328
5. Срезневский И.И. Древние письмена славянские // Журнал министерства народного просвещения, СПб, 1848, ч.. IX, с. 49-51
6. Там же, с. 52
7. Добнер. Действительно ли так называемая теперь кирилловская азбука есть изобретение славянского апостола Кирилла? // Abhandlungen der Bohmischen Gesellschaft der Wissenschaften auf das Jahr 1785. Prag, 4, 2-te Abteilung, 1786, s. 101-139
8. Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. М., 1998, с. 50-51
9. Там же, с. 53
10. Там же, с. 55
11. Там же, с. 56-57
12. Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963, с. 18
13. Там же, вклейка между с. 50-52
14. Кръстанов Трендафил. Български Ватикански палимпсест - кирилско кратко изборно евангелие от X век в Cod. Vat. Gr. 2502 // Старобългаристика, XII, 1988, № 1, с. 38-66
15. Кръстанов Трендафил. Най-старото славянско "отче наш" открито в българския Ватикански палимпсест // Литературен форум. Седмичник. Брой 45 (257), XII 1995, с. 1

Храбрый монах в защиту святого Кирилла

Кто сказал, что Кирилл создал письменность для славян-христиан? Им был болгарский черноризец Храбр, то есть монах по имени Храбр. Он жил в Болгарии в X веке и, как полагают многие исследователи, хорошо знал ситуацию с возникновением славянской письменности; в любом случае, его сочинение посвящено именно этой проблеме. Поскольку он полагал, что у славян до Кирилла не было никакого письма, постольку все нынешние ученые-слависты, соглашаясь с ним, занимают ту же точку зрения. Дескать, ему виднее.

Таким образом, наиболее раннее историческое свидетельство, написанное к тому же по-славянски, вроде бы не подтверждает существования у славян собственного письма до Кирилла, и тем самым является весьма серьезным препятствием для идей о существовании такого письма. Поэтому устранение его явилось бы важным доказательством в пользу существования такого письма.

Наиболее полно произведение Храбра было рассмотрено болгарским славистом К.М. Куевым в 1967 году[1]. Отечественный исследователь Б.Н. Флоря перевел этот труд на русский язык и дополнил новыми комментариями в1981 году[2]. Из этих исследований вырисовывается следующая картина.

Сказание черноризца Храбра известно в настоящее время в 73 списках XIV-XVIII веков, причем наиболее ранняя редакция имеется в Московском списке XV века и в Соловецком — XVII века; она и была положена в основу перевода Флори. Произведение называется ««;О письменах» черноризца Храбра«. Это название несколько разнится в разных редакциях данного памятника, но суть остается той же. Что же касается имени монаха, то Б.Н. Флоря замечает: «*Неясно, однако, почему черноризец — «монах», автор трактата, — воспользовался в данном случае своим языческим именем, а не христианским, данным ему при пострижении*»[3]. Ряд славистов предположил, что это — не имя собственное, а прилагательное, данное, возможно, в более позднюю эпоху (эту точку зрения обосновывал славист В. Ткадльчик). Я тоже придерживаюсь этой позиции, полагая, что некий храбрый монах, сторонник православия, выступил тут против уже почти поверженных язычников, которые, однако, не создали ответного произведения, продемонстрировав тем самым свою трусость; так что имя Храбра можно воспринимать как псевдоним. Но исходно какие-то выпады против провославия они делали, поскольку трактат Храбра выглядит как ответ кому-то, с кем Храбр не согласен.

Первые строки трактата в русском переводе Флори гласят: «*I. Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но читали и гадали с помощью черт и резов*». Как видим, самые первые слова трактата утверждают исходное отсутствие у славян какой-либо письменности, кроме самых примитивных знаков для гадания. Разумеется, это утверждение породило у славистов массу комментариев.

Слово «убо», переводимое как «ведь», означает, что полемика с кем-то с этого места не начата, а продолжена; к сожалению, мы не знаем, что говорили оппоненты и каковы были первые возражения Храбра. Но по содержанию дальнейших ответов можно понять, что оппоненты Храбра утверждали, что у славян письменность раньше была, а Храбр отвечал, что не было; оппоненты привели новые доказательства, а Храбр, начиная с этого момента, им отвечал, что не могло быть в принципе, ибо славяне были язычниками.

Мы видим, что главный аргумент против наличия письма — *язычество* славян. Аргумент, прямо скажем, странный, если его воспринимать буквально. В самом деле, и греки, и римляне были язычниками, что не помешало им создать собственное письмо, греческое и латинское соответственно. Стало быть, язычество созданию письма не помеха. Возможно, что контекст Храбра в данном случае несколько иной.

В ряде списков вместо слова «письмен» стоит слово «книг», например, в болгарском списке 1348 года. Тогда получается, что у язычников письмена были, а не было книг, что является гораздо более слабым аргументом. Но полагаю, что слово «книги» появилось позже, в X веке его у славян не было, чему у меня есть собственное подтверждение: на одной из богарских надписей слоговыми знаками вместо слово «книга» (которое, как полагают этимологи, пришло к славянам из Китая через тюркское посредство) употребляется его арабский эквивалент, «катаба». Так что в исходном списке должно было стоять слово «письмен».

Но как понималось слово «письмена»? В ряде переводов речь идет о «буквах»; при такой трактовке начало текста Храбра будет выглядеть как «*Ведь прежде славяне... не имели букв*». В таком случае, речь идет не об отсутствии письменности, а лишь об отсутствии буквенного письма, что оставляет возможность для наличия любого другого вида письменности, например, иероглифов, слоговых знаков, знаков консонантного письма. Другое дело, что до начала XIX века письмо в Европе понималось только как буквенное, о чем, например, свидетельствует книга Томаса Астла «Источник и прогресс письменности, как иероглифической, так и элементарной», вышедший в Лондоне в 1784 году[4]. Поэтому отсутствие букв для средневековой славянской письменности (по Храбру) исследователи действительно могли принимать за отсутствие письма вообще, тогда как Храбр мог писать именно об отутствии букв. Я склоняюсь именно к этому пониманию и, как будет показано ниже, даже к более узкому, к отсутствию у славян «христианских букв».

На такое понимание слова «письмена» меня наталкивает параллель с созданием письменности у других народов. Скажем, у германцев существовало свое буквенное письмо уже со II века н.э.; оно называлось *руническим*. Однако германский епископ Ульфила (или Вульфила) в IV веке счел необходимым создать особое, так называемое *готское* письмо для окрещенных германцев; основой для него явилисб латинские и греческие буквы, хотя в ряде случаев были оставлены и рунические знаки. В том же веке армянский просветитель Месроп Маштоц создал три разных письма для трех кавказских народов, перешедших в христианство, в частности, для армян и грузин. По мнению ряда исследователей, и тот, и другой народы имели более древнее письмо. Наконец, еще ряд исследователей связывает изобретение славянского буквенного письма *глаголицы* с именем святого Иеронима, того самого, который перевел Священное писание на латинский язык — он был словенцем. Это тоже произошло в том же четвертом веке. Как видим, везде наблюдается одна и та же картина: для христиан языческое письмо по каким-то причинам не подходит, и дело тут не в том, каков его грамматологический характер, то есть какое оно по значению знаков — иероглифическое, слоговое или буквенное. Кстати, часть более раннего письма, как мы это видим у Ульфилы, допущена и в письмо христианское. Дело в чем-то другом; вероятно, именно это и хочет нам сообщить монах Храбр, когда намекает на язычество славян.

Так что речь у Храбра идет вовсе не о том, что у славян не было именно книг, или именно букв, или письменности вообще. У славян не было *христианских знаков*, поскольку они были язычниками, и потому любая система письма, которая у них существовала прежде, могла пренебрежительно именоваться *чертами и резами*, которыми можно гадать. Кстати, ряд исследователей вместо «читать» дает

перевод «считать», то есть черты и резы тоже предназначались целиком для культовых целей, но языческих.

На основании изложенного я даю первые строки Храбра в такой редакции «*Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели [христианских] письменных знаков, но считали и гадали [чем-то выглядящим] чертами и резами*». Вообще говоря, любая письменность сводится к оставлению на материале «черт и резов», так что прежняя, не христианская письменность, тут упомянута, но не признана письмом.

В таком понимании сочинение Храбра вовсе не противоречит существованию какого-либо докирилловкого письма у славян; оно лишь утверждает, что у славян не было *христианских письменных знаков*, с чем вполне можно согласиться.

Данный вывод подтверждается следующим положением Храбра: «*II. Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка!*» Эта фраза утверждает, что попытки записывать славянскую речь возникли только после крещения. Разумеется, это не означает, что до крещения не существовало никаких попыток записывать обыденые или деловые славянские тексты; но коль скоро мы говорим о христианстве, то и «речь» должна пониматься не в профанном, а в сакральном смысле слова, как «христианская славянская речь», которую, действительно, в виде Священного писания создали на греческом и латинском языке и записали соответствующими буквами. Для монаха, понятное дело, главное состояло в записи речи сакральной; остальное его не должно было интересовать. Лишь в этом контесте можно понять славянское слово «нуждаахуся», то есть «нуждались» (не совсем точен его перевод словом «пытались») записывать славянскую речь чужими письменами.

Понятно, что у язычников не было «нужды» писать *христианские тексты* греческими и римскими знаками, да и вообще как-то закреплять их на письме. Если у язычников и было какое-то письмо для своих сакральных текстов, христианского монаха Храбра это не касалось. Что же касается христианских текстов, то они записывались греческими и латинскими буквами на этих же языках, такой обычай существовал уже несколько сотен лет, и это было традицией. Но традиции писать *чертами и резами* славянские христианские тексты не было, это было бы ниже достоинства христиан, подобно тому как их не было традиции писать германскими рунами или армянскими знаками до Маштоца. Поэтому славянские священники выходили из положения тем, что писали по-славянски, но греческими или латинскими буквами, то есть теми же буквами, какими были написаны священные христианские книги у греков и римлян. И опять, подобное явление можно увидеть в исламе, где арабская графика была введена для письменности вовсе не семитских народов, а таких, например, как афганцы и индийцы (даже язык стал называться «урду»), то есть для индоевропейцев, а также для разных народов тюркской группы. И хотя язык этих народов совершенно непонятен арабам, на первый взгляд все они по графике являются правоверными мусульманами.

Так что «нужда» у христиан возникла не в письме вообще (которое к тому времени у славян имелось), а в письме, достойном христиан, в письме типа греческого и римского. Простое применение этого письма «без устроения» (Флоря перевел как *без порядка*) приводило к непониманию, но к непониманию какого рода, в этой фразе не раскрыто. Поэтому пока слово «без устроения» оставим без комментариев, перейдя к следующей фразе: «*Но как можно хорошо написать греческими буквами «бог», или «живот», или «зело», или «цркы», или «чаание», или «широта», или «юдь», или «яд», или «юность», или «язык» и иные, подобные этим, (слова)? — И так было многие годы*«. Исследователи полагают, что речь идет о чисто фонетических трудностях передачи славянских шипящих или йотированных гласных греческими буквами, с чем вполне можно согласиться. Но с некоторым добавлением: слова «бог», «церковь», «чаяние» являются

религиозными, так что в первую очередь идет не о вообще любых славянских словах, но о словах богослужения. Так что и тут мы сталкиваемся с необходимостью создания *букв для богослужения*.

Еще более убеждает в правоте нашей версии следующая часть трактата Храбра: «*Потом же бог-человеколюбец, который правит всем и не оставляет и человеческого рода без знания, но всех приводит к познанию и спасению, помиловал род славянский и послал им святого Константина Философа, названного (в пострижении) Кириллом, мужа праведного и истинного. И создал (он) для них 30 письмен и 8, одни по образцу греческих письмен, другие же в соответствии со славянской речью*»[5]. Получается, что Бог (конечно же, христианский) послал святого Кирилла, чтобы привести род славянский «к познанию и спасению» через изобретение христианского письма. При этом в данном контексте слова «письмена» означают просто «буквы», а никак не *письменность*.

Как-то уж очень по-былинному звучат слова «и *создал он для них 30 письмен и 8*»; очень это напоминает былинные выражения типа «*30 лет и три года* ». Вероятно, в этих числительных кроется какой-то смысл, который может быть расшифрован позже.

Посмотрим, что написано дальше. — «*С первой (буквы) начал, как в греческой (азбуке): они ведь начинают с «альфы», а он — с «аз». И как те создали азбуку, подражая еврейским письменам, так и он — греческим. У евреев же первая буква «алеф», что значит «учение»*»[6]. Как видим, особое значение придается Храбром началу не только славянской азбуки, но и любого алфавита. При этом подчеркивается тождественность двух сакральных видов письма по началу, греческого и еврейского, и тут же показано, что им соответствует и славянское. Если бы речь шла о создании письма для славян вообще, то проблема начального знака изобретателя письма не должна была интересовать, ибо суть передачи устной речи вовсе не зависит от последовательности букв в алфавите. Но зато эта же последовательность крайне важна для признания тождественности славянских знаков греческим и еврейским по их значению.

Весьма своеобразно толкуется Храбром первый знак, «алеф». По-еврейски он означает «бык», тогда как Храбр его переводит как «учение». Что же за этим скрывается? И.В. Ягич показал, что от слов «*у евреев же*»... Храбр почти дословно цитирует рассказ о создании греческой азбуки из схолии к грамматике Дионисия Фрекийского. Тем самым, Храбр не изобретает нового значения слова «алеф», но берет его из общепринятой грамматики в смысле «учение». Тем самым, как мне кажется, предлагается ключ к пониманию кирилловской азбуки: ее первое слово есть «учение». К сожалению, Б.Н. Флоря на это внимания не обратил.

«И когда приводят ребенка (для обучения), говорят [ему]: учись, а это — «алеф»»[7], — продолжает Храбр. Я бы перевел это предложение несколько иначе: «*Вводимому детищу он (алфавит) говорит: учись, вот «учение»(алеф)*«. Иными словами, в тексте на старославянском слово «и» означает, как мне представляется, не союз, а указательное местоимение «он», что соотносится с еврейским алфавитом как с обучающим текстом. И «вводиму детищу» я понимаю несколько иначе, как любому вводимому в храм христианского знания ученику, который приобщается к нему через «алеф» как символ учения. — «*И греки, подражая ему, сказали «альфа». И так был приспособлен оборот еврейской речи к греческому языку, так что ребенку вместо «учения» говорят «ищи!»; «ищу» ведь говорится по-гречески «альфа»*»7. — Тут мы видим дальнейшую трансформацию исходной семантики: теперь «учение» превращается в призыв «ищи!». Иными словами, учение не дается прямо, через изучение алфавита, его следует отыскать. — И опять славистов интересует степень подражания Дионисию, но не иносказательный смысл слов Храбра.

"*И это следуя за ними святой Кирилл создал первую букву «аз». Но потому, что «аз» был первой буквой, данной от бога роду славянскому, чтобы он открывал для знания учащих буквы уста, возглашается она, широко раздвигая губы, а другие буквы возгляшаются с малым раздвиганием губ»*»7. — То, что первая буква полагается данной от бога, весьма перекликается с пониманием буквы «аз» как происходящей от германского слова «ас» (в руническом алфавите-*футарке*) в смысле «бог». Кроме того, можно вспомнить славянское язычекое поверье, что широко открывать рот (скажем, во время зевания) нельзя, ибо туда залетит черт и поселится в душе человека. Поэтому рот при зевании крестили. Однако в случае произношения буквы «аз» крестить рот не полагалось, несмотря на «широкое раздвижение губ»; и это вполне объяснимо только с позиции божественного смысла слова «аз». Так что славянское название первой буквы уже не просто «учение» или «ищи», но «бог», передает опять-таки христианскую направленность создаваемой азбуки. У язычников богов было много, и слово «бог» без указания на кого-то из них можно было понимать в разных смыслах.

Тем самым три первых раздела трактата Храбра, как мне представляется, дают ясное указание на создание Кириллом именно сакральной христианской азбуки, но никак не первой славянской письменности, о которой у Храбра практически речь не идет.

Рассмотрим теперь, что пишет Храбр о созданных Кириллом буквах. «*IV. Это же — письмена славянские, и так их надлежит писать и выговаривать: а, б, в даже и до (юса малого). Из них же 24 подобны греческим письменам, а это а, в, г, д, е, з, и, ι, к, λ, м, н, о, п, р, с, т, оу, ф, х, ω, и пе, хлъ, ть, а 14 соответствуют славянской речи — и это б, ж, s, л, ц, ч, ш, ъ, шь, мь, ь, (ять), (юс большой), ю, (юс малый)*». Итак, на первое место в четвертом разделе Храбр помещает количество и порядок букв, которые надлежит так писать и выговаривать. Сразу возникает недоуменный вопрос: как же их выговаривать а, бэ, вэ, если в азбуке они называются аз, буки, веди? — Единственным, как мне кажется, ответом, является такой: их и следует выговаривать аз, буки, веди, но в *заданной последовательности*.

Что говорят об этом другие исследователи? Прежде всего, в разных списках присутствуют разные буквы. Так, в списке Чудова монастыря перечисляется 24 буквы несколько иначе, между двумя буквами И (восьмеричной и десятичной) присутствует греческая фита, после н помещена s, перед омегой — пси, но зато отсутствуют пе, хлъ и ть. Иначе даны и 14 славянских букв: отсутствует л и ц, вместо шь дано щ. Иными словами, в этом списке 13 «славянских» букв, тогда как в предыдущем из 15 за счет дополнительной буквы л. О.Бодянский, исследуя Московский список с хл, пе и ть, установил, что он отражает кирилловский текст, восходящий к глаголическому оригиналу, хотя в глаголице нет букв хл, пе и ть. Другие тексты могли отражать кириллоовские оригиналы. У более поздних ученых возникла дискуссия, почему в том или ином списке присутствует та или иная буква. Никто, однако, не заинтересовался символикой чисел 24 и 14. С моей точки зрения эта символика более чем прозрачна, стоит лишь разделить эти числа пополам. И тогда мы получим два сакральных числа, 12 и 7, число месяцев в году и число дней в неделе. Иными словами, первое число есть число *солнечное*, второе — *лунное*. И оба числа выделяются в азбуке тем, что солнечным буквам (греческого происхождения) присваиваются числовые значения, тогда как лунным — нет.

Я бы связал эту солнечно-лунную символику с другой, с заключенной в самом имени славян, которую я возвел к исконному, первоначальному имени славян «сокол»[8]. Таким же было и обращение к князю; изображение сокола чеканилось на славянских монетах. А между тем, в египетской мифологии (в символике которой сохранилось очень много моментов, общих со славянской), у

сокола имеется два глаза, один из которых Солнце, а другой — Луна. В случае славянской азбуки Кирилла мы как раз находим эту древнюю языческую символику.

Идеалы язычества в христианской сакральной азбуке? Не кощунство ли это? Мог ли пойти на это Константин Философ, ставший монахом Кириллом и позже причисленный к лику святых, да не просто святых, но равноапостольных? — Я полагаю, что Кирилл тут не при чем. Разночтения в разных списках трактата Храбра показывают, что «греческих» букв могло быть и 24 и 25, а «славянских» — от 13 до 15. Так что у Кирилла, грека по происхождению, вряд ли были хорошие знания по славянской мифологии. Иное дело Храбр. Во-первых, он славянин, что видно из самого имени. Во-вторых, он проводит концепцию славянской мифологии в своей трактовке созданного Кириллом алфавита. И уже это требует храбрости: если бы двоеверие Храбра было разоблачено, он бы понес суровую церковную кару. Далее, как мне кажется, имя Храбр тоже несет помимо прямого смысла и определенный подтекст: слово ХРА-БЪР можно разделить на две части, каждая из которых символична. Корень ХРА (в русском прочтении ХОР, ибо по-русски «храбрый» будет ХОРОБРЫЙ) восходит к ХОР, а Хор/Хорс — это слаянское божество Солнца. Суффикс БЪР в полной огласовке звучит как БОР; слово «бор» славянам известно и означает «сосновый лес». А лес связан с водной стихией, но не с солнечной. Так что имя Храбра одновременно передает и солнечно-огненную, и лунно-водную стихию. В этом смысле имя Храбра тоже сакрально, но не христиански, а язычески. Наконец, оставление славянского имени у христианского монаха, который просто был обязан сменить его на греческое при постриге, тоже звучало вызовом.

Итак, по всем показателям становится ясным, что христианский монах Храбр проповедовал языческие идеалы и своим именем, и своим пониманием деяний Кирилла. Но такое понимание возможно только с точки зрения культурологии, а никак не чистой филологии, и потому предшествующих ученых следует лишь поблагодарить за большую исслдовательскую работу, позволившую сделать подобный прорыв в трактовке, для чего был привлечен мифологический материал. Так что весь четвертый раздел трактата Храбра оказывается символическим, и в нем лежит ключ к пониманию его трактовки деяний Кирилла.

Что же касается отдельных букв, то легко видеть, что «греческие» и «славянские» буквы различаются прежде всего по твердости-мягкости. Можно составить эти пары (по разным спискам): з-зь (зело), л-ль, м-мь, п-пе, т-ть, т+с-ц (произносилось ць), х-хле, т+ш-ч (произносилось чь), ш-шь. Только пара в-б обратная: у греков в (вита) произносилась мягко, тогда как б в древности (бэта) — твердо. Без пары остался мягкий славянский звук жь. До некоторой степени эта же модель распространялась и на гласные: е-ять, но также внутри «славянских» букв: ъ-ь (твердый знак всегда предшествовал мягкому), е-ять, юс большой-юс малый. Иными словами, в славянских языках преобладали мягкие согласные и мягкие (более закрытые, продвинутые вперед) варианты гласных, и это в первую очередь потребовало введения «славянских» букв. Тем самым, проблема смягчения (палатализации) звуков была решена Кириллом за счет введения специальных «славянских» букв.

Вообще говоря, с такой проблемой сталкивался любой создатель слаянской азбуки для любого славянского языка. Так, у современных сербов для мягких ЛЬ и НЬ существуют специальные буквы, — S и ?, чтобы отличить их от твердых букв Л и Н. Есть особые буквы для мягких согласных и в польском алфавите на основе латиницы. Иными словами, самым главным отличием славянских букв было огромное количество их мягких вариантов. Позже, однако, эта проблема была решена не созданием «славянской» мягкой параллели «греческим» твердым знакам, а иначе, за счет гласных букв. Сначала это получалось само собой; так согласный + е читался твердо, тогда как согласный + ять — мягко; согласный + у — твердо, согласный + ю — мягко. Позже эта система распространилась и на другие

гласные. Это привело к сокращению мягких согласных в азбуке. Но с другой стороны, в азб.уку добавились лигатуры с йотом, которые в первоначальной конструкции Кирилла, судя по трактату Храбра, отсутствовали.

Заметим, что трактат Храбра эти чисто фонетические проблемы не обсуждает, а конкретными наполнениями азбуки занимались в основном его переписчики. Из этого я делаю вывод о том, что проблема соответствия звука и буквы, то есть чисто филологическая проблема, *Храбра не интересовала*.

Перейдем к пятому разделу. «*V. Другие же говорят: «Зачем создал 38 письмен, можно и меньшим (числом письмен) писать, как греки 24-мя (буквами) пишут», а не знают (точно), сколькими (знаками) пишут греки. Есть ведь у них 24 буквы, но письмо их не только этими буквами, и добавили 11 [двоегласных] и цифры — «шесть», «девяносто» и «девятьсот», и собирается их всего 30 и 8. Подобно тому и по тому образцу создал святой Кирилл 30 письмен и 8*»[9]. — Тут важно то, что Храбр полностью уподобляет 14 «славянских» букв кириллицы 14 же вспомогательным знакам, диграфам и цифровым обозначениям греческого алфавита. Иными словами, Храбр показывает предельно точное, можно сказать даже *рабски точное* следование Кирилла греческому образцу. Правда, для этого пришлось все греческие диграфы-двоегласные принять за самостоятельные буквы. Получается, что Кирилл как бы создал славянский вариант греческой письменности. Если угодно, упорядочил, «устроил» славянские знаки по греческому образцу.

Начиная с шестого раздела текст Храбра становится более пространным. «*VI. Другие же говорят: Зачем нужны славянские письмена? Ведь не создал их ни бог, ни апостолы, и не существуют они искони, как еврейские, и римские, и греческие, что существуют изначально и угодны богу. А другие судят, что письмена сотворил (сам) бог. И сами не знают, что говорят, окаянные, — будто бы бог повелел, чтобы [книги] были лишь на трех языках, как написано в Евангелии: «и была написана надписьпо-еврейски, по-римски и по-гречески», а по-славянски те не были (написаны), а потому и славянские письмена не от бога.*

Что поведаем или что скажем таким безумцам? Все же скажем от святого писания, как научились, что все по порядку исходит от бога, а не единожды. Вначале не создал бог ни еврейского языка, ни римского, ни греческого, но сирийский, на котором говорил Адам, (а потом) от Адама до потопа и от потопа (до того времени, когда бог разделил языки при строительстве башни (Вавилонской), как написано в Писании. И когда были разделены языки, то как разделены были языки, так же разделены были между разными народами нравы и обычаи, уставы и законы, и знания: египтянам (досталось) землемерие, а персам, халдеям и ассирийцам — звездочетство, волхвование, врачевание, чары и все знания человеческие, евреям же — святые книги, в которых написано, как бог сотворил небо и землю, и все, что на ней, и человека, и все по порядку, как написано (в писании(, а грекам — грамматика, риторика, философия»[9].

Этот раздел Храбра доказывает правомерность существования христианства на славянском языке, хотя он не относится к трем изначально христианским языкам. Признание только трех языков достойными христианства образует так называемую «трехязычную ересь», то есть некую крайность, которую обычно старались избегать. Именно в соответствии с «трехязычной ересью» три алфавита, а именно еврейский, латинский и греческий, возникшие еще в языческое время, целиком были перенесены на христианские тексты. Для всех других языков и алфавитов потребовались различного рода переделки и подгонки под данные три образца. Правда, еврейский образец отпал сам собой, поскольку сами еврейские христианские общины отпали от христианства. Причину этого поясняют историки христианства. Так, согласно Е. Гергею, «*уже в период иудейской войны (66-70 гг.) и еще больше после нее христиане оказались связанными с иудейской диаспорой за пределами Палестины. Подавление восстания Иудеи и уничтожение Иерусалима*

в 70-м году разбросало по свету иудо-христианские общины Палестины. Беженцы искали и нашли приют прежде всего в восточных провинциях империи. К этому времени большое число евреев уже жило за пределами Палестины, в первую очередь в торговых центрах, в больших городах, таких как Дамаск, Антиохия, Александрия, Афины, Коринф, в городах на побережье Малой Азии, а также и в самом Риме. На место воинствующего мессианства, связанного с еврейским движением за независимость, вледствие поражения вооруженных восстаний, пришло разочарование; выходом из кризиса был уход, бегство от действительности в область мечтаний. Вожделенное царство свободы и благоденствия постепенно переместилось в потусторонний мир»[10]. Следствием такого переселения евреев из Палестины было — с одной стороны, перенесение христианства в греко-римский мир; с другой стороны — вытеснение у самих евреев христианства иудаизмом. Именно поэтому еврейский язык и еврейское письмо начали отождествляться уже с иудаизмом, но не с христианством. Что же касается Европы, то для ее Западной части центром христианизации стал Рим, и образцом для подражания стал как латинский язык, так и латинский алфавит; для Восточной части империи центром христианизации стал Константинополь, а образцом для подражания — греческий язык и греческий алфавит. Именно поэтому Храбр с таким вниманием вглядывается именно в греческий алфавит, но не в латинский и тем более не в еврейский.

Седьмой раздел еще более сближает ситуацию между греческим и славянским языками. «*VII. Но перед этим не было у греков (особых) письмен [для своего языка], но записывали свою речь финикийскими письменами. И так было много лет. Потом же пришел Паламед, и, начиная с «альфы» и «беты», нашел для греков лишь 16 букв. Кадм из Милета прибавил к ним еще 3 буквы. И так в течение многих лет писали 19-ю буквами. И потом Симонид нашел и добавил 2 буквы, а Эпихарм-толкователь нашел (еще) 3 буквы, и собралось их 24. Через много лет Дионисий-грамматик нашел 6 двоегласных, а потом другой — 5, а иной — (еще) 3 цифры.*

И так многие за много лет едва собрали 30 и 8 письмен. Потом же, когда прошли многие годы, по божьему повелению нашлось 70 мужей, которые перевели (Писание) с еврейского языка на греческий. А для славянского один святой Константин, (в пострижении) названный Кириллом, и письмена создал, и книги перевел за немногие годы; а они — многие и за много лет; 7 из них создали письмена, а 70 — перевод. И потому еще славянские письмена более святы и (более достойны почтения), ибо создал их святой муж, а греческие — язычники-эллины«[11]. — Как видим, здесь уже рабское следование за греческим первоисточником прекращается, и показывается, что славянские буквы и перевод были созданы одним человеком, что превосходит греческий образец. Теперь храбрость Храбра состоит в его патриотическом отстаивании славянского приоритета над греческим образцом даже по христианским меркам.

Три остальных раздела трактата Храбра невелики. «*Если же кто скажет, что дело его несовершенно, ибо теперь (его) еще доделывают, то на эти речи такой ответ: так и греческие (работы) много раз доделывали Аквила и Симмах, и потом иные многие. Ибо легче после доделывать, чем сначала создавать*»[11]. — И это возражение направлено против умаления роли святого Кирилла в деле создания христианской славянской азбуки.

«*IX. Ведь если спросишь книжников греческих, говоря: кто создал вам письмена или книги перевел и в какое время, то мало кто среди них (это) знает. Если же спросишь славянских книжников, кто вам письмена создал или книги перевел, то все знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, названный Кириллом; он и письмена создал, и книги перевел, и Мефодий, брат его. Ведь еще живы те, кто их видели. И если спросишь, в какое время, то знают*

и скажут, что во времена Михаила, цесаря греческого, и Бориса, князя болгарского, и Ростислава, князя моравского, и Коцела, князя блатенского, в лето от создания мира 63(6)3»[11]. — Опять ситуация в создании славянской христианской письменности, по Храбру, оказывается много лучше, чем при создании греческого письма.

«*X. Есть же и другие ответы, как скажем в другом месте, а пока нет времени. Такие знания, братья, дал бог славянам, а ему слава и честь и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь*»[11]. — Трактат Храбра завершается как христианская молитва в честь господа бога, который через святого Кирилла дал славянам-христианам и письменность, и перевод священных книг.

Конечно же, данная популярная книга — не повод для тонкого и кропотливого научного анализа сочинений Храбра; да этого для наших целей и не требуется. Поскольку здесь приведен весь текст этого сочинения без изъятия, его достаточно, чтобы придти к ряду весьма важных выводов.

Во-первых, основным мотивом Храбра является доказательство не только равенства кирилловского труда по созданию письменности и перевода Священного Писания с трудом греческих грамматиков и переводчиков, но и его превосходства над ними, как по срокам, так и по количеству действующих лиц. В условиях, когда христианизация охватила ряд так называемых «варварских» народов — германцев, кельтов, даков и прочих, — право славян на собственный перевод Библии и собственную письменность казалось многим не столь уж доказанным. Так что оппонентами Храбра выступало, разумеется, не славянское духовенство, а христиане других «варварских» народов, которые не совсем понимали, почему славяне претендовали на то же, на что имели право только три богоизранных народа, евреи, греки и римляне. Иными словами, Храбр доказывал неправомерность «трехязычной ереси» применительно к славянам. И это, конечно же, требовало личной храбрости.

Во-вторых, ясно, что спор Храбра с оппонентами носил внутриконфессиональный характер и не затрагивал славянского язычества, интересы которого Храбр отстаивал трояко: и своим славянским и тем самым языческим именем (содержащим еще и языческую солнечно-лунную символику), и своим выделением «греческих» и «славянских» букв числом 24 и 14 (опять с солнечно-лунной символикой), и своим допущением наличия какой-то докирилловской славянской письменности (которую он якобы пренебрежительно именовал «чертами и резами», но так, что под это определение можно было бы подвести любую развитую письменность). Поэтому **утверждать, что Храбр отрицал существование славянской письменности до Кирилла, нельзя**. И в этом тоже можно усмотреть проявление храбрости Храбра.

В-третьих, Храбр неоднократно подчеркивал, что образцом для славянского подражания был греческий алфавит, и по количеству букв, и по порядку, и по началу, так сказать, троекратное совпадение. Видимо, чтобы не добавлять четвертого совпадения он и не стал указывать на графическую близость славянских знаков к греческим, что, так сказать, само собой подразумевалось. А из этого однозначно вытекало, что Кирилл создал кириллицу, а не глаголицу или какой-либо иной шрифт, например, чешский на основе латиницы (хотя он и проповедывал в Моравии и блатенском княжестве словаков). Ибо те шрифты, которые использовали хорваты-долматинцы и западные славяне, во многом были нацелены на латинскую графику и тем самым не являлись подражанием греческому письму.

В-четвертых, Храбр очень явственно продемонстрировал ситуацию, сложившуюся в христианских странах Европы. В самом деле, если существовало всего три христианских языка и три системы письма, то вновь примкнувшие к христианству народы должны были бы пройти один из этих трех возможных путей. Первый — иудейский, то есть развивать христианство на базе еврейского языка и

еврейской графики. В этом мог бы быть заинтересован Иерусалим, если бы там оставались христиане; но после иудейской войны и после угасания христианской идеи среди евреев у них установился иудаизм. Стало быть, переход на еврейское квадратное письмо любого народа однозначно понималось его соседями как манифистация приверженности иудаизму, так что этот путь отпадал с самого начала. Второй путь — путь латинского языка и латинской письмености. Для Западной Европы данный язык был древним для народов романской языковой группы и довольно чужд остальным; однако, поскольку на латыни велось делопроизводство, записывались летописи, отправлялось правосудие и происходил прием больных, то не вызывало большого удивления и ведение на ней же религиозной службы, а уж создание национального алфавита для вновь обращенного в христианство народа на базе латыни казалось само собой разумеющимся делом. Так что по этому, второму пути, шли народы Западной Европы. Но для народов Восточной Европы он был закрыт: латынь знали только очень образованные люди, которых была буквально горстка, на латыни не велось делопроизводство, не писались летописи и не вершилось правосудие. Поэтому латинская графика и не могла пустить корней среди вновь обращенных народов. К тому же Восточная Европа ориентировалась на Византию, на ее православную церковь, и в то же время греческий язык для ее народов не был столь обязательным, как латынь — для народов Западной Европы. Именно поэтому приходилось делать уступку, разрешая богослужение на национальных языках. Приходилось делать и другую уступку — разрешать вводить свою письменность. Но, разумеется, и язык, и графику национального письма стремились, насколько возможно, приблизить к греческому образцу. Это и был третий путь. Поэтому Храбр и показывает, насколько детально кириллица скопировала греческие буквы. К этому можно добавить, что и в области грамматики греческий и латинский языки были той нормой, под которую подгонялись славянские языки. Вот что пишет, например, о русской грамматике Зизания (XVI век) и Мелетия Смотрицкого (XVII век) Е.А. Кузьминова: «*Лаврентий Зизаний, несомненно, использовал опыт греческой грамматики «Адельфотес» — «Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка» (Львов, 1591), однако в Грамматике Зизания отчетливо сказывается влияние латинской традиции... Мелетий Смотрицкий обращался к латинским грамматикам Доната, Диомеда, Меланхтона, Линакра, Альвареса. Но в целом Грамматику Смотрицкого характеризует преимущественная ориентация на грамматики греческого языка Ф.Меланхтона*»[12]. Следовательно, одной из задач русских деятелей в области грамматики, было показать, что русский язык имеет многое из того, что есть в греческом, и как можно сильнее приглушить то, что их отличает. Из этого рассмотрения становится ясным, кто был оппонентом Храбра, тем самым трусливым христианином, который опасался не столько богослужения на славянских языках, сколько возникновения любого типа славянского письма, даже сильно приближенного к греческому оригиналу. Впрочем, об этом прямым текстом, без всяких вычислений, пишет историк письменности В.А. Истрин, приводя один характерный пример: «*В конце августа 864 года Людовик Немецкий, в союзе с болгарами, перешел с большим войском Дунай и осадил в крепости Довина князя Ростислава. Не имея достаточных сил для сопротивления объединенным немецким и болгарским войскам, Ростислав вынужден был принять предложенные Людовиком условия мира. Он даже признал себя вассалом Людовика.*

Эти события сразу усилили позиции немецкого духовенства в Моравии. Оно принялось чинить всякие препятствия деятельности Констнтина и Мефодия и, в частности, решительно отказало в посвящении их учеников в духовные звания. Братья оказались в очень трудном положении. Ведь Константин имел сан простого священника, а Мефодий был только монахом.

Поэтому братья не имели права сами ставить своих учеников на церковные должности, а без этого их ученики не могли совершать церковные службы. Так на пути распространения славянского обряда в Моравии возникли казалось бы почти непреодолимые препятствия»[13]. Тем самым, противниками славянского богослужения выступили немецкие епископы, испугавшиеся уменьшения своего влияния *в том регионе, который они считали своим*. Полагаю, что именно в этом — в борьбе за права той или другой версии христианства (их еще трудно делить на католицизм и православие, поскольку официальный раскол церквей состоялся только в 1054 году) за влияние на паству, и, соответственно, за возможный моральный и материальный успех, и заключалась проблема допущения или недопущения литургии на славянском языке и разрешение или запрещение создания книг на славянской письменности. Естественно, что славяне хотели вести славянское богослужение по-славянски и переписывание книг совершать славянской письменностью; но столь же естественным было желание их оппонентов видеть в части славян жителей Западной Европы, где господствует латинское богослужение и латинская графика. Возможно, что непосредственно болгарам натиск немецких епископов не грозил, более того, в приведенной цитате говорится об объединенном натиске немецко-болгарских войск на моравов, но для других славян он был весьма актуальным, и именно для таких славянских регионов, которые немцы могли считать своими, Храбр и приготовил свои аргументы.

В-пятых, из рассмотренного текста трактата Храбра видно, что его сочинение носит характер не столько филологический, сколько религиозно-правовой: имеет ли право православное славянство на собственную письменность, если эта письменность предельно точно и предельно полно воспроизводит греческие буквы. Вместе с тем, некоторые чисто филологические проблемы тут все же рассматриваются. Так, как было показано, мягкие славянские буквы греческий алфавит не передает. Так, славянское слово в греческой записи, πυλ, можно прочитать и как «пил», и как «пиль», и как «пыл», и как «пыль», причем все, кроме «пиль» — осмысленные. А слово βαλ можно прочитать по-славянски уже восемью способами: «бал», «баль», «бял», «бяль», «вал», «валь», «вял», «вяль». Тем самым греческие буквы *без устроения* по-славяски читать можно только неоднозначно; следовательно, *устроение* заключается в снятии неоднозначности прежде всего за счет увеличения числа мягких согласных и гласных переднего образования. Как раз это и совершил Кирилл; что же касается Храбра, то он изыскал в греческом языке нужное число дифтонгов и знаков с числовым значением, чтобы оправдать число знаков, предложенное Кириллом для *устроения*.

Наконец, в-шестых, Храбра не интересуют проблемы названия славянских букв, проблемы обучения их чтению посредством складов, а также проблемы передачи ими цифровых значений. Даже последовательность букв в разных списках его сочинения оказывается несколько разной. Это еще более усиливает предыдущий вывод о том, что трактат Храбра носит религиозно-патриотический характер.

После проведенного исследования можно легким сердцем сказать: монах Храбр ничего не утверждал о славянском светском письме, но говорил исключительно о письменности для славян-христиан. И это письмо, на его взгляд, создал Кирилл посредством *устроения*, оттолкнувшись от письма греческого.

Литература

1. Куев К.М. Черноризец Храбър. София, 1967
2. [Королюк В.Д., отв. ред.]. Сказание о начале славянской письменности. М., 1981
3. Там же, с. 174
4. Astle Thomas. The origin and progress of writing, as well hierogliphic as elementary. London, 1784
5. [Королюк В.Д., отв. ред.]. Сказание..., с. 102
6. Там же, с. 102-103
7. Там же, с. 103
8. Чудинов В.А. Мировоззренческие основы названий славянских племен // «Мир человека и человек в мире» Сб. ГАСБУ. М., 1997
9. [Королюк В.Д., отв. ред.]. Сказание..., с. 103
10. Гергей Е. История папства. Перевод с венгерского. М., 1996, с. 14
11. [Королюк В.Д., отв. ред.]. Сказание..., с. 104
12. [Кузьминова Е.А., составитель]. Грамматики Л. Зизания и М. Смотрицкого. М., МГУ, 2000, с. 6
13. Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963, с. 28-29

Загадки христианской цифири

Итак, сочинение Храбра указало нам тот ключ, который должен подойти к решению проблемы «устроения» славянского алфавита Кириллом. Но прежде, чем попытаться исследовать его из самого алфавита, посмотрим, что об этом пишут современные авторы.

У уже фигурировавшего в наших рассмотрениях А.В. Зиновьева имеется еще один пока нерассмотренный аспект — число. « *Символы азбуки совпадают с этапами жизни Константина Философа, как они изложены в «Житии». Азбука славян создается в 863 году, точно на 38 году жизни Константина. Стало быть, откровение происходит под знаком «30 и осмь»»* [1]. — В принципе, можно согласиться с тем, что числа играют роль в создании азбуки, но приведенный пример, на мой взгляд, такого торжества цифр не демонстрирует. Прежде всего, в 863 году был другой календарь, от сотворения мира, и Константин не догадывался, что на дворе 9-й век, а не 64-й. Затем сама дата 863 год говорит лишь о времени приглашения Константина в Моравию — азбуку он создал скорее всего раньше. Так что здесь число созданных букв и возраст создателя вряд ли совпадают. К тому же, как мы видели в предыдущем разделе, число букв в азбуке Кирилла на деле было больше 38.

Затем А.В. Зиногвьев обыгрывает число 43, число букв кириллицы (без буквы «от»), приписывая это число Клименту Охридскому. Потом он «дотягивает» его до 43, 365, умножает на число 33, 33333 и получает 6585,107. Уменьшив в 1000 раз, он получает 6, 585 лет, что равно 2380 дней, и это он толкует как сарос, цикл лунно-солнечных затмений. Произвольность таких умножений-делений очевидна. Видимо, это настолько бросалось в глаза, что А.В. Зиновьев сам не выдержал и воскликнул: « *Причудливые «игры с числами» многим покажутся искусственными. Нередко так оно и есть. Но без выявления «буквенно-числового синтеза», без анализа его элементов невозможно проникнуть в символику древнего Слова и Числа»* [2]. В

другом месте он пишет, что ученики Кирилла, содавшие кириллицу, скорректировали ее так, « *чтобы учитывались все тайные аспекты Плана азбучного Мироустроения. Новое количество знаков кириллицы сохраняет символику «откровения». Но самый существенный момент выявляет корень*

$\sqrt{43,365}$ = 6, 58521» [3].

Иными словами, теперь уже с помощью операции извелечения корня мы снова приходим (с точностью до 4-го знака) к тому же числу. Это и есть «сокровенное знание» — около 7 лет. Разумеется, А.В. Зиновьев ищет подходящий эпизод из жизни самого Кирилла, и, конечно же, находит. « *Когда мальчику исполнилось 7 лет, ему приснился удивительный сон. О ночных грезах он поведал отцу и матери: «Собрал стратиг всех девушек нашего града и обратился ко мне: «Избери из них, кого хочешь, в супруги, на помощь тебе, и сверстницу свою». Я же, рассмотрев и разглядев всех, увидел одну прекраснее всех, с сияющим ликом, украшенную золотыми ожерельями и жемчугом, и всей красотой, имя же ее было София, то есть Мудрость, и я ее избрал». — Давно угасло сновидение 7-летнего Константина. Но идея Софии-Премудрости в течение многих веков оказывала вдохновляющее влияние на умы людей, побуждала к творческому поиску. Перед нами прекрасный иконографический образ, взятый из книги Павла Флоренского «Столп и утверждение истины». Эта древнейшая икона изначально хранилась в Великом Новгороде, в храме святой Софии»* [4]. — Как видим, «все смешалось в доме Облонских». Число букв в кириллице определяется в 43. Затем 43 «дотягивается» до 43, 565. Потом из него извлекается квадратный корень, ответ получается меньше 7. Далее берется возраст Кирилла, когда ему было больше 7 лет. Самым ярким впечатлением этого возраста был сон о прекрасной девушке по имени София, где красота оттенялась золотом и жемчугом. Далее реальная девушка превращается в символ святой премудрости. Затем этот символ сопоставляется с иконой, описанной Павлом Флоренским. Наконец, идет описание реальной иконы из храма святой Софии Новгородской. Перед нами — тяжелый случай ассоциативного мышления, где каждая ассоциация требует очень большого пояснения, иначе она выглядит совершеннейшим произволом. Вот это, видимо, и есть символика «откровения» и тайный смысл мироздания. Понятно, что так можно нагородить что угодно, отталкиваясь от любых чисел, заключенных в азбуке. Но никакого ее «устроения» из этого извлечь нельзя.

Обратимся теперь к иному исследованию. Называется оно «Азбука русского языка» и принадлежит двум авторам, Л. Сотниковой и Ф. Консепсьону, восходя к более полному произведению[5]. В нем говорится: « *Всякая соизмеримость неизбежно сопряжена с числом, включает в себя число как основу самого понятия меры. Следовательно, и проблема соизмеримости мысли и ее выражения в слове взаимосвязана с числом, с мерой... Слово и число были взаимосвязаны самим порядком буквенных знаков в алфавите. Целесообразно называть число, обозначаемое данной буквой, числовой мерой буквы. Суммированием числовых мер букв, составляющих данное слово — ИМЯ, определяется ЧИСЛО ИМЕНИ — числовая мера слова, которая в древних учениях о слове была непосредственно сопряжена со смыслом слова»* [6]. Положение о числе имени кажется разумным, хотя в разных азбуках это число будет разным. Так, в кириллице, слово ИМЯ будет иметь «число имени» И=8, М=40, Я=0, так что сумма окажется 48. В глаголице И=20, М=60, а Я в виде лигатуры I + А отсутствует, так что надо брать значение отдельно I=10 и отдельно А=1, итого 91. Как видим, число имени совершенно различное. Примеры, приводимый авторами «Азбуки» для кириллицы — это ЖЕЗЛ=26, ГЛАВА=21, СЛОВО=66, НУЛЬ=47, ЕДИНЪ=33, ДВА=9, ДЕСЯТЬ=51 (в последнем случае мерой Я стало число 1, что является отступлением от азбуки),

ТРІ ДЕСЯТЬ ТРІ=147, СЕДМЬ=43, АЗЪ=8; АЗЪБОУКЫ=84; ПОРЯДОК =84; КОРСУНЬ=99; ХЕРСОНЕС=121; УСТАВ=1934; ТАЙНОПИСЬ =1648 и т.д. Однако дальнейшие рассуждения этой работы не вполне понятны, хотя на с. 14 говорится, что автору «*существенно помогла азбука, найденная в 70-х годах Высоцким С.А. на стене Софийского собора в Киеве*».

Другая работа Луизы Ивановны Сотниковой носит несколько дразнящее название «Истинная азбука русского языка». Она дополняет первое исследование. В частности, там написаны такие слова: « *В 1978 году во время работы автора над составлением таблицы АЛФАВИТОВ древних языков для изучения АЛФАВИТА как СИСТЕМЫ произошло чрезвычайное событие. По моей просьбе археолог А.А. Медынцева принсла мне книгу С.А. Высоцкого «Средневековые надписи Софии Киевской». Естественно, сразу же АЗБУКА из Софийского собора была написана сначала просто на полях таблицы алфавитов... В софийской АЗБУКЕ не приведены числовые меры букв, как, например, в алфавитно-цифровой системе у греков. Может быть, числовые меры букв не написаны потому, что они скрыты в СТРОЕ АЗБУКИ как порядковые номера букв? Тогда зачем же их писать?»* [7] — Так помимо одного строя, или цифири, что передает числовые значения букв, появляется другой строй. Опять фигурирует слово ЖЕЗЛ=26=1+6+7+12, но теперь я уже лучше понимаю, что эта цифирь получена вовсе не от кириллицы, в которой мера Ж=0, Е=5, Л=30 и, стало быть, ЖЕЗЛ=0+5+7+30=42, а от софийской азбуки. Заметим, что в глаголице слово ЖЕЗЛ=7+6+9+50 = 72. Так что у нас получается три разных значения этого слова, равные 26, 42 и 72 соответственно, что дает большой простор для маневра. Так, в частности, очень желательно подвести это слово под значение атомного веса железа, =26, для чего очень желательно трансформировать само слово ЖЕЗЛ в ЖЕЛЕЗО. Правда, очень помешают две добавочных буквы, Е и О. От первой из них Луиза Ивановна избавляется, написав ЖЕЛЬЗО (Ь=0). А у второй порядковый номер можно дотянуть тоже до 26, если вместо О посчитать «омегу» (хотя слово «железо» по-русски никогда так не писалось!). Тогда ЖЕЗЛ=26, а ЖЕЛЬЗΩ =26+26. Вот теперь можно « *вспомнить, что именно этому числу 26 равен порядковый номер элемента железа в Периодической системе химических элементов Д.И. Менделеева. Природу атома железа определяют 26 протонов и 26 электронов. Древнерусское название железа — ЖЕЛЬЗΩ, и слово ЖЕЗЛ оказываются связанными непосредственно с природой атома железа! Удивительный пример точного соответствия звукового и буквенного состава и смысла слова, как сущности, природы обозначаемого данным словом предмета — химического элемента железа »* [8]. — Лично я тут вижу удивительный пример даже не случайного совпадения, а грубой подгонки под нужный результат.

Чтобы показать, что мы имеем дело с грубой подгонкой, возьмем слова ЗОЛОТО (атомный вес197), СЕРЕБРО (108) и МЕДЬ (63,5). Для ЗОЛОТО получаем либо 7+16+13+16+20+16=88 (а не 197!), либо 7+ 25+13+25+20+25=124 (а не 197!), если все О заменить на «ОМЕГИ»; для СЕРЕБРО имеем либо 19+6+18+0+18+16=83, либо 95, но не 108; для МЕДЬ — 14+6+5+31=56 (а не 63,5). Как видим, нет ни одного совпадения, так что без подгонки решить подобную задачу в числах и буквах с нужным результатом невозможно.

Снова употребляется слово ГЛАВА+21,и, как и прежде, оно отождествляется с буквой А софийской азбуки, над которой начертана буква Т; А=1, Т=20, АТ=21. Так что первый знак АТ отождествляется со словом ГЛАВА. « *Глава — как начало, главное слово, что соответствует положению знака А как начала АЗБУКИ»* [8]. — Но ведь сумму 21 имеют также слова ДО, НЕ, ЙИ, СА; а также ряд других; почему бы не сказать, что АТ=НЕ=21? Не несет ли начало софийской азбуки отрицание? Словом, перед нами опять подгонка. Короче говоря, можно создать некий «числарь», куда можно поместитьвсе слова, сумма цифр которых будет равна

некоторому числу, а потом вынимать из них те, которые захочется, говоря, что в этом заложен глубочайший смысл. Так, для софийсккой азбуки примерами будут такие первые числа: 1. А. 2. АА, Б. 3. ААА, БА, В. 4. ББ, БАА, ВА, Г. 5. БАБ, БВ, ВАА, ГА, Д. Все эти слова не очень осмысленны. Но далее идут уже некоторые осмысленные значения: 6. БАБА, ДА, АГА. Делать из этого глубокомысленные выводы о том, что слово БАБА равносильно слову ДА или АГА (как бы анекдотично это ни выглядело!) было бы сущим произволом.

Вообще говоря, когда некоторая операция порождает большой спектр значений, каждое из них существует объективно. Но как только исследователь делает из него некоторую выборку, не сообщая нам критериев, происходит подмена, и вместо объективных результатов мы получаем произвол. Тем более, когда самих спектров несколько. Так, слово БОГ может иметь четыре написания: БОГ, БОГЪ, БΩ Г, БΩ ГЪ. По софийской азбуке они дают такой спектр числовых значений: 22, 51, 31, 60; по кириллице — 73 и 803, по глаголице — 86 и 706. Если их теперь расположить в упорядоченный ряд, получается 22, 31, 51, 60, 73, 86, 706, 803. У Сотниковой мы находим слово БОГ с числовой мерой 201, что означает, что она приняла еще и какие-то дополнительные условия, позволяющие изменять числовые значения, так что спектр еще расширился.

А теперь приведу ее выводы, сделанные на основе подобной «числовой алхимии». НУЛЬ=47; в слове СЛОВО первый слог СЛО=47. Отсюда делается вывод, что СЛО=НУЛЬ, то есть «слово — серебро, а молчанье — золото» (с. 16). Но ведь слог СЛО ничего не значит, из него можно сделать не только слово СЛОВО, но и слова СЛОГ, СЛОВЕНЕ, СЛОВИТЬ, СЛОВЧИТЬ, СЛОБОДА, сербское имя СЛОБОДАН, СЛОЖИТЬ, СЛОЖНЫЙ, СЛОМ, СЛОМАТЬ, СЛОН, СЛОНИХА, СЛОНЕНОК, СЛОНЯТЬСЯ, СЛОПАТЬ, СЛОТ, и ряд других. Или все они =НУЛЬ?

Оказывется, что слово ЧИСЛО=74, и слово АТУРН=74, а С=19, из чего делается вывод, что САТУРН=ЧИСЛО 19. То же самое со словом ОЛНЦЕ, которое =67, С=19, и СОЛНЦЕ=86. Но теперь это толкуется как СУММА=67 и СИСТЕМА=67, а РА=19, то есть СОЛНЦЕ=СИСТЕМА (СУММА) РА (с. 87). — Теперь экзекуция над словом проделана еще более сильная; в русском языке нет слов АТУРН или ОЛНЦЕ, а выражения СУММА РА имеет странный смысл, почему Сотникова и заменяет его на БОГ РА. Короче говоря, даже в результате многих подгонок итог, который по замыслу должен потверждать хотя бы общеизвестные истины, выглядит весьма натянутым. А о том, что так можно выявить какие-то тайные смыслы, не может быть и речи!

Хотя приведенными примерами довольно большая работа Сотниковой не исчерпывается, сказанного достаточно, чтобы понять, что таким способом тайные смыслы славянской азбуки не выявить. Но тут же возникает вопрос: а есть ли они на самом деле?

Вопрос, конечно, очень сложный, и затрагивает он прежде всего те алфавиты, на которых создавалась христианская Библия — еврейский, греческий и латинский. Только после знакомства с их численными значениями, то есть с их цифирью, можно будет сказать что-то вразумительное о кириллице и глаголице.

Идея совместить буквы с цифровыми знаками является по-своему интересной; следуя трафаретам нынешней рекламы, о ней можно сказать, что тут мы имеем ДВА В ОДНОМ, то есть две системы описания информации, а именно описание чисел и описание звуков в одной алфавитной системе. При этом для привычной десятичной системы счисления знаков любого алфавита хватит, что называется, за глаза: для десятичной поместной системы требуется всего 10 знаков, а самые скудные алфавиты насчитывают 22 буквы.

Но хотя буквенные системы счисления и могут быть поместными, но не всегда. Говоря сугубо математическим языком, можно иметь системы счисления **аддитивные**, а можно — **мультипликативные**. При аддитивной системе цифры,

отражающие число, **складываются** друг с другом, как, например, у римлян: 8=VIII, то есть 5+1+1+1. Система поместная, и если младшее число стоит справа от старшего, оно прибавляется, а если слева, то вычитается, так что VI=5+1=6, а IV=5-1=4. При мультипликативной цифры тоже складываются, но вначале **перемножаются** на основание системы счисления (причем столько раз, насколько данный разряд дальше от единиц), как, например, в наши дни. Поэтому запись 841 означает на деле 8? 10? 10+4? 10+1. Теперь попробуем заменить эти числа на буквенные знаки, например, А=1, Б=2, В=3, Г=4, Д=5, Е=6, Ж=7, и З=8. Тогда по римской системе пример с восьмеркой будет выглядеть как ДААА, с шестеркой как ДА, с четверкой как АД. Современная система в буквах даст нам 841 в виде ЗГА. Чтобы иметь возможность описать любое число, мы должны доопределить буквенный ряд, и мы можем дополнить его, например, буквами И=9 и К=0. Тогда 2001 год будет выглядеть как БККА, и мы получим возможность легко записывать любое число.

На самом деле весьма удобная мультипликативная система появилась всего несколько веков назад, « *есть основания полагать, что... позиционная система нумерации в Индии возникла не позже начала нашей эры. Однако документальные памятники не идут в такую даль веков; бахшалийскую рукопись Кей относил к XII век»* , — пишет историк арифметики И.Я. Депман[10]. В ней есть нужда всего в 10 знаках. Римская система нумерации обходилась всего 7-ю знаками, I V X L C D M, но там отсутствовали знаки для записи 5000, 10000, 50000, 100000 и далее, так что реально там требовалось гораздо более 10 знаков, и даже при выходе за 99999 был необходим 11-й знак.

Еще менее продуманной была греческая система, получившая название ионийской; впрочем, ее нумерация была вовсе не самостоятельной, а скопированной с финикийской. Она состояла в том, что первым 9 цифрам соответствовали первые 9 букв алфавита (десятой цифре, нулю, никакая буква не соответствовала). Вторые 9 букв упореблялись для обозначения десятков, третьи — для обозначения сотен. Так 27 буквами можно было описать все числа от 1 до 999.

При сопоставлении этих трех систем счисления видно, что для обозначения чисел от 1 до 999 необходимо иметь 10 букв современной системы счисления, 9 букв римской системы и 27 букв финикийско-греческой системы. Заметим, что до того, как греки ввели у себя финикийско-ионийскую систему, они пользовались так называемой аттической системой, введенной Фалесом и описанную подробно Геродианом, и напоминающую римскую, с той лишь разницей, что знаки большего разряда записывались внутри меньшего или повторялись. Так, I=1, П=5, Δ =10, Н=100, М=10000, а число 1624 записывалось как Х𐅅НΔ Δ IIII. Так что римская система нумерации оказывается просто переведенной на латынь аттической системой, усовершенствованной в том смысле, что вместо вписывания в пятерку П букв для десятков, сотен и тысяч, для них появились соответствующие знаки L и D и, как уже упоминалось, должен был возникнуть знак для 5000.

Удобна ли ионийская система? Для нас — очень неудобна. Так, число 841 будет выглядеть как Ω Μ Α, 840 как Ω Μ, 801 как Ω Α, 800 — как Ω. При этом порядок букв роли не играет, так что те же цифры могут выглядеть как Μ Α Ω, Μ Ω Α, Μ Ω, Α Ω. По числу цифр трудно догадаться, большое число или нет, ибо однозначное число может оказаться больше трехзначного. Складывать, вычитать, умножать и делить такие числа крайне проблематично. Так что если составить некоторую шкалу из этих систем, то самой удобной следует признать соврменную, самой неудобной — финикийско-ионийскую, а средней между ними — аттическую и римскую. Недаром мы повсеместно используем современную систему и очень ограниченно — римскую, тогда как остальные мы не используем вообще.

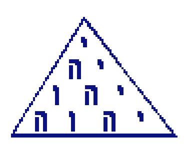
Возможно, что когда появлялась финиккийская система нумерации, восходящая к западносемитской системе письма, она была предназначена не столько для обозначения чисел при их использовании для ариметических действий, сколько для сакральных целей. Поэтому для понимания сакрального значения числа следует рассмотреть одно из тайных семитских учений, каким является Каббала. Рассмотреть, разумеется, критически, для того, чтобы понять мистическую связь числа и буквы.

Прежде всего ясно, что для передачи чисел от 1 до 999 необходимо иметь 27 букв. В квадратном письме евреев алфавит насчитывает всего 22 буквы, так что еще 5 следует добавить. Такой расширенный алфавит существует, и он называется «еврейский мистический алфавит».

Еврейский мистический алфавит

На основании этого алфавита строится тетраграмма верховного бога Иеговы, где буквы заключены в треугольник или дельту; расчленяя его, получают три других имени, означающих три лица святой Троицы.

Тетраграмма Иеговы

Каббалисты полагают, что Его имя заключает все тайны мудрости. Верхняя буква йод י дает число 10, второй ряд из йода и хе יה в сумме дает 15, третий ряд из йода, хе и нау יהו в сумме дает 21, и полное имя из йода, хе, нау и хе יהוה дает в сумме 26. Сумма всех 4 рядов образует число 72. « *Так получается число 72 свойств Бога и такого же числа ангелов, окружающих Его престол»* [11]. Далее говориться, что у каждого человека есть ангел-хранитель, астральный дух (указывающий путь добродетели, влияющий на нравственность души и на речь) и гений (влияющий на здоровье и поступки человека). Каждый человек может узнать всех трех сопровождающие его духов по трем таблицам — часов, дней и чисел. Далее строится священный календарь, где каждым 10 дням соответствует своя планета и свой гений, так что выход из числовой символики делается в астрологии, где числа очень важны.

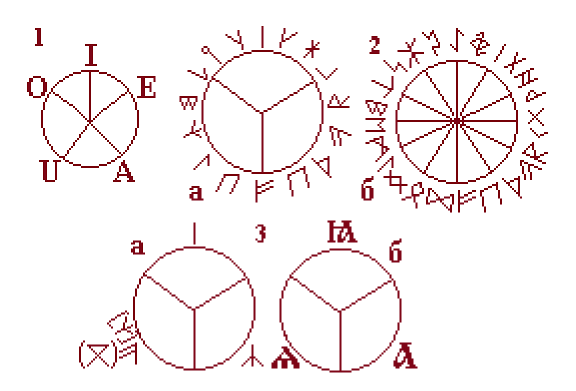
В качестве примера можно рассмотреть 20-й гений, адресованный русским. « *Его атрибут — Бог-искупитель. Ему соответствует святое имя — Бог на русском языке, область с 96 по 100 градус десятой декады и гений Сотхис. Его призывают с 6 часов 20 минут до 6 часов 40 минут утра 8 апреля, 19 июня, 30 августа, 10 ноября и 21 января. Дни эти, согласно священному календарю, находятся под влиянием Венеры. При его вызываниях произносят священные имена и второй стих 120 псалма*: «Господи! Избавь душу мою от уст лживых, от языка лукавого» *Пахалиах* (имя ангела русских — В.Ч.) *помогает в борьбе с религиозными врагами и содействует обращению народов в христианство. Он*

ведает делами религии, богословия и нравственности, влияет на целомудрие и благочестие, а также на лиц, предназначивших себя к духовному званию. Злой гений влияет в противоположном направлении, как и все другие, в отрицании религии, вроотступничестве и распутстве» [12]. — Как видим, азбука имеет прямой выход на календарь, и, возможно, когда-то очень давно знаки алфавита и представляли собой описание года, а тетраграмма могла быть мнемоническим средством для запоминания нужных для составления календаря чисел. Ведь и само имя ИЕГОВА, если опустить разного рода придыхания и придувания, превращается всего в 4 гласных звука ИЕОА, что вполне можно представить как 4 времени года. При этом, вероятно, И — это весна (year, йар, отсюда «яровые» — хлеба, посеянные по весне), Е — лето (ЛЕто), О — осень, А — зима (здесь подобрать соответствующее слово не удается). А поскольку Новый год отмечался весной, в день равноденствия (21 марта), то и год тоже получил название весны (year, das Jahr), и именно его букве, I, было приписано сакральной число 10. Будучи обожествленным, год дал имя верховному богу, а его календарные отрезки, важные прежде всего для земледельцев и, возможно, скотоводов, превратились в учения об ангелах и гениях.

Кстати, йод имеет значение 10, а хе — 5, что соответствует первым двум значениям как ахейской, так и римской нумерации. Естественно ожидать следующие значения в 50 и 100; в мистическом еврейском алфавите эти значения имеют нун и коф. Возможно, что их-то и писали в тетраграмме, заменив потом на вау и хе, которые при небрежном написании можно с ними спутать.

Разумеется, эта природная основа в Каббале не прояснена, ее только можно предполагать и, если повезет, реконструировать. Правда, мы здесь этим заниматься не будем, ибо это — тема специального и очень сложного исследования.

Пока лишь отметим, что связь алфавита с сакральным и календарным приходит в голову не только при чтении Каббалы. Вот что пишет, например, эзотерик А.Г. Дугин, излагая позицию гнмецкого эзотерика Германа Вирта: «*язык для нордической расы был математически точным воплощением Священной традиции. Он был языком культовым, священным, «Бог – начало того языка». В этом языке не было застывших корней из двух, трех и т.д. звуков. Он строился по законам священного календаря и обладал агглютинативной структурой: 1 согласный + 1 гласный звук выражали какую-то определенную идею, имеющую свой календарный аналог. В этом языке было пять гласных звуков a-e-i -o-u. Эти гласные располагались по годовому кругу так*»[13].

Годовой круг и его связь с рунами и буквами

Допущение об открытых слогах у жителей Арктогеи не вызывает у нас возражения, хотя существование только одной функции у языка, а именно, сакральной, кажется весьма большой натяжкой. Допустимо также существование пяти гласных звуков; что же касается их возможной связи гласных с календарем, то

мы пришли к такому же выводу независимо от А.Г. Дугина и потому разделяем эту точку зрения. Не совсем ясно лишь то, почему год оказывается поделен не 5, а не на 4 части (обычно звук U считается происходящим из звука O в поздние времена; изначально его не было), почему эти части равные и почему расположение звуков (сезонов года) на рис. 1-8 соответствует движению против часовой стрелки. В начале года, полагает А.Г. Дугин, т.е. от А до I, идут согласные (месяцы) T H, PH, КН, S H. В середине года – D, B, G, Z; в конце года – T, P, К, S. «*Звуки имели следующий принципиальный смысл: R – Солнце, колесо, круг, порядок; L – луч, свет солнца, отражение солнца; M – вода, мать, море; N – мать, земля, низ, первое; S – связь, верх и низ, огонь и вода, молния, змея, петля, дуга; T – сын Божий, Двойной (особенно в нисходящем движении), год, конец, смерть, суд, год Арктики; К – год, Бог, воскресение, восходящий Сын Божий, поднятие рук вверх, рога, год северной Атлантики, лось; P – новый Сын Божий, две горы, год южной Атлантики, Овен, пастырь*»[14]. Это объяснение требуется ему для объяснения особенности графики «арктического» языка, хотя трудно согласиться с конкретными его трактовками значения букв. «*Две половины (восходящая и нисходящая) северного года симметричны обратным образом. Поэтому согласный + гласный в слоге восходящей половины меняются местами в нисходящей половине, к примеру AR, U R становится R A, R U и т. д. Особое фонетическое звучание приобретает согласный в точке зимнего солнцестояния – здесь он обычно становится между двух согласных U -A (U R A, U L A, U MA) или еще удваивается при этом: U R -R A, U L -L A, U M-MA и т.д. Характерны двойные огласки и для восходящей и нисходящей дуг: A-СОГЛАСНЫЙ-I в первом случае и I -СОГЛАСНЫЙ-U во втором (к примеру: A-R -I, I -R -U, A -L -I, I -L -U и т.д.). Всем этим звукам, и особенно 8 согласным, соответствовали нордические иероглифы, зрительно отражающие звуковые идеи. R было ○ или ⊙, I – ◠, M – ⋀⋀, N – ✕✕ или —, S – ↕, T – ᛏ, К – Y, P – ‡. Кроме того, гласный I имел свой постоянный иероглиф* I*, а гласный U – постоянный иероглиф ◠. Это – хотя и арктические, но все же поздние добавления. Изначально же гласные не имели специальных знаков и ◠ (малая дуга) была тождественна ◠ (L), а гласный I слился со знаком* I*, не имеющим специального звука (ось языкового мира – молчание или чистое дыхание)*»[15].

Итак, календарь по Герману Вирту в изложении Дугина делится на три сезона по 4 месяца в каждом, и это соответствует алфавиту, где гласные звуки служат точками раздела между сезонами (или их частями), а согласные – обозначениями месяцев. Однако наиболее ходовые звуки, сонорные, то есть R, L, M и N месяцев не обозначали. Возможно, что их написание первоначально было иероглифическим, однако ни Вирт, ни Дугин никакие надписи с подобными иероглифами не демонстрирует, так что здесь, видимо, имеет место гипотеза, основанная на определенном графическом виде германских рун. Кроме знака Солнца, никакие другие иероглифы не ясны из контекста, например, непонятно, почему иероглиф U имеет половинку от иероглифа R (Солнца), или почему молчание изображается вертикальной палочкой, которая становится затем звуком И. Короче говоря, объяснение этой «арктической» иероглифики кажется мифом, хотя он и родился не во времена гиперборейцев, а в нашем веке.

Неясен и статус письменности: если это иероглифы, то они должны обозначать целые слова, а не отдельные звуки. Однако мы с удивлением читаем: «*Арктический шрифт имел только согласные, а гласные подбирались к согласному по логике годовых связей*»[15]. Следовательно, перед нами консонантная письменность? Но для такого рода письменных знаков должен существовать и соответствующий язык типа семитского, о чем ни Вирт, ни Дугин не упоминают. Кроме того, неясно, использовалась ли письменность только для календарных целей, или передавала и другую информацию.

«*Первой серьезной реформой праязыка была пра-атлантическая реформа, совпадающая с реформой календаря. Привязка календаря к прецессионному циклу и новые календарные иероглифы, соответствующие более южным условиям, изменили структуру первичной речи и первичного письма. В Северной Атлантике, а позже и в Южной, произошло смещение некоторых звуков, связанных с иероглифами из-за новой культовой практики вставки в расколотый новогодний знак целого знака следующего «созвездия» каждые 2000 лет. Кроме того, «легализовав» иероглифы для гласных I и U, северные атланты иероглифизировали и другие гласные, А, Е, О. Причем, А – первый гласный года – стал изображаться половинкой расколотого годового иероглифа ᚦ, ᚴ, ᚨи т.д., который позже по мере нового раскола смещался к точке весеннего равноденствия и приобретал звучание Е*»[15]. Этот пассаж нам совершенно непонятен: обычно развитие письменности идет от слоговой к консонантной, а не наоборот, так что процесс отражения гласных в иероглифах противоречит истории конкретных письменностей. И к тому же иероглифы в исторически-конкретных видах письма не отражали отдельные звуки, а являлись изображением целых слов. Так что гипотеза Вирта-Дугина достаточно фантастична.

«*Из изначально 8-знакового алфавита-календаря сперва возник 16-знаковый в Северной Атлантике, а потом 24-знаковый в Южной Атлантике*»[16]. Честно говоря, 8-знаковый алфавит Виртом-Дугиным не описан, ибо придыхательные и непридыхательные звуки двух сезонов + 4 звука оставшихся сезонов + 5 гласных дают в сумме 17 знаков. Но и за бортом календаря остались еще 4 сонорных согласных, которые, однако, имели свои «иероглифы», так что первоначальный «иероглифический алфавит» насчитывал 21 знак. Тем самым концы с концами в рассматриваемой концепции никак не сходятся; однако ясно, что дело идет к объяснению 16-ти и 24-знаковых футарков. «*Самой последней формой нордического языка был язык (рунического алфавита) Туата, прото-индоевропейского народа, пришедшего с севера (из Северной Атлантики) в начале неолита. Но и этот язык, начиная с 10-го тысячелетия до Р.Х., уже существовал в застывшей форме, потеряв динамику культового смещения и раскола иероглифов. Южно-атлантический язык застыл на 2 тысячелетия раньше*»[17]. Данные гипотезы выглядят довольно смелыми, но бездоказательными.

«*Последними историческими следами Арктогеи, последними носителями ее иероглифики и языков были потомки племени Туата – фризы, ингвеоны... Руны – это не поздний искаженный вариант латинского шрифта, занесенного на Север. И латинское, и финикийское, и этрусское письмо – разные ветви нордического Священного Ряда, и северные руны – одна из наиболее полноценных его форм, сохранившая наибольшую связь с оригиналом. Само финикийское письмо развилось как шрифт средиземноморских торговцев на базе филистимлянского письма или письма народов Пуластья, занявшего территории Палестины и Сирии. Пуластья (филистимляне) прибыли морским путем из северной Атлантики, огибая Западную Европу и пересекая Средиземноморье. Их письменные знаки тождественны племенным знакам северных ингвеонов. Само название «Пуластья» тождественно «Полсети» или «Форсети» – культовому центру Туата. Но в смешении с местными семитскими народами и в новых географических условиях Юга это культовое письмо претерпело сильное искажение, в то время как на Севере оно осталось неизменным. Этрусский и раннегреческий алфавит – отнюдь не финикийское заимствование. Это – варианты алфавита Туата, переданного морским и сухопутным путем и лишь впоследствии подвергшегося новому финикийскому влиянию*»[18]. Очень любопытный пассаж, опрокидывающий все построения грамматологов единым махом. В самом деле, к чему показывать, что знак «алеф», обозначающий «быка», действительно похож на быка в его нормальном написании как ∀, где вполне

различимы треугольная голова, а над ней рога, когда по Дугину речь идет лишь о «новом финикийском влиянии», сделавшем из ᚨэтот самый «алеф» ∀. Тоже самое можно сказать и о других знаках. Короче говоря, Дугин переворачивает известную историю письма с ног на голову. Футарки он дает в 2-х вариантах: 16- и 24-знаковом[19], см. рис. Объясняется значение каждой руны. Последняя руна ᛞD A G или Т-К полагается ключевой южно-атлантического ряда, состоящей из руны старого года ᛏT и руны нового года ᛉK. Озвончение Т-К до D A G произошло в последующие годы[20]. Кроме того, сообщается, что руна К есть руна для обозначения созвездия Лося (Близнецов), руна Т – для обозначения созвездия Быка (Тельца), и руна Р – для обозначения созвездия Овна ᚼ[21]. Предлагаются также гипотезы происхождения символики всех знаков Зодиака из этих рун. Все предложенные версии излагаются так, как будто только данный исследователь знает, как развивались футарки на самом деле. 16-членный футарк Дугин считает северо-атлантическим, шрифтом Туата и, следовательно, более ранним, тогда как 24-членный – южно-атлантическим; первый был рассчитан на 8-месячный год, тогда как второй – на 12-месячный.

Тем не менее, некоторые здравые идеи из развитых представлений можно позаимствовать. Если отталкиваться от 24-буквенного алфавита, можно предположить, что он был разбит на 4 сезона, то есть на 4 шестерки букв, где каждая первая буква начала сезона — гласная. Во всяком случае, можно представить себе, что первым таким сектором был весенний, и, следовательно, выделить первую гласную и следующие за ней буквы, ориентируясь уже на латинский алфавит, — это I K L M N + еще какая-то буква. В связи с переносом начала года на зиму первым стал сектор А — буквы A B C G D + еще какая-то буква. Осенний сектор — O P R S T + еще какая-то буква. Наибольшие изменения коснулись летнего сектора, но и в нем можно выделить E F Z H θ + еще какая-то буква. Разумеется, все эти представления пока очень приблизитльны.

Таким образом на каждый месяц приходилось по 2 буквы, то есть одна буква на первые 2 недели с растущим серпом луны, и вторая буква — на следующие 2 недели со стареющим. В этом смысле буквы алфавита могли играть роль чисел 12-ричной системы счисления. Если год начинался с весны, то буква I понималась как числительное «один», К — как 2, L — как 3, M — как 4 и т.д. Тогда Е понималась как 7, F — как 8, Z — как 9 и т.д. Затем шел осенний сектор с O — 13 и зимний с A — 19, B — 20 и т.д. Обращаю внимание на то, что счет велся не по месяцам, а по «фазам луны».

До сих пор мы молчаливо полагали, что алфавит выполнял календарные функции. Но не было ли на самом деле все как раз наоборот? Что, если календарь, где записывались сокращенно названия меяцев, как раз и стал вначале силлабарием, то есть последовательностью слоговых знаков, а затем и алфавитом? При таком понимании сразу становится объяснимой его так называемая сакральная функция. Ведь как правило, календарь был тексно связан с астрологией, а астрология в ту эпоху предвещала судьбу, как отдельных лиц, так и целых народов. Зная календарь, человек не просто мог ориентироваться во времени, но и знать, какие планеты господствуют именно в это время, чего следует опасаться и на что надеяться. Иными словами, «природная сакральность» состояла в сопутствующих знаниях или предположениях относительно благоприятных и неблагоприятных событий. Эта сторона гораздо лучше прослеживается по рунным алфавитам (футоркам) германских народов, чем по финикийско-еврейским алфавитам, ибо футорки отражают стадиально более раннюю ступень развития календарей-алфавитов. — Но так было лишь при лунном календаре.

Переход к солнечному календарю, видимо, означал переход от 12-ричной к 10-чной системе счисления, а также к идее триады и тройной триады, что привело к весьма сильному изменению как календаря, так и алфавита. По всей видимости,

функции календаря и функции алфавита с этого момента уже разошлись. Для календаря уже было вполне достаточно всего 12 месяцев, чего нельзя сказать об алфавите — для него 12 букв заведомо мало. Кроме того, теперь уже неважно, какая шестерка букв следует за какой, и шесть ли их вообще. Наконец, появилась новая сакральность, связанная уже не с календарем, а с устройством мироздания, где на первый план вышли боги и духи. Более того, и сам алфавит стал постепенно делиться на филологический и сакральный, мистический. Филологический все более подпадал под зависимость от числа и способа фиксации звуков того или другого языка, и это, как правило, вело к сокращению употребляемых на письме звуков, тогда как сакральный (миистический) алфавит исходил совершенно из других предпосылок и сохранял нужное для описания сакральных свойств число знаков. Поэтому я считаю рунический футарк из 16 знаков филологическим и более поздним, а 24-знаковый — сакральным и более древним. Точно также и обычное (профанное, филологическое) письмо насчитывает 22 знака, тогда как сакральный (мистически) алфавит обладает 27 буквами.

Очень сильные изменения произошли и с самой цифирью. Прежде каждая буква имела только одно цифровое значение — ее порядковый номер. Теперь такое было сохранено лишь для первых 9 букв. Почему для 9? С одной стороны, благодаря принципу триадичности, ведь 9 — это трижды три. С другой стороны, благодаря переходу от 12-ричной к 10-чной системе счисления. Однако, поскольку в европейской математике того времени еще не было нуля, основание системы было представлено 9-ю цифрами, от 1 до 9. Затем шли числа, на порядок большие, от 10 до 90 (опять 9 букв), и, наконец, числа еще в 10 раз большие, от 100 до 900. Таким способом можно было описать любое число от 1 до 999, так что 999 было последним (любопытно, что в арабско-индийской записи, которой мы пользуемся в наши дни, переворот этого сакрального числа вверх ногами дает 666, «число зверя», крайне нежелательное число для любого христианина). Таким образом, значение чисел второго десятка сильно изменилось: 11-е число стало иметь цифру 20, 12-е — 30, 13-е — 40 и т.д. Наконец, числа третьего десятка «выросли» по своим значниям уже в сотни раз. Правда, настолько же реже они употреблялись. Правда, теперь они описывали не двухнедельные периоды года, а другие реалии — свойства духов, сопровождавших человека. В этой связи 24 буквы, помноженные на 3, дали 72 ангела, 72 астральных духа и 72 гения. В Каббале к алфавиту, в частности, прилагается «Таблица влияния планет, с разделением зодиака на 36 частей и именами гениев, соответствующих каждой декаде». Почему зодиак делится не на 12, а на 36 частей? Потому что 12 теперь умножено на 3. Но если раньше единицей описания (соответствующей одной букве) был промежуток в 2 недели, то теперь он соответствует 10 дням. — Так что и теперь связь с календарем и астрологией сохранилась, но уже не непосредственная, а через посредство ангелов, астральных духов и гениев. Это вполне вписывается и в дальнейшую христианскую традицию, где славянину помимо славянского имени (скажем, княгини Ольги) при крещении давали имя в честь ангела (так что Ольга стала Еленой). Так что нет ничего удивительного, когда любое событие, записываемое по его дате буквенной цифирью (под титлом), получало автоматически своего ангела, своего астрального духа и своего гения. Сакральный смысл, мистика сохранились, но в другом качестве, с другими числами и с другим идейным обоснованием.

Особые числа отличались и особой сакральностью. Выше было отмечено, что семитский мистический алфавит содержит 27 знаков, тогда как европейский (например, рунический футарк) — 24. Монах Храбр несколько раз повторяет, что 24 буквы были взяты из греческого алфаита, именно 24, а не 27, и же одно это говорит нам о том, что за основу был взят греческий мистический алфавит для построения мистического же славянского. Кроме того, обыгрывается число 30 и 8. Из сказочных

зачинов можно вспомнить: «в *тридевятом царстве, в тридесятом государстве, жили-были*».... Что значит «тридевятое царство» ? И что такое «тридесятое государство» ? — На наш взгляд, «тридевятое» — это 3· 9=27, а тридесятое — государство третьего десятка. Но вобще говоря, 30 — число сакральное, и отличное, хотя бы потому, что один его множитель образован десяткой (основанием десятичной системы счисления), а другой — тройкой («божественной» троицей). Напротив, с позиций нумерологии число 8 — плохое, а по Пифагору и вообще «число смерти». Так что 30 и 8 — это «очень хорошо» + «очень плохо». Позже этот сакральный «заголовок» расшифровывается, 38=24 + 14.

Но вернемся к трактовке Дугина. В другой работе, «*Мистерии Евразии», А.Г. Дугин отмечает: «происхождение славянского алфавита – кириллицы – выводят обычно из греческого и арамейского письма. Но надо заметить, что не все буквы подчиняются этому правилу. И кроме того, буквенный символизм всегда имеет сакральный характер, и поэтому за написанием каждой буквы просто по логике вещей должен стоять некоторый иероглифический и эзотерический контекст. И это особенно справедливо для тех случаев, когда алфавит используется для записи богослужебного языка, как это имеет место с церковно-славянским языком. Отсутствие серьезных исследований в области символизма кириллицы вызывает сожаление, так как, на наш взгляд, эта азбука, а равно и сам церковно-славянский язык, представляют собой неисчерпаемое поле для исследователей Сакрального*»[22]. В целом мы тоже разделяем озабоченность А.Г. Дугина по поводу недостаточной исследованности проблемы сакральной стороны алфавита, однако нам кажется, что исторический промежуток между слоговым знаком (а тем более иероглифом!) и буквой столь велик, что прямое сопоставление между ними вряд ли возможно. Вместе с тем, нам представляется, что исследовать надо весь алфавит, а не отдельные буквы.

Тем не менее, А.Г. Дугин предлагает такое решение проблемы возникновения ряда славянских букв: Ж на его взгляд происходит из руны ХАГАЛЬ. «*Согласно теории профессора Германа Вирта, ХАГАЛЬ был принципиальным иероглифом сакрального года в его шестичастном делении (что сохранилось до сих пор в индуистском календаре, где существует всего 6 месяцев). Форма ᛡ– это сокращенный вариант ⊕, то есть окружности года... Этимологически ХАГАЛЬ лежит в основе таких германских корней, как H E I L I G (СВЯТОЙ), H A G (КУСТ), H A C K E N (КРЮК) и т.д. Но более полно руна ХАГЕЛЬ означает ЖИЗНЬ, ОСВЯЩЕННОСТЬ, ОДУХОТВОРЕННОСТЬ, ДУХ, а иероглифически может быть приравнена к «Дереву Жизни» с ветвями и корнями ᛡ... Если посмотреть теперь на написание славянской буквы Ж, то мы увидим в ней как раз вариант руны ХАГЕЛЬ (нечто среднее между ᛡи ᚺ)... И иероглиф этой буквы в азбуке не случайно называется именно ЖИВЕТЕ, так как этот символ является действительно наиболее ясным и полным, наиболее многоплановым выражением идеи «жизни», «священной жизни», «жизни вечной», и само его графическое написание тождественно райскому «Древу жизни»*»[23]. На наш взгляд, такая трактовка символики знака в принципе достаточно оправдана, хотя мы не можем согласиться с происхождением кирилловской буквы ЖИВЕТЕ от руны ХАГАЛЬ.

«*Буква ЖИВЕТЕ... имеет в нашем русском алфавите свой периодический и отчасти концептуальный (как мы увидим ниже) синоним. Им является буква ХЕР, соответствующая греческой ХИ и звуку Н. Помимо графической близости знаков Ж и Х, можно отметить и фонетическую близость между этими звуками, так как, к примеру, в словах с одинаковым корнем испанцы произносят Х, а французы Ж (к примеру J E S U S – ХЕСУС в испанском и ЖЕЗЮС во французском и т.д.). Но здесь существует также и чисто спиритуальное родство. Известно, что название буквы Х – ХЕР в русской азбуке – это сокращение от слова ХЕРУВИМ. Но именно к ХЕРУВИМАМ приравнивает христианское богословие «четырех*

животных», увиденных Иоанном Богословом вокруг престола Божьего в Апокалипсисе, и здесь важно отметить, что греческое слово Z O O N в финале Апокалипсиса скорее следует перевести как ЖИВОЙ, нежели как ЖИВОТНЫЙ... Таким образом, ЖИВЕТЕ (Ж) и ХЕРУВИМ (Х) в библейском контексте являются точно так же концепциями чрезвычайно близкими друг другу, а в определенном аспекте и просто тождественными»[24]. Мы тоже считаем пару знаков Ж и Х достаточно близкими в славянской слоговой графике (о чем речь пойдет много позже), и хотя там они имеют несколько иные значения (ЖЬ и ЗЪ), но иногда оба знака читаются кк ЖЬ. Однако, мы не считаем, что кирилловская буква Х происходит как и Ж из руны ХАГАЛЬ и состоит в родстве со «знаком Христа» ⁎или с косым крестом Святого Андрея, «Человека», ╳, как полагает Дугин.

Затем идут рассуждения о букве А. «*В первую очередь бросается в глаза особое озвучивание первой гласной А в славянской азбуке: в отличие от греческого или семитского письма, где А сочетается с последующей гласной (греческое АЛЬ-ФА, еврейское АЛ-ЭФ, арабское АЛ-ИФ), славянское А связано со звонким звуком С, то есть с З. Следует заметить фонетическое тождество фонемы АЗ (Я) с названием германских нордических богов, АСЫ, АС. И в мифологическом смысле это отождествление полностью оправдано, так как в арийской традиции понятие бога, аса никогда не было связано с какой-то внешней абстракцией, с отвлеченным концептом, но, напротив, Божественное понималось как нечто внутреннее, как высшее и трансцендентное «Я» самих ариев*»[25]. Между прочим, на связь названий кирилловских букв с рунами обратил внимание еще И. Гануш в прошлом веке, в частности, на упомянутой сходство между названиями АЗ и АС, но по отношению к глаголице. Его труд будет подробно проанализирован ниже. Однако из сходства или даже заимствования названий знаков еще не следует сходство или заимствование самих знаков, и по отношению к кириллице Дугин скорее всего неправ..

«*Но на фонетической близости АЗ (Я) к германскому АС (БОГ) эти соответствия не заканчиваются. Любопытно, что в старом латинском алфавите часто встречается особое написание буквы А, первой буквы. Вместо А или Амы видим там Аили ᚨ. Эта форма есть вариант нордической древней руны ᚨ, название которой было АС! И эта руна также означала АСА, БОГА. Но такое написание АЗЪ можно встретить и в новгородских берестяных грамотах. Кроме того, показательно, что в XI V веке русский миссионер Стефан Пермский (Степан Храп), разработавший на основе славянской азбуки специальный алфавит для записи языка малого северного народа коми, вместо традиционного А поставил на первое место знак ˥, более напоминающий древнюю руну АС. Кроме того, в древних рукописях и особенно в надписях на иконах, форма буквы А (в обычном случае А) тяготеет к рунической парадигме ⅄, с тем лишь отличием, что две косые черты внизу замыкаются. Любопытно, что и в деванагари (санскритском алфавите) знак для гласной А сохраняет определенные рунические черты अ, а именно две (или три) параллельные косые палочки. Все приведенные выше соображения еще раз подтверждают выводы профессора Германа Вирта о происхождении протописьменности и связанного с ней мифо-символического комплекса из единого нордического источника, из проторунического круга, а не из финикийского ближневосточного культурного центра, который был, в свою очередь, лишь одной из множества областей распространения рунического письма и рунической мудрости. Русский и славянский мир со своей православной дохристианской символикой является одним из примеров нордической традиции, сохранившей многие свои аспекты цельными и нетронутыми, в то время, как другие культурные формы Европы подверглись влиянию вторичных и смешанных культур Юга, далеких от северной чистоты и духовной прозрачности, свойственной примордиальной*

гиперборейской традиции»[26]. На наш взгляд, действительно, между рунами и северо-италийскими алфавитами есть большое сходство, как и с силлабическим письмом деванагари, однако вопрос о том, какие знаки произошли из каких, требует дополнительного большого исследования. Вывод о начальном проторуническом алфавите времен палеолита спекулятивен и не подкреплен каким-либо примером из истории письма; но и даже если встать на позицию Вирта-Дугина, это никак не противоречит финикийской письменности эпохи бронзы, северо-италийским алфавитам эпохи железа и возможной ветви развития письма в Индии типа силлабария деванагари уже новой эры. Приведенная филиппика против ближневосточного центра распространения письменности ничего не доказывает и ничего не опровергает. Однако подозрение вызывает аттестация Дугиным силлабария деванагари как алфавита и упоминание о «православной дохристианской символике» (понятие «православия» вряд ли приложимо даже к дохристианскому периоду), что указывает на пренебрежение этого исследователя к ряду мелочей.

«*Однако как происходило перемещение «Я» от начала алфавитного ряда в его конец? Здесь следует рассмотреть ряд из трех славянских знаков: А (АЗЪ), Ꙗ(АЗЪ ЙОТИРОВАННЫЙ), то есть ЙА, что фонетически соответствует современному произношению личного местоимения первого лица) и Ѧ(МАЛЫЙ ЮС, изначально произносившийся как Е, а позднее как ЙА). Из третьей формы – малого ЮСА – произошла современная буква Я (личное местоимение первого лица единственного числа), оказавшаяся последней в современном русском алфавите. Но и ранее, не будучи последней, она обладала максимальным числовым значением среди русских букв – 900... Кроме малого ЮСА существовал так называемый БОЛЬШОЙ ЮС Ѫ(У), который впоследствии слился с МАЛЫМ ЮСОМ. Поразителен тот факт, что в целом графическое написание обоих ЮСОВ, давших позднее современное Я, очень напоминает древнейшую германскую руну ᛦ, называвшуюся U R или Y R. Эта руна в 16-членном руническом круге стоит на месте другой руны ⧗(OD I L, O D), и в славянском БОЛЬШОМ ЮСЕ мы встречаемся с синтетическим сочетанием обоих знаков: Ѫ= ⧗+ ᛦ. Крайне важно расположение этих рун, означающих гласные, на руническом круге, в соответствии с сезонами года. Руна АЗ стоит в начале годового круга* ***после*** *нового Года... Руна ИР, ᛦ, напротив, находится в конце этого круга* ***перед*** *Новым Годом. В середине же годового пути расположена третья гласная руна ИС. Если снова обратиться к трем формам перехода славянского АЗЪ в Я, то мы увидим, что промежуточной формой было как раз А ЙОТОВАННОЕ, графически представляющее собой сочетание I и А... Итак, аналогично германским рунам мы можем представить путь славянского Я на круге*»[27], см. рисунок данного раздела. На наш взгляд, путаницу на рис«.а» вносит расположение знаков теперь уже по часовой стрелке, так что положение после Нового Года оказывается не справа, а слева, и руна АС приходится на ту же половину круга, куда раньше приходилась руна ИР (ее мы поместили в квадратных скобках в отличие от руны ОДИЛЬ, которая дана в круглых скобках Дугиным как вариант руны АС). Напротив, на рис. «б» буквы русской азбуки размещены против движения часовой стрелки. «*Эти три позиции на руническом круге, соответствующие* ***трем сезонам*** *или трем положениям солнца (?– весна, Ꙗ– лето, Ѧ– осень и зима) отмечают собой три основных этапа космической драмы Солнца, «Света Мира», «Божественного Солнца», которое считалось символом Духа, символом Аса, Бога, внутреннего Я, ария, солнечного человека. Вначале весенний восход – период АЗ, Золотой Век традиционной цивилизации (Расцвет Руси), потом летняя кульминация ИЖЕ (И) как бы соединяющая две половины года (на старославянском ИЖЕ означало И – союз соединения) и, наконец, печальный трагический закат, погружение в ЮС (ИР), сферу растворения (по-литовски ЮР*

– *море, влага) и смерти*»[28]. На наш взгляд, подобное размещение довольно поздних кирилловских знаков на календарном круге, относящемся к далекой истории, не вполне правомерно (во всяком случае, требует дополнительного обоснования), а сближение названия ЮСА с название руны ИР или литовским словом ЮР выглядит натяжкой. В целом как представления Вирта в изложении Дугина о рунах, так и мнение самого Дугина о некоторых кирилловских знаках выглядят необоснованными, хотя и затрагивают интересные аспекты возможного календарного происхождения древних знаков и менее возможного и очень глухого календарного значения современных букв. Но и сам календарь весьма странен, ибо в нем не 4 привычных, а всего 3 сезона по 4 месяца; это весьма сложно согласуется с двумя равноденствиями и двумя солнцеворотами в течение года, весьма сильно увеличивает лето, весну и зиму (на целый месяц!), и фактически ликвидирует осень. Трактовка же как начала, середины и конца, или божественной Троицы, или Трех Миров является совершенно некалендарной, и никаки не связывается Дугиным с заменой лунного календаря на солнечный.ю. Да и соответствия между исходным алфавитом и календарем у Вирта весьма мало, ибо одни знаки, согласные, в качестве месяцев у него повторяются дважды (в придыхательном и непридыхательном вариантах), а другие вообще не находят применения (сонорные). Таким образом, данная историография, весьма смелая, но слабо доказательная, без конкретной проработки деталей, выглядит скорее как некоторая теоретическая схема развития, чем конкретная история письма. Но она играет свою роль в плане побуждения научной мысли по части исследования скрального.

Итак, общий путь развития сакрального знания, передаваемого в алфавите через цифры, понятен. Вначале (и этому стадиально соответствуют рунические футарки из 24 букв) алфавит был по сути дела календарем — лунным, отмечавшим каждые две недели, — и связанным с возможностями построения гороскопов. Он носил еще не алфавитный, а, предположительно, слоговой характер, а числа соответствовали порядковому номеру соответствующего двухнеделья; числа были 12-ричными. Позже при замене лунного календаря на солнечный, алфавит перестал пониматься как календарь, но его календарное значение сохранилось уже как тайное. Числа поменялись на десятичные, причем одни буквы стали обозначать единицы, другие — десятки, третьи — сотни, и весьма продуктивной стала троичная символика. Стадиально этой фазе соответствует финикийский или еврейский мистический алфавит.

Затем финикийский алфавит был усвоен греками. По мнениюряда исследователей, западносемитские системы письма еще не были поначалу полностью буквенными, скорее они носили слоговой характер. Но у греков появляется первый полностью буквенный алфавит. К сожалению, названия финикийских букв были усвоены не по смыслу, а лишь по звучанию, да и то на греческий слух. Поэтому вместо названия «бык», «дом», «верблюд» (разумеется, по-гречески), греки стали называть буквы по-финикийски, «алеф», «бет», «гимель»..., но не смогли, поскольку греческая фонетика мало соответствует финикийской и поскольку слушало греческое ухо. Поэтому буквы стали звучать «альфа», «бета», «гамма»... Из этого следует, что на обыденном уровне алфавит был усвоен как профанная, то есть не сакральная, обыденная система письма. Но, поскольку букв было все-таки 27, и поскольку они имели цифровые значения, можно предполагать, что греческий алфавит все-таки носил сакральный характер. Греки постарались отразить значения всех букв-чисел, поэтом у них, помимо 24 «читаемых» букв были добавлены три «нечитаемые» буквы, имеющие чисто числовой характер: «вау» со значением 6, «коппа» со значением 90 и «сампи» со значением 900. Так что у греков, как и у евреев, было 2 алфавита: профанный из 24 букв для передачи языковых текстов, и сакральный из 27 букв для передачи чисел.

Попробуем теперь сопоставить еврейский мистический и греческий сакральный алфавиты. «Алеф», «бет», «гимел», «далет» и «хе» перешли в альфу, бету, гамму, дельту и эпсилон со значениями 1, 2, 3, 4 и 5 соответственно. Букве «вау» со значением 6 стала соответствовать и греческая вау с тем же значением; в обычном греческом алфавите она отсутствует, но в сакральном обозначается как S. «Зайн», «хет» и «тет» перешли в зету, эту и тету с числовыми значениями 7, 8, 9. «Йод», божественная буква со значением 10, стала йотом с тем же значением. «Каф», «ламед», «мем», «нун», «самех» со значениями 20, 30, 40, 50, 60 стали каппой, лямбдой, мю, ню и кси. Вместо буквы «айн» у греков появился о микрон со значением 70. «Фе» со значением 80 перешло в пи. «Цаде» со значением 90 не стала буквой профанного алфавита, но перешла в качестве сампи в алфавит мистический со значением 900. Это — первое несоответствие. Далее следует буква «коф» со значением 100; но ей соответствует буква коппа, (С), со значением 90. Значению «реш» 200 соответствует ро со значением 100, значению «шин» 300 соответствует сигма со значением 200, и значению «тау» 400, соответствует тау значением 300, на «тау» обычный еврейский алфавит заканчивается. В мистическом еврейском алфавите идут конечные «каф», «мем», «нун», «фе» и «цаде» со значениями 500-900. В греческом алфавите в этом месте идут буквы, им не соответствующие, а именно ипсилон, фи, хи, пси и омега. Получается, что 5 греческих букв, до некоторой степени воспроизводя графику и названия еврейских, отличаются от них в числовых значениях, и еще 5 имеют иные названия. Другими словами, из 27 букв греческого алфавита лишь 17 соответствуют еврейскому полностью, тогда как 10 соответствуют частично или вообще не соответствуют. В смысле передачи сотен греческие буквы отстают от еврейских ровно на одну сотню. — На первый взгляд, несоответствие алфавитов весьма значительно, однако 5 конечных еврейских букв вообще носили чисто цифровой характер, и потому греки имели право дать эти значения своим буквам для звуков, отсутствующим у семитов. А вот сдвиг в значении на 100 попадает на весьма ходовые буквы р, с, т. Из этого получается, что, например, в имени Христос буквы х, р, т, две буквы с — все это будет обладать иным числовым значением. А это, в свою очередь, приведет к тому, что Христос у евреев и греков должен попадать под покровительство разных ангелов, астральных духов и гениев. Иными словами, его сущность оказывается различной.

В этой связи становится понятным наличие «70 толковников» для перевода Библии. Вполне допустимо, что их было даже не 70, а 72, по числу ангелов или гениев. Но в любом случае канонической все-таки стала Библия на греческом языке. Видимо, только тут удалось создать текст, полностью удовлетворяющий всем требованиям сакральности.

Становится понятным и назначение так называемых «старинных букв» греческого алфавита. Скорее всего, они вообще никогда не использовались на письме, ибо их назначение было сугубо сакральным; а то, что они «старинные» — это гипотеза филологов для оправдания их наличия в алфавите.

Что касается латинского алфавита, то римская нумерация, как было показано выше, не соответствовала ионийской, и римляне, при всем их уважении к греческой культуре и письменности, ее так никогда и не усвоили. Поэтому сакрального алфавита там не было, при переводе требование числового соответствия имен собственных и наиболее важных понятий отсутствовало, что неимоверно ускорило и облегчило работу переводчика (которым был святой Иероним Стридонский). Возможно, отчасти, это объясняет и наименование vulgata (народная, общедоступная) латинского перевода Библии.

Теперь можно перейти и к славянскому алфавиту. Буквы аз, веди, глаголь, добро, есть имеют значения 1-5 и полностью соответствуют альфе, бете, гамме, дельте и эпсилону. Для передачи шестерки вау превратилась в букву зело, которую

плохо понимали русские и которая требовала комментариев; ее форма в точности передавала форму вау в греческом мистическом алфавите (S). Далее следуют земля, иже и фита, соответствующий буквам зета, эта и фита у греков в значениях 7-9. Букве йот соответствала буква I, «и десятичное». Затем полное соответствие букв како, люди, маслете и наш буквам каппа, лямбда, мю и ню в значениях 20-50. Для передачи 60 в славянский алфавит была заимствована буква кси, для письма практически не применявшаяся. Далее идут буквы он и покой, соответствующие омикрону и пи, и числам 70 и 80. Не используемая на письме буква сампа для обозначения 90 перенесла свое числовое значение на букву червь. Что же касается сотен, то тут — полное тождество букв рцы, слово, твердо, ижица (вместо ук, эта буква числового значения не имет), ферт, хер, пси и омега буквам ро, сигма, тау, ипсилон, фи, хи и омеге в значениях 100-800. А значение неиспользуемой на письме сампи (900) перенесено на букву цы. Все же остальные славянские буквы числовых значений не имеют. Такова кириллица. Степень ее приближения к греческому подлиннику — максимальная из возможных. Иными словами, кириллица передает греческую нумерацию гораздо точнее, чем греческая — еврейскую.

Но совершенно не то в глаголице. Значение буки равно двум, поэтому все последующие буквы вплоть до зело имеют значение на единицу большее, чем у греков. Поскольку буква живете тоже имеет числовое значение (равное 7), буква земля уже имеет значение 9 вместо 7. Тем самым, следующая буква иже должна иметь значение 10, что полностью разрушило бы представление об I=10 как о букве Бога. Поэтому за буквой I все-таки сохранено ее значение, но иже получило значение 20 (вместо како). Но в глаголице существует еще буква дервь для обозначения мягкого г, и она-то получила значение 30. Так что како стало иметь значение 40, люди — 50, мыслете — 60, наш — 70, и сдвиг против греческих каппы, лямбды, мю и ню составил 20 единиц в сторону увеличения. Греческая буква кси, не используемая в славянском письме, была выпущена, и потому буква он получила значение 80, а покой — 90. Что же касается сотен, то рцы, слово и твердо соответствуют ро, сигма и тау в значениях 100-300, но ук приобретает значение 400, и далее следуют буквы ферт, ха, омега и цы со значениями 500-900, подобно греческим фи, хи, пси, омега и сампи. Буква ша имеет значение 800, а буква червь — 1000; последнего значения нет ни у одного мистического алфавита. Отсюда сразу следует, что глвголица совпадает с греческим алфавитом всего в буквах а, i, р, с, т, что, конечно же, слишком мало для того, чтобы считать ее сакральным алфавитом. Иными словами, глаголица — алфавит в принципе несакральный, подобно латинскому.

Теперь можно абсолютно точно ответить на вопрос, какой из алфавитов создал Кирилл: он создал кириллицу как сакральный алфавит, равночисленный греческому мистическому, ибо ориентировался на греческую сакральность. Глаголица же ориентировалась на латинскую несакральность, будучи построена по порядку букв на основе греческого алфавита.

Кроме того, теперь становится ясным и термин «устроение», употребленный черноризцем Храбром в отношении кириллицы. Ее устроение заключалось не только в придании числового значения буквам греческого происхождения, но и во введении дополнительных букв. Кирилл сохранил введенные в глаголице буквы зело и омега, не очень нужные славянам, снял числовое значение с ук (пренеся его на ижицу), добавил кси, пси, фиту и ижицу, и, что очень тонко, отождествил коппу с червем, ибо сампи уже было отождествлено с цы в глаголице. Только человек, знавший семитские языки, мог знать, какому звуку ближе всего могла бы соответствовать коппа, возникшая по звучанию из семитского «кофа», а по значению — из «цаде» неконечного. Это — еще одна примета, позволяющая утвердиться в мысли о том, что кириллицу создал Кирилл.

Преобразования, совершенные им, можно оценивать по-разному: и как очень крупные, и как незначительные. Если допустить, что, с одной стороны, к моменту создания кириллицы уже существовала глаголица как славянская азбука, решающая проблему передачи славянских звуков, порядка их следования в алфавите и проблему названий, а с другой стороны, уже существовал греческий мистический алфавит, то добавление 4 почти неупотреблявшихся букв греческого происхождения и исключение одной славянской, а также исправление числовых значений по греческому образцу можно считать не слишком сложной проблемой, решить которую можно было буквально за пару дней. И действительно, из источников мы знаем, что Кирилл создао азбуку очень быстро. Вместе с тем, ясно, что несакральная азбука не была бы воспринята греческим (византийским) духовенством, и к возражениям немецких епископов могли бы добавиться еще и возражения греческих, а это закончилось бы полным провалом попыток создать богослужение на славянских языках. Так что по значимости деятельность Кирилла должна быть оценена как весьма крупный вклад в создание славянской письменности.

Литература

1. Зиновьев А. Тайнопись кириллицы. Владимир, 1998, с. 102
2. Там же, с. 103
3. Там же, с. 155
4. Там же, с. 25
5. Сотникова Л.И. Феорруфино К. Азбука русского языка // Сотникова Л.И. Феорруфино К. Родство — основа системы слова. Тегусигальпа (Гондурас), Графицентро, 1985
6. Там же, с. 5
7. Сотникова Л. Истинная азбука русского языка. М., -Элиста, 1999, с. 14
8. Там же, с. 16
9. Там же, с. 16
10. Депман И.Я. История арифметики, 2-е издание. М., 1965, с. 65
11. Ленен. Каббалистическая наука. [М, 1990, ГАУ], Учебный центр «Азъ», с. 11
12. Там же, с. 37
13. Дугин А. Гиперборейская теория. Опыт ариософского исследования. М., 1993, с. 43
14. Там же, с. 45
15. Там же, с. 46
16. Там же, с. 47
17. Там же, с. 49
18. Там же, с. 50-51
19. Там же, с. 52 и 61
20. Там же, с. 64
21. Там же, с. 65
22. Дугин А. Мистерии Евразии. М., 1996, с. 154
23. Там же, с. 155-156
24. Там же, с. 161
25. Там же, с. 165-166
26. Там же, с. 166-167
27. Там же, с. 167-169
28. Там же, с. 169

Как возникла кириллица?

Теперь, когда выяснено главное — что святые Кирилл и Мефодий создали кирилловскую азбуку как сакральный славянский алфавит, можно попытаться решить ряд более частных вопросов. И прежде всего, почему нельзя было пользоваться просто греческим алфавитом?

Вообще говоря, славяне, как и другие народы, пользовались и латинскими, и греческими буквами для передачи своей речи. Е.В. Уханова свидетельствует, что "*записей славянских текстов, сделанных при помощи одних только греческих букв, до настоящего времени не сохранилось. Славянская речь, записанная греческими буквами, дошла лишь в виде отдельных слов, вкрапленных в греческие тексты*" [1]— Действительно, таких текстов крайне мало, но все таки они есть. Одним из них является греческий кодекс, в котором записаны греческими буквами названия славянских знаков. Они выглядят так: ας, μπουκι, βετδ, γλαωδ, δομπροι , γεεστι, ζιβητ, ζελω, ζεπλεα, η, ιζει,κακω, λουδια, μη, νας, ων, ποκοη, ριτζιη, σθλοβω, ντε βερδω, ηκ,φερωτ, χερ, ωτ, τζη, τζερβη, σαα, σθα, γεορ, γερη, γερ, γεατ, γιου, γεους, γεα . — Честно говоря, от греческих значков рябит в глазах; ясно, что строчные буквы для кириллицы не подошли бы, ибо они достаточно сложны для восприятия. — Хорошо, попробую переписать то ж прописными; получается так: ΑΣ , ΜΠΟΥΚΗ, ΒΕΤΔ , ΓΛΑΟΔ, ΔΟΜΠΡΟΥ, ΓΕΕΣΤΙ, ΖΙΒΗΤ, ΖΕΛΩ, ΖΕΠΛΕΑ, Η, ΗΖΕΑ, ΚΑΚΟ, ΛΟΥΔΙΑ, ΜΗ, ΝΑΣ, ΟΝ, ΠΟΚΟΗ, ΡΙΤΖΙΗ, ΣΛΟΒΟ , ΝΤΕΒΕΡΔΩ , ΥΚ, ΦΕΡΩΤ, ΧΕΡ, ΟΤ, ΤΖΗ, ΤΖΕΡΒΗ, ΣΑΑ , ΣΘΑ,ΓΕΟΡ, ΓΕΡΗ, ΓΕΡ, ΓΕΑΤ, ΓΙΟΥ, ΓΕΟΥΣ , ΓΕΑ. Разумеется, так стало понятнее, хотя опознать славянские слова неспециалисту все-таки достаточно сложно. — Попробую переписать теперь то же буквами кириллицы, соблюдая нормы греческой фонетики; допустим, мы не знаем, что перед нами славянский текст, и пытаемся прочитать данную запись буквально. АС, МБУКИ, ВЭТД, ГЛАОД, ДОМБРОЙ, ГЭЭСТИ, ЗИВИТ, ЗЭЛОО, ЗЕПЛЕА, И, КАКО, ЛУДИА, МИ, НАС, ОН, ПОКОЙ, РИДЗИЙ, СЛОВО, ДЕВЕРДОО, УК, ФЕРООТ, ХЕР, ОТ, ДЗИ, ДЗЕРВИ, САА, СФА, ГЕОР, ГЕРИ, ГЕР, ГЕАТ, ГИУ, ГЕУС, ГЕА. — Мы видим, что хотя некоторые слова вполне понятны, например, И, КАКО, ОН, СЛОВО, УК, ХЕР, ОТ, остальные представляют собой головоломку. Кто бы мог подумать, что САА — это ША, а СФА — ЩА? Что ДЗИ — это ЦЫ, а ДЗЕРВИ — ЧЕРВИ? И так далее, в том же духе.

Попробуем записать в таком оформлении какие-нибудь детские стишки, передав их сразу современным русским гражданским шрифтом. Например: ЗИЛЬ МБИЛЬ ОУ МБАМБОУСКИ СЭРЭНКИ КОДЗЛИК. Или НАСА ТАНГЕА НГРОМКАА ПЛЯДЗЕ, ОУРОНИЛЯ В РЕДЗКОУ МГЕАДЗИК. ТИДЗЭ, ТАНЭДЗКА НЭ ПЛЯДЗЬ! НЭ ОУТОНЭ В РЭДЗКЭ МГЕАДЗЬ! — Правда, чудесно!

Один студент-киприот, постоянно произнося по-русски слова ПРОМБЛЕМА и РАМБОТА, заявил мне, когда я пытался его поправить: « *Русский язык является издевательством над греческим!»* — Прочитав приведенные примеры, можно было бы не менее патетично воскликнуть: «*Передача греческой графикой русских слов является издевательтвом над русским языком!»*

Я привел образцы записи греческими буквами русских слов для того, чтобы стало ясно, что просто так греческую графику приспособить для славянских языков невозможно. Необходимо что-то придумать, чтобы различать прежде всего

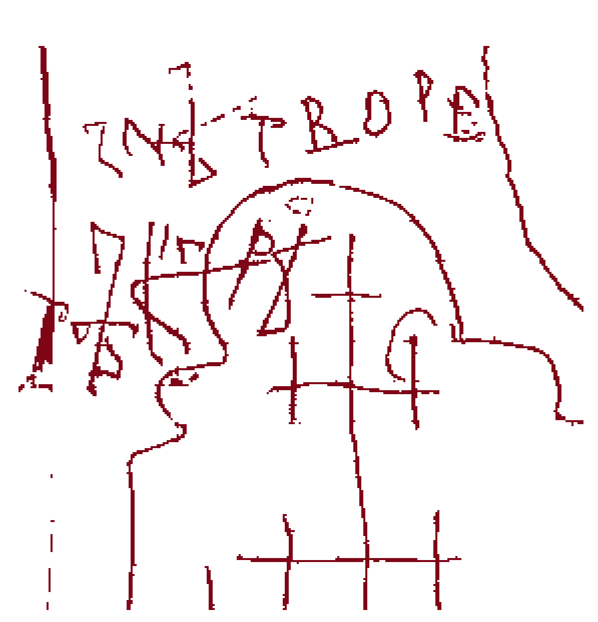
твердость и мягкость звуков, а затем звуки Ш, Щ, Ц, Ч, Ж, чтобы не гадать, что такое ДЗЯСФА, а прямо писать ЧАЩА. Конечно, сами принципы выделения славянских звуков были решены еще в глаголице, но и на долю кириллицы осталось немало: найти графические выражения для так называемых славянских звуков. Иными словами, речь идет о тех самых 14 славянских буквах, о которых упоминал черноризец Храбр.

Поскольку Кирилл, как полагает большинство исследователей, вряд ли изобретал сами графичекие знаки для этих букв, речь идет об их происхождении. В науке эта задача получила название проблемы протокириллицы, то есть проблемы нахождения алфавита, из которого они были заимствованы. И прежде всего, конечно, интересно проследить источники возникновения 4 знаков, так называемых "еров" (ъ, ы, ь) и близкой к ним буквы «ять».

Одним из исследователей протокириллицы был болгарский академик Иван Гошев. В своей статье "Развитие негреческих кирилломефодиевских буквенных знаков в так называемой кириллице" он писал: « *Еще 16 лет назад (в 1947 году) на надгробной стене Круглой Церкви Преслава была открыта одна интересная надпись-граффито, которая читалась достаточно ясно*: ([illegible])N3N[illegible]ТВОР[illegible](Н) КР[illegible] СТ[illegible]*, см. рис. С того времени и до сего часа в продолжние почти 16 лет я не могу перестать размышлять о проблеме зарождения и дальнейшего развития глаголического письма в Болгарии. До 1951 года я ездил в Преслав и собирал материал по интересующей меня проблеме. Одна за другой открылся ряд староболгарских надписей: глаголический абецедар, подпись Бориса, содержащая следы датировки (6401 год), вторая надпись, датированная также 6401 годом, содержащая имя "Борисово чадо Симеон", надпись на кресте под аркой... Их я опубликовал под заглявием "Староболгарские глаголические и кирилловские надписи"* (*София, 1963)... Эти найденные в Преславе славянские буквы постепенно меняют свой облик в 9-м и 10-м веках, и в 11-м веке уже достаточно удалены от своей первоосновы.*

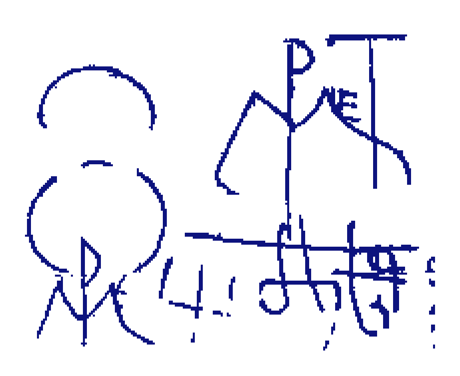
Отсюда славянская палеография ступает на твердую почву; мы уже знаем, откуда начались славянские буквы и нет необходимости строить различные догадки. Следы первославянской кириллицы до сих пор не были открыты ни у западных славян, ни в Северном Причерноморье

Ранние староболгарские надписи были открыты у нас, буквы, которые... не очень отличаются отот известных в науке букв староболгарских надписей» [2].

Граффито до креста под аркой Круглой Церкви Преслава

Действительно, у южного входа нартекса, под аркой стены Круглой церкви в Преславе имеется граффито (нацарапанный рисунок) с определенными надписями. Есть они и на стене центрального входа в наос, и в других местах.

Граффито на стене центрального входа в наос Круглой церкви

Иван Гошев так размышляет относительно происхождения букв глаголицы (которую от считает детищем Кирилла) и кириллицы. « *Каков был облик первоглаголических букв Кирилла и Мефодия? Буква* Ⰱ*(Б) — первая из 14 глаголических букв в староболгарской письменности Кирилла, как и буква* Ⰶ*(Ж), встречается в словах МРЕ* ⰁⰆ*[* ⰠⰡ*] =МАТЕРЕ БОЖЬ[ЬЯ] . В том же облике мы видим глаголическое Б в надписи на каменной плитке в народном музее в Софии. Буква* Ⰰ*(Аз) встречается в одной преславской надписи в слове [К*Ⰰ*N]* ⰡⰀⰀ*; вероятно, то же слово мы имеем и на первом рисунке, где от него сохранилось только часть, [К*Ⰰ*N* Ⱑ*]* ⰀⰀ*.*

Буква Ⱌ*(Ц) случайно отсутствует в собранных мной кирилловских и глаголических надписях; встречается только в одном абецедаре. Буква* Ⱍ*(Ч) встречается только в слове* ⰗⰔ*ДА (ЧАДА). Буква* Ш*(Ш), такая же, как и сегодня, только пониже, и не заполняет строку, встречается в слове [С*Ⰰ*] ВЕШТАВ*Ⰰ *ШЕМ[СЯ] и ВЕШТ[ЕМ*Ⰰ*] . Буква* Ⱏ*(Ъ) встречается в граффито Круглой Церкви, обозначенном как "надпись на кресте под аркой" на первом рисунке. Эта надпись... возникла при осящении крестильного помещения. Она гласит: (*Ⰶ *)N3N*Ⱐ*ТВОР*Ⱔ*(Н) КР*Ⱏ*СТ*Ⱏ*. Буква* Ⱐ*(Ь) встречается в граффито на прямоугольной приалтарной колонне Креглой церкви на втором рисунке два раза: в слове [К*Ⰰ*N]* ⰡⰀⰀ*и [К*Ⰰ*N* Ⱑ*]* ⰀⰀ*... Буква* Ⱔ*(*Ѧ*) встретилась в слове ТВОР*Ⱔ*(Н) на первом рисунке, но тут она плохо сохранилась. Буква* Ⱑ*(*Ꙗ*) встречается в слове [К*Ⰰ*N]* ⰡⰀⰀ*... Рассмотренные тут буквы представляют первый этап в развитии староболгарских букв, но они продолжали развиваться и после этого. Со времени смерти Симеона (время указано приблизительно) славянские буквы в так называемой кириллице появились в несколько другом виде: они сокращены, в них отсутствует тенденция к сохранению связи со своей глаголической графикой»* [3]. — К сожалению, Иван Гошев не указывает, как произошли рассмотренные им буквы глаголицы и кириллицы, в лишь отмечает, что в надписях Круглой Церкви Преслава такие буквы встречаются как наиболее ранние. Задача, как видим, не решена.

Тем не менее, выступление Гошева было критически встречено другими исследователями. Так, Альбина Александровна Медынцева из России вместе с Константином Попконстантиновым из Болгарии провела повторное исследование в Преславе. В частности, они упомянули и "протокирилловские буквы" Ивана Гошева: Ⱍ(Ч), Ⱔ(Ѧ), Ⱏ(Ъ) и Ⱐ(Ь), почему-то забыв Ⱑ(Ꙗ), и заметили, что « *столь далеко*

идущие выводы сделаны, конечно, исходя из уверенности, что в руки исследователей попал, наконец, новый, географически и хронологически определенный эпиграфический материал. Высокая оценка открытий Ивана Гошева и гипотезы о происхождении письма, на них основанной, сделанные в обзорных статьях известными учеными, послужили дальнейшему признанию нового материала. Надписи из Круглой церкви служат основой для дальнейших наблюдений как в области графики, так и фонетики, морфологии и т.д. Если не теоретические обобщения Гошева, то его фактические материалы — то есть самидревнейшие надписи, их графические и филологические особенности, являются для них исходным материалом. Ссылки на древнейшие датировки надписи, открытые в Круглой церкви Преслава, появляются почти в каждой работе, так или иначе касающейся древнейшего этапа развития славянской письменности» [4]. После рассмотрения указанных Иваном Гошевым надписей Круглой церкви и ненахождением на них ряда знаков, два исследователя приходят к таким выводам: « *развитие негреческих и "протоглаголических" букв путем их упрощения под влиянием кириллицы в буквы, известные нам по кирилловскому письму, представленные на таблицах Ивана Гошева, хотя и выглядят убедительно, не более, как очередное теоретическое предположение, не подкрепленное никакими фактическими материалами. Напротив, пересмотр эпиграфического материала из Круглой церкви ясно показывает бездоказательность гипотезы Ивана Гошева, казалось бы, такой обеспеченной новыми и неопровержимыми данными, точно локализованными и датированными»* [5]. — Этой гипотезе Гошева авторы противопоставляют работу О. Неделькович по полугласным звукам ("ерам"), где приводятся такие выводы: 1. В конце 9-го-начале 10-го веков оба ера употреблялись этимологически правильно. 2. Приблизительно в середине 10-го века появляются тексты как одноеровые (то есть там уботребляется во всех случаях либо Ъ, либо Ь), так и двуеровые со смешанным употреблением еров, что свидетельствует об их выравнивании. 3. Приблизительно к концу 10-го века появляются частые примеры со вторичным ером в греческих словах и примеры пропуска ера как в середине, так и в конце слова [6]. Вместе с тем, авторы отмечааают, что « *несмотря на фрагментарность древнейших датированных надписей Преслава, ясно, что они служат другим графическим нормам, чем большинство надписей Круглой церкви. Этот факт еще раз подчеркивает правильность датироваки эпиграфического материала из Круглой церкви около середины 10-го века »*[7].

Стало быть, надписи из Круглой церкви не подтверждают развитие кирилловских знаков как упрощенных глаголических. Вместе с тем, мысль о том, что 14 букв кириллицы возникли из глаголицы, то есть что глаголица была протокириллицей, кажется весьма здравой. На связь между графикой кириллицы и глаголицы в свое время указывал известный русский палеограф Е.Ф. Карский. Эту связь в графике он представлял себе таким образом[8]:

Связь между глаголицей и кириллицей по Е.Ф. Карскому

Действительно, мы видим большое сходство, где одни знаки остались без изменения, например, Ш, другие заменили петельки на штрихи, например, Щ, Ж, Ч,

I, третьи отбросили штрихи, например, Ъ, Ч, θ , четвертые укрупнили петельки, например, Ф, Ю, пятые развернулись зеркально, например, Е шестые дополнили половину изображения до целого, например, О. Правда, с его позиций кириллица послужила образцом для глаголицы, поскольку он считал глаголицу более поздней азбукой. Но вполне возможно, что все было как раз наоборот, и что греческие буквы подыскивались такими, которые ближе всего соответствуют буквам кириллицы, а славянские буквы создавались достаточно похожими. Однако для более точного вывода необходимо произвести более подробный анализ.

Начнем с "еров". Прежде всего, основным из знаков Ъ, Ы, Ь и ять является Ь, поскольку у него нет никаких дополнительных штрихов. Именно этот знак и совпадает с буквой Р глаголицы. В современном русском гражданском письме произношение этой буквы твердое, ЭР. Однако, до сих пор пожилые люди часто произносят слова "веРЬх", "пеРЬвый", "цеРЬковь" с мягким РЬ. Не означает ли это, что и в глаголице буквы РЦЫ звучала мягко, как РЬЦЫ? Но в таком случае она и была РЬ, то есть в современном произношении ЭРЬ, а в старом, йотованном, ЙЕРЬ, то есть ЕРЬ. А из этого следует, что знак Ь и понимался как РЬ.

Однако оказывается, что с небольшимии модификациями этот же знак понимался и как Ы, и как Ъ, и как звук, промежуточный между Е и И (буква ЯТЬ). Если учесть, что он еще и обозначал согласный звук Р, получается, что он ведет себя как-то странно, обозначая два гласных (Ы, И-Е), два полугласных (Ъ, Ь) и один согласный (Р). Просто чудо какое-то, удивительная загадка!

На самом деле всякая тайна снимается, если предположить, что до кириллицы и глаголицы, в каком-то алфавите "икс" этот знак совмещал в себе черты и гласного, и согласного. « *Но ведь так не может быть*, — воскликнет изумленный читатель. — *Таких букв не бывает!»* — И будет абсолютно прав. Таких *букв* действительно нет. Зато есть *слоговые знаки*, где первый звук является согласным, а второй — гласным. Получается, что этот слоговой знак сочетал в себе согласный Р и гласный звук нечеткого произношения типа И-Е. Его можно было бы обозначить как РЕ/РИ. При случае он мог бы читаться и как РЫ. Вот такая любопытная получается гипотеза.

Прямо скажу, такая гипотеза выглядит не очень правдоподобной. Постулируется некоторая письменность "икс", никому не известная и, что самое важное для ученых, никем прежде не предполагавшаяся. Во всяком случае до сих пор, насколько мне известно, никто таких догадок не делал. — А какие делали?

Очень славный обзор литературы можно найти у болгарского ученого Емила Георгиева. Еще в 1936 г. вышла его заметка о происхождении кириллицы[8], а в1942 г. он опубликовал исследование "Начало славянской письменности в Болгарии. Староболгарские азбуки"[9]. Позже появилось его сочинение на русском языке, и, хотя редактор отметил, что произведение печатается в дискуссионном порядке, в нем опубликовано много интересных подробностей. Сам Георгиев придерживался греческого истока всех, в том числе и негреческих букв кириллицы. Когда он дошел до происхождения букв Ь, Ъ и ять, то напомнил, что Ватрослав Ягич, академик Санкт-Петербургской академии наук, полагал, что эти буквы произошли из буквы Б кирилловской азбуки. « *Это мнение, воспринятое Лаврови и Карским нам кажется трудно приемлемым»* [10]. Действительно, буква Б ни по названию, ни по начертанию, ни по произношению не совпадает со всеми перечисленными. — Чешский славист В. Вондрак[11], по его мнению, « *впадает в другую ошибку, выводя знак "ять" из глаголического начертания этой буквы Ⱑ. Между глаголической и кириллической буквами ѣи Ⱑнет сходства, и напрасно его искать; только предвзятая теза может его открыть»* [12]. — Полностью согласен с отсутствием такого сходства.

Отмечается также, что П.А. Лавров выводит букву Ь из греческой буквы эпсилон[13]. Этот вывод вполне устраивает Георгиева как доказательство греческого

происхождения негреческих букв кириллицы, хотя Георгиев не согласен конкретно с буквой эпсилон. У Л. Гайтлера встречается аналогичное объяснение, только теперь выводится "ять" из так называемого минускольного, то есть скорописного письма[14]. И опять для Георгиева это хорошая поддержка его гипотезы, кроме самого звука. Таким образом, ряд исследователей уже пытался объяснить происхождение гнезда "еров", хотя и не получил убедительных результатов.

Емил Георгиев пытается разобраться и сам. « *Существует также графическое сходство между ѣ и Ъ. Упомянутое сходство должно нас привести к мысли, что три буквы Ь, Ъ и ѣ ведут свое начертание от одной и той же буквы. Какая же она? — В основе этих трех букв лежит, вне сомнения, первая, самая простая по начертанию — Ь. С чертой слева Ь превращается в Ъ, с поперечной чертой — в ѣ. Если бросим взгляд на замечательную надпись Самуила 993 года, еще в первой строке в слове ОТЬЦА нас поразит сходство между Ь и греческой йотой».*— Прервем пока цитирование, чтобы обратить внимание на саму надпись царя Самуила, найденную в 1894 году в Македонии. Она представляет собой каменную плиту над могилой родственников царя; ее правый нижний угол отбит. Долгое время эта надпись считалась древнейшим старославянским датированным текстом, пока не была в 1954 году в Добрудже найдена надпись при строительстве канала Дунай-Черное море; Добруджинская надпись 943 года на полвека старше. Значение подобных памятников славянской письменности очень велико, ибо они позволяют документировать существование тех или иных букв и слов, и тем самым подтверждать одни и опровергать другие гипотезы лингвистов.

Теперь обратим внимание на слово ОТЬЦА (после слов ВО ИМЯ) в первой строке надписи царя Самуила:

Надпись царя Самуила. 993 год

На надписи видно, что Ь действительно выглядит как I с очень маленькой петелькой внизу. — Продолжим цитирование.

« *Этот Ь есть греческая йота (i) с завитком на нижнем его конце. Ь как самый близкий к звуку с i передавался долготой буквы, от которой произошел. Сначала для обозначения звука Ь употреблялся простой знак I (И); так передавался Ь часто и в старохорватском. Во Фрайзингенских листах Ь передается часто посредством i: dine вместо "дьне"... minsich вместо "мьньшихъ" и т.д. Позднее греческий знак, употребляемый для обозначения звука Ь, был условно обособлен от знака i (=и) завитком в нижней части буквы, достигнувшим в конце концов до округления. Параллели о такого рода*

переделках букв для дифференциации звуков в иноязычных азбуках смотри ниже» [15]. — Выдвинутая версия очень похожа на правду; звук И очень напоминает и полугласный Ь, и гласный Ы, и даже звук И-Е, обозначаемый буквой "ять". Понятно, что этот графический знак (без точки наверху, отсутствующей в греческом алфавите) вполне мог появиться на основе греческой буквы, заменив соответствующие буквы глаголицы.

« *Звук Ъ в староболгарскую эпоху был близок к звуку Ь. Считаю лишним припоминать о совпадении двух еров в некоторых славянских диалектах, о переходах одного ера в другой в известных фонетических положениях и т.п. Следовательно, вполне естественно ожидать также и графической близости при письменной передаче двух звуков. И действительно, Ъ является просто как одна и та же буква, обособленная от другой буквы, Ь»* [15]. — Гергиев не напоминает, что, по сути дела, таким же было решение проблемы различения Ь и Ъ в глаголице, оно сводилось только к одному штриху. Тем самым, с моей точки зрения, когда был выбран базовый элемент, Ь, штрих на нем воспроизвел штрих в глаголице, где он размещен как раз над нижней петелькой: Ь выглядел как Ⱐ, тогда как Ъ — как Ⱏ. Так что если мысленно отделить верхнюю часть знака, низ будет выглядеть как ⰸ, что очень похоже на Ъ. Кстати, на ряде древних надписей петелька у Ъ выглядит как раз треугольной.

Следующей буквой была "ять". Георгиев в связи с этим замечает: « *Древний славянин, пишущий звук ѣ(а), чувствовал этот звук не очень отдаленным от звуков Ь и Ъ, то есть как звук, который в скале гласных лежит где-то между Ь, Ъ и А. Вот почему и в знаке этого звука, ѣ, — нужно видеть условно отличенный знак Ь»* [15]. — Здесь, соглашаясь с вхождениям буквы "ять" в гнездо "еров", я больше полагаю звук "яти" похожим на И-Е, а не на Э (а), производном от А. Кроме того, глаголическая "ять" также имеет треугольную петельку, как и низ Ь, но в нее еще врисована Т-образная фигура, Ⱑ. В кириллице эта Т-образная фигура нанесена на середину мачты. Иными словами, Ъ и ѣкириллицы формировались хотя и на базе греческого йота, но под влиянием глаголицы.

К сожалению, Георгиев не рассматривает букву Ы, в которую в ранней кириллицы входил в качестве передней части не Ь, а Ъ. И это оправдано, ибо Ы можно себе представить как "твердый звук И". В таком случае передняя половинка буквы Ы подчеркивает ее твердость, тогда как задняя — то, что это звук И. Опять-таки, эта проблема была уже решена в глаголице.

Гнездо "еров" охватывает целых 4 буквы из 14. Остальные гнезда содержат всего по 2 буквы, и целесообразно перейти к "юсам", большому и малому. По их поводу Георгиев пишет следующее: « *Буквы Ѧ, Ѫ— две другие гласные, неизвестные греческому звукословию. Приходит на помощь опять греческий буквенный знак, который посредством так называемых диакритических знаков делается снова отличительным от основной буквы, означающей свой прямой звук. В надписях А встречается в нашей форме, вариант которой представляет юс малый, Ѧ, именно в форме А. Сравни знак малого носового звука и в надписи Самуила»* [16]. — Действительно, в надписи Самуила, в четвертой строке последнее слово ПАМЯТЬ содержит юс малый в форме Ѧ. Так что этот дополнительный штрих не сразу принял вертикальное положение, а сначала размещался на вершине буквы А.

Это — очень интересное наблюдение, показывающее, что еще в 10-м веке происходило постепенное становление букв кириллицы.

« *В отношении юса большого Гайтлер приводит особенную форму А с удлиненными кверху плечиками; достаточно закрыть удлиненные плечики, чтобы получилась новая буква Ѫ. Отметим, кстати, что кирилловские носовые Ѧи Ѫочень сильно отличаются от соответствующих глаголических букв. Этот факт довел сторонников теории о заимствовании кирилловских букв,*

неизвестных греческой азбуке, из глаголицы, до невероятных суждений. Именно Ягич дошел до того, что предполагает, что когда была создана кириллица, в болгарском языке уже исчезло носовое произношение. Но это предположение стоит в явном противоречии с языковыми фактами» [16]. — Получается, что и юс большой, передающий звук У с носовым призвуком, получился из греческой буквы А, как юс малый. С этим я согласиться не могу. Ведь юс малый действительно передает А с носовым призвуком, но этого нет для У. Кстати сказать, один из вариантовбуквы У имеет видѵ', и если его перевернуть вверх ногами и придать треугольную форму, получится Ѫ, зеркально отраженная буква У. Вот теперь можно добавить штрих, чтобы показать носовой характер обозначенного данной буквой звука. А сама буква У — это несколько измененный вариант греческого ипсилона, Y. Хотя, переворачивание буквы вверх ногами выглядит весьма экзотично.

Правда, название букв не было объяснено. На мой взгляд, такое объяснение надо давать именно для юса большого. Подобно названию "ера", которое, вероятно, было дано слоговому знаку РЕ, произносимому как ЭРЬ, название ЮС было дано слоговому знаку СУ, прочитанному наоборот, УС. Но как слово ЭР было йотовано, став "ер", так и слово УС было йотовано, став "юсом". И, вероятно, этот слоговой знак алфавита "икс" был перевернутым юсом большим без палочки, то есть выглядел так:Ѫ. Юс малый образовался позже из буквы А по аналогии. Кстати, в надписи царя Самуила в четвертой строке перед словом ПАМЯТЬ (с юсом малым) начертано слово ПОЛАГАУ через юс большой. И если юс малый имеет отличия в начертании, то юс большой начертан правильно.

Далее мы вступаем в еще одно гнездо йотованных букв, куда входят Ю, а также лигатуры (вязи) I с А и Е. « *Из йотованных гласных самая древняя — Ю. Она представляет, как на это указал еще Добровский, сокращение от ЮУ=греческому сочетанию IOY; вместо I и OY взяты только знаки I и О, то есть первая часть составной буквы. Другие йотованный гласные, которые по своему составу либо повторяют греческие IA, IE (произносимые как наши* ꙗ, ѥ*), либо им подражают, развились позднее. Вот почему, создавая свою азбуку, Кирилл еще не мог воспользоваться йотацией, из постепенно славянизированной греческой азбуки. Но Ю уже существовала со знакомым нам знаком. Йотация при Ю была перенесена и на другие гласные, и таким образом кириллица превзошла по своему совершенству в этом отношении глаголицу, где, вследствие отсутствия сходства по звуку и знаку в первой части йотованной гласной с і, йотация не могла развиться»* [17]. — С таким предположением относительно происхождения буквы Ю вполне можно согласиться.

Получается, что в основе трех семейств гласных букв русского языка лежат греческие буквы йот, альфа, омикрон и ипсилон. Пожалуй, объяснение происхождения гласных — наиболее сложная задача, поскольку касается трех разных семейств славянских букв. Теперь переходим к рассмотрению происхождения согласных.

Здесь прежде всего выделяется семейство шипящих: Ц, Ч, Ш, Щ, Ж. Начнем с наиболее ясных в смысле происхождения букв Ш и Щ. Буква Ш в кириллице ничем не отличается от таковой в глаголице и, разумеется, была заимствована из нее. Что же касается ее названия, то это просто ША, или, как писали греки, САА. Поскольку название является просто слогом, возникает мысль, что когла-то в алфавите "икс" существовал слог ША, и выглядел он точно так же, как выглядела кирилловская, она же глаголическая буква Ш. Таково мое предположение.

А вот что пишет Георгиев: « *Еврейская буква "шин",* ש*, особенно в ее самаритянском начертании, дала начертание кирилловской букве Ш. Сходство между староболгарской Ш и еврейской "шин" столь значительно, что происхождение староболгарской буквы от еврейской теперь уже редко оспаривается»* [18]. — И все же я рискну оспорить. Выше мы уже выяснили, что у

греков еврейской букве "шин" соответствовала сигма со значением 200, она же перешла в кириллицу под именем "слово", стало быть, она уже присутствовала в кириллице если не формой, то звучанием и значением. Использовать ее повторно было бы большой странностью. А внешнее сходство является обманчивым. Мы помним рассказ А.П. Чехова, где преподаватель латыни написал на сочинении гимназиста свой вердикт: Чепуха! Но мальчик, увидев курсивную надпись *renyxa* , принял ее за латинскую, звучащую "ренюкса", и затем долго искал в словаре это новое для себя слово. Разумеется, безуспешно.

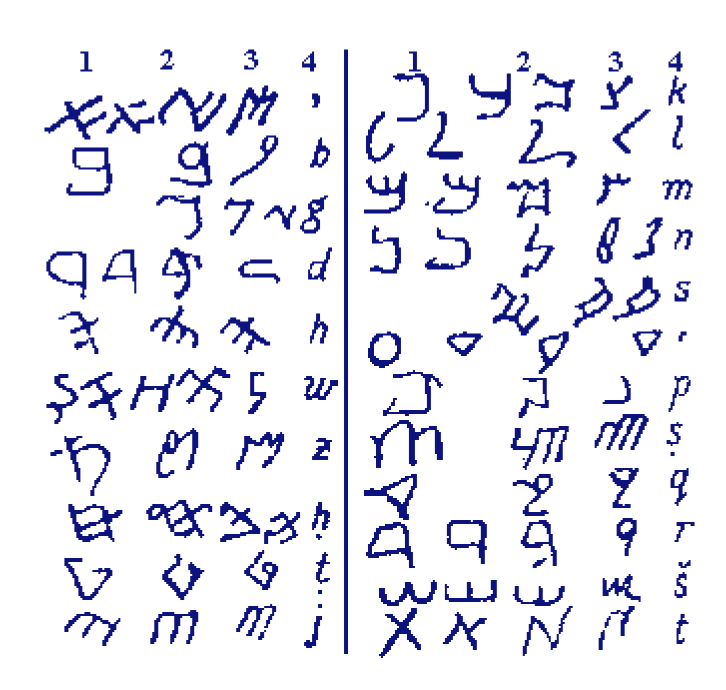
Что же касается буквы Щ, то у нее, как и у юсов, имеется внизу вертикальный штрих посередине. На мой взгляд, в алфавите "икс" существовал и слоговой знак ЩА, который выглядел так же, как и ША, то есть **Ш**. И лишь в славянских азбуках появился штрих, который в глаголице расплылся в петельку, а в кириллице был четко выписан, что и дало начертание **Щ**. Что же касается Георгиева, то его мнение таково: « *Буква* **Щ***представляет лигатуру Ш и Т, написанных вторая под первой»* [18]. — С этим предположением я согласиться не могу, ибо оно отражает лишь болгарский вариант произношения Щ как ШТ. В русском языке этот звук произносится иначе. Кроме того, добавление вертикального штриха у двух юсов, у Ъ и Щ создает определенную*систему графических отличий*, тогда как соединение с Т оказывается свойством лишь данной конкретной буквы Щ.

Далее следуют буквы Ч и Ц, весьма похожие друг на друга графически, ибо нынешнее начертание Ч являлось древним начертание Ц. Кроме того, в ряде русских так называемых "цокающих" говоров, например, в новогородском, вместо Ч часто произносят Ц, например, ЦЕГО ТЫ ХОЦЕШЬ, ЦЕЛОВЕЦЕ? Поскольку только одна из этих букв, "цы", называется одним слогом, я опять-таки полагаю, что в неком алфавите "икс" существовал единый знак для ЦЫ и ЧЕ, который мог произноситься и как ЦЫ, и как ЧЕ, и он совпадал с древним начертанием Ч в виде "рюмочки", **Ү**. А уж из него постепенно появились знаки и глаголицы, и кириллицы для обозначения Ц и Ч, причем нижний штрих постепенно смещался вправо. Георгиев же полагает, что « *буква Ц неоднократно объяснена как заимствование из самаритянского варианта еврейской буквы "цаде",* **Ү***. Близость этой буквы к кирилловской Ц становится чрезвычайно явной, когда обратим внимание на начертание этой буквы в Супрасльской рукописи, Саввиной книге, листах Ундольского и других среднеболгарских рукописях, в которых эта буква стоит в ряду»* [18].

Поскольку мы имеем вторую ссылку на самаритянский алфавит, не мешало бы с ним познакомиться поближе. Я заимствовал его из работы Йоганнеса Фридриха "История письма"[19]и разместил в две колонки. Под цифрами скрыты обозначения: 1 — надписи на камне 4-6 вв. н.э.; 2 — книжное письмо (рукописи библии); 3 — курсив; 4 — транскрипция. Здесь знаки Ш встречаются, в частности, и в виде **ꟺ**, что не ближе к Ш, чем **Ш**; с другой стороны, цаде как **ЧП** оказывается тоже достаточно далеко от Ц, ибо скорее похоже на лигатуру ЧП. Так что сказать, что самаритянские буквы ближе к кириллице, чем еврейское квадратное письмо, было бы большой натяжкой.

Георгиев тоже полагает, что « *буква Ч происходит от буквы Ц как ее видоизменение. В своих древних формах эти две буквы чрезвычайно схожи, отличаясь только тем, что отвесный столбик при Ц стоял на правом краю буквы, а при Ц — на середине ее основной черточки. Мы отмечали, что в Супрасльской рукописи и других Ц пишется целиком в ряд. Нужно было только переставить отвесный столбик буквы Ц в середину основной линии, чтобы получить Ч. Если обратим внимание на то, что еврейская буква цаде* **Ү***, послужившая основой для кирилловской буквы Ц,, одними евреями в средние века произносилась как Ц, а другими как Ч, приведенное объяснение о происхождении Ч*

выглядит весьма вероятным» [18]. — Разумеется, и с этой версией Георгиева я не согласен.

Самаритянский алфавит (по Й. Фридриху)

Георгиев добавляет: « *Расстояние букв Ц и Ч в кирилловской азбуке одна за другой указывает также на одинаковое происхождение, как и расстановка Б и В. Не будет лишним заметить, что греки передавали оба славянских звука Ц и Ч одним и тем же сочетанием букв, τζ »*[18]. — Я вполне согласен с единством происхождения этих букв, хотя объясняю его иначе, чем Георгиев.

Следующим шипящим звуком является Ж. Буква эта довольно необычна, и объяснить ее происхождение непросто, что отмечает и Георгиев. Он пишет: « *Объяснение буквы Ж несколько труднее. Соболевский предполагает, что Ж является видоизменением знака, который служил для передачи ДЗ*[20]*. Он думает, что этот знак был особенной формой греческой Ξ . Такая Ξ находится и в надписи. Она начертана в слове δξιωσ ε* [21]*. Излагая мнение Соболевского, Лавров пишет: Если же принять во внимание, что было Z с пересечением косой черточкой, кою указывает Гайтлер, ссылаясь на Амфилохия, тогда именно этот вариант наиболее бы годился для переделки в Ж; в нем давалось зачаточное Х, для которого дастаточно было добавить одну верхнюю черту, чтобы с опущением другой и появилось Ж*[22]*.*

Нельзя, конечно, исключить возможность, что эта буква представляет нововыдуманный знак, составленный из трех пересекающихся черточек — первый популярный, не трудный для написания первобытный знак (такой знак был у южных славян. Он употребляется как знак в бирках). Так пишется буква Ж, например, в Самуиловой надписи» [23]. — Затруднения Георгиева понятны. С одной стороны, буква Ж в греческом алфавите не встречается, а попытка вывести ее из Z перечеркнутого представляется большой натяжкой. Еще более странным является ее выведение из кси, поскольку эта буква не передает ни звук З, ни звук Ж. Наконец, нет ничего похожего и у семитов. И вот тут впервые Георгиев обращается к славянским народным знакам, находя там Ж.

Меня весьма впечатлило, что Гайтлер находит сходство между Х и Ж, считая последний знак разновидностью первого. Можно пойти дальше, и углядеть некий вертикальный штрих, отличающий один знак от другого, подобно отличию юса малого от А или Щ от Ш. Вместе с тем, впечатляет фонетическая близость З и Ж,

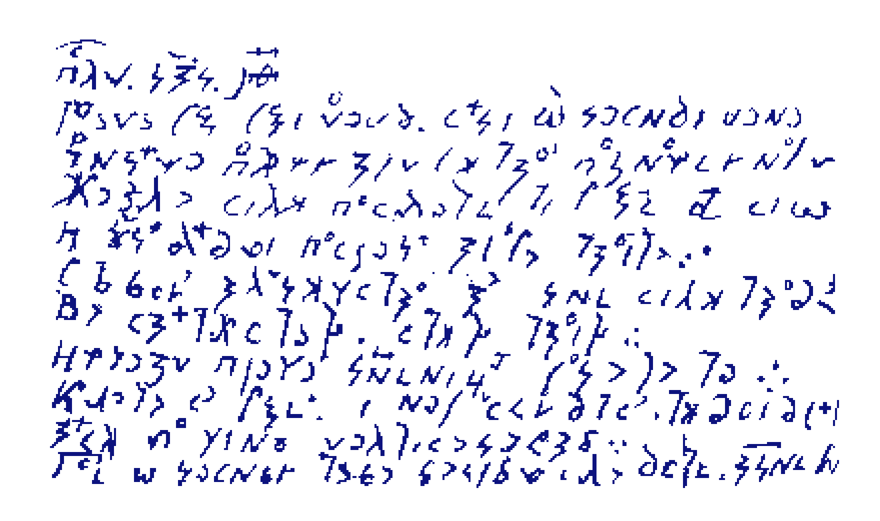
отмеченная исследователями. По аналогии со знаком Ш с названием ША можно предположить, что в неком алфавите "икс", разумеется, славянского происхождения, был знак ЗА в виде Х и ЖА в виде Ж. Они-то и вошли в кириллицу.

Так можно объяснить происхождение шипящих. Осталось объяснить существование двух отдельных букв, Б и зело. « *Славянский звук Б*, — пишет Е. Георгиев, — *не был совсем незнаком греческому языку. В известном положении, после* μ *, в греческом языке читалось Б, например,* $\lambda\alpha\mu\beta\alpha\nu\omega$ — *"ламбано",* $\kappa\varepsilon o\lambda\upsilon\,\mu\beta\omega$ — *"кеолумбо" и пр. Во всех остальных положениях греческая буква* β *читалась как в. Вследствие двойного произнесения буквы* β *болгарские славяне начинают передавать начертание В двумя знаками, и в, и б. С целью разграничить письменно два знака начинают с течением времени употреблять двойное начертание буквы В, которое находим в греческих рукописях эпохи: В и Б, первые знаки для одного звука, вторые для другого. Начертание Б встречаем, например, в Порфирьевской псалтыри, греческом памятнике 862 года (а Гардтхаузен находит букву Б в употребленииеще еще в 675 году*[24]*. Сходный случай графической дифференциации находим и в латинских буквах С и G, в новолатинских I и J, V и U, V и W»* [25]. — Таким образом, буква Б взята из древних греческих рукописей, и против такого предположения у меня никаких возражений нет.

Что касается буквы "зело", то Георгиев пишет о ней так: « *Начертание S передает греческие знаки для F* $\alpha\upsilon$ *и* $\beta\alpha\upsilon$ *. Двойники этой буквы в некоторых рукописях — с пересекающейся черточкой слева и справа или только справа — прдставляет, разумеется, видоизменение Z. Именно условно разграничены Z, чтобы отметить звук З, и тот же знак, с пересекающей его чертой, Ƶ, чтобы передать звук ДЗ. Двойники буквы Z с пересекающимися черточками встречаются нередко в греческих рукописях 8-9 веков, где являются разновидностями* Ξ *, а не* Z *»*[26]. — На мой взгляд, источником зело, как я уже говорил, была неучаствующая в письме греческая (а до того семитская) буква вау, применявшаяся прежде всего для передачи числовых отношений, а уж потом для тонкого различения З и ДЗ. В любом случае, источник этой буквы — греческий.

Итак, объяснены все 14 так называемых славянских букв кириллицы: под влиянием глаголицы и на основе греческих гласных появились буквы Ъ, Ь, Ы, ѣ, ѧ, Ю; на основе греческих согласных — Б и S, итого, 8 букв. Из "алфавита икс" появились буквы Ц,Ч, Ш, Щ, Ж и гласнаяѪ, то есть 6 букв. Остальные знаки кириллицы были чисто гречскими — 24 буквы, как это было рассмотрено в предыдущих разделах. Удалось также предположить, что в "алфавите икс" имелись только слоговые знаки для выражения РЕ — Ь, СУ — Ѫ, ША/ЩА — Ш, ЧА/ЦА — Y, ЗА — Х, ЖА — Ж. Иными словами, источников кириллицы было всего два, греческий алфавит и "алфавит икс", а не множество их, как предполагал целый ряд ученых. И, разумеется, человек, создавший эти 14 букв, должен был знать глаголицу, где, по сути дела, и была солздана первая славянская азбука, решая задачи славянской фонетики и названия полученных букв.

И все-таки, вопрос, поднятый болгарским академиком Иваном Гошевым, остался у нас пока без ответа: существовала ли протокириллица? Иными словами, существовал ли ряд текстов, выполненный шрифтом, включающим буквы как греческого, так и славянского происхождения? Думаю, что на этот вопрос можно уверенно ответить положительно, и полагать, что таких шрифтов было несколько. Другое дело, что об их существовании знает крайне узкий круг специалистов. Так, хорватский исследователь доктор Рачки в 1867 году опубликовал статью о нахождении в Ватиканской библиотеке рукописи со странным текстом, где многие так называемые славянские буквы выглядят иначе, чем современные, но все-таки присутствуют[27]:

Фрагмент Ватиканской рукописи

Рукопись[28]совсем не напоминает привычный текст кириллицы, хотя левая колонка содержит привычные знаки: П, Р, Ж, Р, С, В, Н, К, З, Г... Но это прописные... А строчные совершенно непонятны.

Впрочем, к счастью, существует и алфавит.

а б в г д е ж ѕ з н і к л м н о п р с т у х w ц ѱ ч ш щ ъ ь ы ѣ ѥ ю

Варианты

шп рн до ю по то ть

Протокирилловский алфавит Ватиканской рукописи

С его помощью можно прочитать верхнюю строчку: ПСЛА. ДВД., что можно понять как ПСАЛОМ ДАВИДА. Передавать его содержание нет смысла, а вот прокомментировать алфавит представляет немалый интерес. Буква А в варианте выглядит вверх ногами, а в основном алфавите уменьшается до галочки, оставшейся от перекладины греческой Α. Зато Б присутствует в полной славянской форме. Буква В потеряла свою мачту, у буквы Г крыша приобрела наклон, от Д осталась ее правая половина. Е развернута влево (как в глаголице) и потеряла среднюю перекладину. У буквы Ж нет нижних диагоналей, зато буквы S, З, Н, I передаются так, как в кириллице. У буквы К отсутствует мачта, чем она очень напоминает нордическую руну К. Вместо прописного Л дана строчная лямбда, от М осталась только верхняя перемычка, зато N, О, П — вполне кирилловские. Буква Р потеряла петельку, С — строчное, Т — удвоенное, но с потерей правой половины крыши (весьма напоминает Т глаголицы, тоже удвоенное), У — в виде привычной лигатуры по вертикали ОУ (где О внизу), Ф отсутствует, Х — в виде зигзага, ОТ и ПСИ — как строчные греческие, Ч и Ц (обратный порядок расположения) — как в ранней кириллице, Ш и Щ — разные варианты строчной буквы ФИ (можно принять за Ш и Щ, выполненные курсивом), Ъ и Ь — варианты буквы А, развернутые в разные стороны, Ы — сочетание Ъ и I, ЯТЬ — в виде +, йотованное Е — сочетание Е с диагональным I, Ю — сочетание I с соединительной линий, но без О. Отсутствуют ЮСЫ.

Так что данный алфавит действительно представляет собой кириллицу, но в упрощенном виде, где знаки потеряли часть своего тела. Такого рода алфавит не мог сложиться эволюционно, а представляет собой авторское изобретение. О его древности говорит отсутствие букв для передачи звука "ф", которого тогда еще не было в славянском, но он присутствовал в греческом, — нет ни ферта, ни фиты.

Нет также и юсов, что указывает на его принадлежность не для болгар. Буквы Ш и Щ даны в рукописном виде, где средняя и правая мачты слились в петельку. Данный алфавит интересен тем, что если глаголица представляет собой усложненный тип письма, то азбука Ватиканской рукописи, напротив, предельно упрощена и несколько приближена к виду рунического футарка.

Живко Петрович приводит и еще один любопытный фрагмент текста [29]:

Фрагмент текста на протокириллице

Хотя текст почти нечитаем, отдельные слова все же можно различить. Итак, пераое слово второй строки — видимо, ИАТО, то есть ЯТО, ВЗЯТО. Здесь Т изображено вверх ногами (что иногда наблюдается в добуквенном славянском письме), О напоминает латинское Д. Изображение Т вверх ногами мы находим и в других словах, что роднит его с "алфавитом икс" загадочных знаков, где Т иногда изображается так же. Впрочем, во второй строке видна недописанная буква Т обычного вида, а вслед за ней — и буква Т в виде гречаской строчной буквы тау. Это говорит о том, что правописание формы букв еще не устоялось. В третьей строке снизу мы видим кирилловскую букву Ж, но в 4 штриха, а не в привычные три, присутвующие в букве Ж в третьей строке сверху. Написано, вроде бы, ЖИВОДИ, причем буква Д в виде 4, тогда как прдыдущее слово имеет букву Д треугольную, как у греков. Так что налицо колебания в написании кк Ж, так и Д. Буква Л в ряде случаев напоминает греческую строчную лямбду, но в слова СЛАВА в третьей строке снизу развернуто в противоположную сторону и имеет одинаковый размер диагоналей. Буква П в нижней строке и строкой выше имеет три разных начертания, то с более короткой правой мачтой, как в древних греческих текстах, то в виде кирилловской буквы П с узкой крышей и равными мачтами, то в виде греческой строчной буквы пи с широкой крышей. Буква Е имеет три разных начертания, из них два непохожих в первой строке. Не менее двух вариантов имеет и буква О, то в виде латинской D, то в виде треугольника. Словом, данный пример показывает, что в протокириллице могли быть сильные колебания как в написании знаков греческого происхождения (где могли чередоваться греческие прописные со строчными), так в написании знаков славянского происхождения (разное число штрихов, замена похожим греческим знаком). Юсов не видно, зато в 3-й строке присутствуют ять и Ь.

В качестве еще одной протокирилловской азбуки можно считать граффито, найденное в 70-х годах 20-го века на стене Софийского собора Киева после расчистки штукатурки[30].

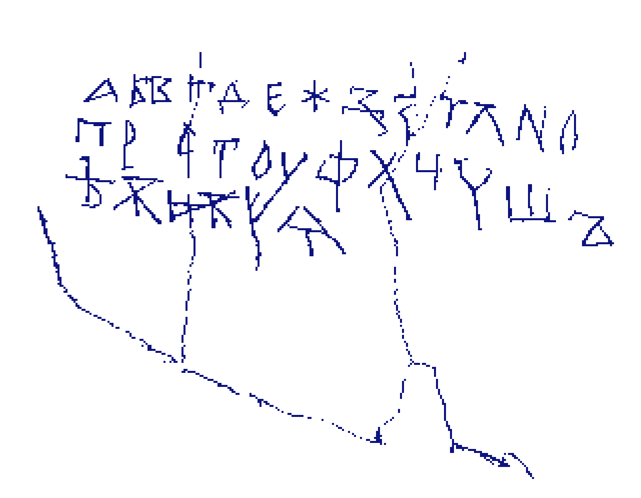

Протокириллица Софийского собора Киева

В ней оказалось 28 буквенных знаков: от буквы А со знаком Т над ней, до буквы ОМЕГА. А буква Ж помещена над азбукой. Буквы похожи на греческие и лишь четыре славянские: Б, Ж, Щ, Ш[31], причем в строке на втором месте — только Б, а Ш и Щ — после греческих букв. Над буквами Р и С там были тоже помещены какие-то знаки. Порядок букв греческий, фита стоит между буквами эта и йот. Словом, перед нами как бы начальный этап формирования кириллицы. Изображены только греческие прописные знаки, строчные отсутствуют, положение фиты еще греческое, а не славянское, буква Ж в строку не вставлена, отсутствуют Ц, Ч, еры и юсы. Зато нет колебаний по начертаниям букв.

Теперь, вероятно, можно свести воедино отличительные признаки протокириллицы. Прежде всего, это отсутствие юсов. Далее, — это наличие блока из букв Η , θ , Ι . Затем — возможный пропуск Ж, Ц, Ч или (слабый вариант), помещение Ц после Ч. И, наконец, наличие графического разброса в начертаниях букв: изображения вверх ногами и зеркально, сходство с буквами иных алфавитов (греческого строчного, глаголического, рунического).

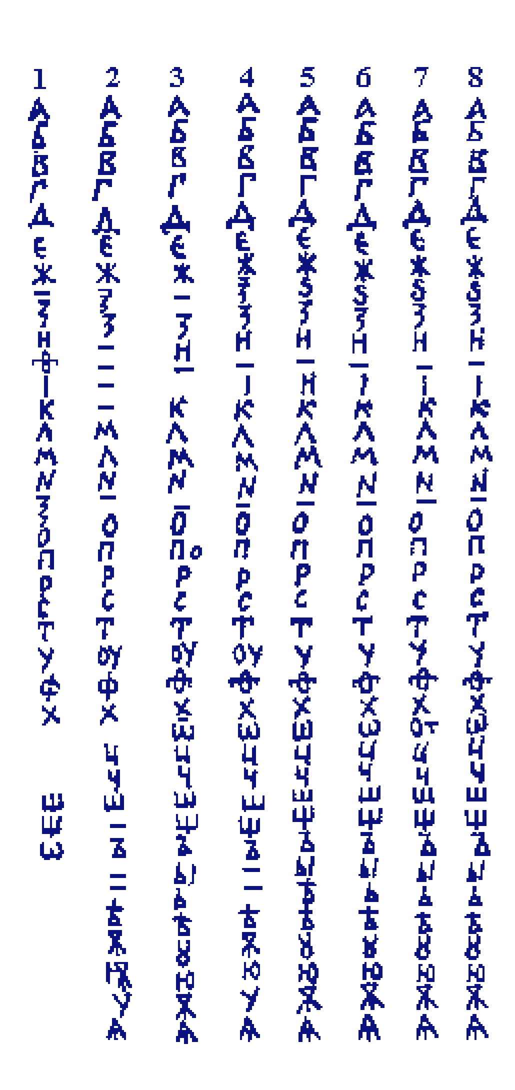
От *протокириллицы* следует отличать *раннюю кириллицу*. Здесь большая работа была проведена археологами, исследовавшими берестяные грамоты Новгорода, прежде всего В.Л. Яниным. Поводом для анализа стала находка берестяной грамоты № 591, содержащая самую раннюю из новгородских азбук, датируемую 11-м веком[32].

Фрагмент новгородской берестяной грамоты 591 с азбукой

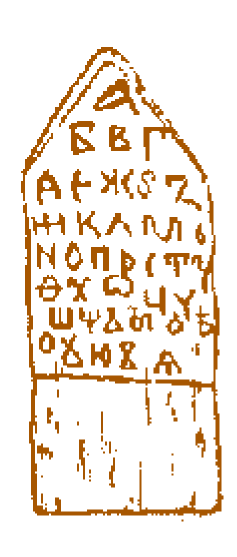
О самой грамоте В.Л. Янин пишет следующее: « *На сегодняшний день грамота 591 является древнейшим берестяным документом; до ее находки самые ранние грамоты на бересте относились о времени не ранее середины 11-го века. Весьма символично представляется то, что древнейший документ оказался азбукой»* [32]. — В большой статье, сопровождающей описание этой находки, В.Л. Янин дает сравнительный анализ ряда других азбук, сопоставив их как по числу букв, так и по начертаниям. Цифрами отмечены: 1 — Азбука Софии Киевской, 11-й век, 2, 4-7 — азбуки из Новгорода на грамотах № 591(№2, 11-й в.), 460 (№4, 12-й в.), 199 (№ 5, 13-й в.), 201 (№ 6,13-й в.), 205 (№ 7, 13-й в.), а также в

Минеи (№ 3, 11- в.) и на цере из Новгорода (№ 8, 14-й век). Вот как менялся порядок букв по векам:

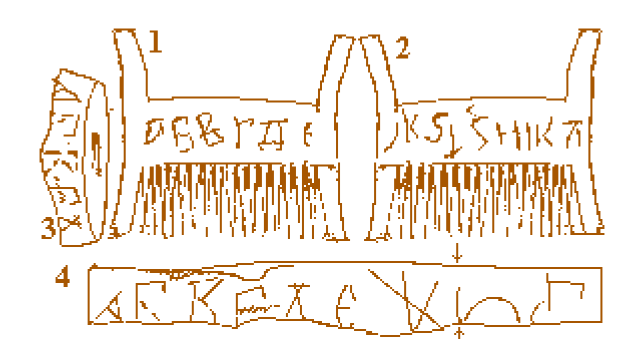
Сводная таблица азбук из Киева и Новгорода

Все азбуки из Новгорода обладают юсами, однако еры даны не все, может отсутствовать Ь (591, 460) или Ы (№ 460). Буквы Ц и Ч выдерживают порядок, который, однако, нарушается для У и юса большого. Вместо ферта может стоять фита (591). На основании рассмотрения этих грамот В.Л. Янин приходит к такому выводу: « *Думаю, что сумма этих новых источников позволяет с большой уверенностью высказаться в защиту того мнения, согласно которому кирилловское письмо формируется постепенно на основе греческого алфавита, а не имеет единовременного искусственного происхождения. Иными словами, версия об изобретении Кириллом не кириллицы, а глаголицы представляется весьма основательной. Новые материалы не отвечают на вопрос, пользовались ли славяне в докирилловское время для записи текстов своего языка греческой системой письма с минимальным добавлением оригинальных знаков, или же такая система сформировалась только в конце 9-го-начала 10-го вв. Однако они, несомненно, отрицают ранний этап ее существования, когда азбука еще не пополнилась иеми знаками, которые придали ей исчерпывающую завершенность»*[33]. — На мой взгляд, приведенные данные свидетельстую не о том, что Кирилл изобрел глаголицу, а о том, что он редактировал уже почти сложившуюся без него кириллицу. Впрочем, такой вывод у нас был и прежде, теперь его подтвердил В.Л. Янин.

Азбука на цере из Новгорода

Прежде, чем завершить раздел, рассмотрим еще три примера азбуки, но уже нанесенной на бытовые предметы. Мы упоминали церу, то есть навощенную дощечку, на которой ученики готовили свои уроки; теперь мы представляем ее изображение. Затем следует рисунок азбук на гребне и пряслице (грузике для прядения).

Азбуки на гребне и на пряслице

Прежде всего, почти половина азбуки была начертана на гребне12-13-го вв. из Берестья (нынешнего Бреста)[34]. Здесь весьма любопытна обратная сторона гребня, позиция 2 на рис., фрагмент азбуки на которой показан крупным планом. На нем видно, что между двумя буквами З, ЗЕЛО (S) и ЗЕМЛЯ (З), находится вертикальная черта, означающая вынос, и слитно с ней под линией строки располагается выносной знак в виде не очень аккуратного косого креста. На мой взгляд так изображен знак "загадочной" письменности.

Другой памятник письменности найден в Любече, районном центре Черниговской области в 1957 г.; «*в перекопе у западного угла замка найдено цилиндрическое шиферное пряслице с алфавитом, датируемым XIв. (Ф Б В Г Д Е Ж SЗ)*»[35], позиция 3 рисунка. На развертке боковой грани пряслица, позиция 4, видно, что после Ж имеются верхушки букв Sи З, однако у Sимеется совершенно несвойственный для этой буквы вертикальный штрих, отмеченный стрелочками сверху и снизу, который, как я полагаю, имеет ту же природу, что и на предыдущем примере, то есть представляет собой штрих вынесения. Если бы пряслице сохранилось целиком, можно было бы видеть сам подстрочный знак; сейчас можно лишь констатировать сам факт его существования, но не его форму. Тем самым можно подтвердить существование каких-то пояснений у буквы ЗЕЛО.

Рассмотренные примеры наталкивают на вывод, что после греческой буквы Е, но перед Н вставлялась буква З, которая на русской почве имела два написания и два значения: мягкое З, то есть ЗЬ (ЗЕМЛЯ), и твердое З (ЗЕЛО, S, ЗЪ), соответствующее мягкому звуку ДЗЬ других славянских народов. Именно в этом месте, но над строкой в Софийской азбуке Киева начертан знак Ж. Следовательно, здесь речь идет о каком-то пояснении буквы ЗЕЛО, что тоже можно отнести к проявлениям ранней кириллицы.

Таким образом, приведенные примеры протокириллицы и ранней кириллицы свидетельствуют о том, что кириллица не была изобретена в один момент, а слагалась достаточно долго. Можно даже установить некоторые этапы ее становления. Вначале она, взяв за основу греческий алфавит (без ЗЕЛО, йота и ферта), пополнилась знаками Б, Ш и Щ, но колебалась в начертании самих букв между греческими прописными, строчными и иногда курсивными. Затем в нее вошли из греческих йот, фита (ее место вариировалось) и зело (последняя буква иногда пояснялась), а из славянских — Ж, Ц, Ч (инога Ц и Ч менялись местами) ,и еры (вместе с ЯТЬЮ), где порядок их перечисления был не строгим, причем Ы включало в себя Ъ, а не Ь. На этом закончился этап протокириллицы, и святой Кирилл получил возможность ее радактирования, то есть приписывания числовых значений и создания образца начертаний и порядка следования букв. Само редактирование можно выделить как третий, весьма специфический этап ее развития. На четвертом этапе добавились юсы, причем юс большой иногда чередовался с ижицей или уком. На пятом этапе появляется йотация у Е, А и юсов, причем порядок их следования не очень строгий. С шестого этапа начался процесс распада кириллицы и ее перехода в гражданский шрифт.

Получается, что кириллица изменялась где-то с 7-8 по 13-14-й век, и это при том, что перед ней уже стоял готовый образец славянской азбуки в виде глаголицы!

Литература

1. Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. М., 1998, с. 109
2. Гошев Иван. Развитие на негръцките кирилометодиевски буквени знаци в так наречена кирилица // Хиляда и сто години славянска писменост, 863-1963. Сборник в чест на Кирил и Методий, София, 1963, с. 275, 276, 279
3. Там же, с. 279-282
4. Медынцева А., Попконстантинов К. Надписи из Круглой церкви в Преславе. София, 1984, с. 80
5. Там же, с. 84
6. Nedeljkovic O. Poluglasovi v staroslovenskim epigrafskim spomenicima // Slovo, 17, Zagreb, 1967, s. 5-36
7. Медынцева А., Попконстантинов К. Надписи из Круглой церкви..., с. 95
8. Георгиев Емил. Происходът на кирилицата // Просвети, 1936, с. 1182-1187
9. Георгиев Емил, доктор. Началото на славянската песменост в България. Старобългарските азбуки. София, 1942
10. Георгиев Емил, проф., доктор. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия.
11. Vondrak V. Frisinske pomatky, jich vznik a vyznam v slovanskim pisrmnictvi v Praze, 1896
12. Георгиев Емил, проф., доктор. Славянская письменность..., с. 17
13. Лавров П.А. Палеографическое обозрение кирилловского письма // Энциклопедия славянской филологии, вып. 4, 1, Пг, 1914, с. 12
14. Geitler L. Die albanischen und slavischen Schriften. Wien, 1883
15. Георгиев Емил, проф., доктор. Славянская письменность..., с. 18
16. Там же, с. 19
17. Там же, с. 20
18. Там же, с. 21
19. Фридрих Йоганнес. История письма. Перевод с немецкого. Издание 2. М., 2001, с. 295, рис. 112
20. Соболевский А. Кириллица и глаголица. Богословская энциклопедия, том X, колонка 213
21. Wattenbach. Anleitung zur griechischen Palaeographie. Leipzig, 1895, S. 92
22. Лавров П.А. Палеографическое обозрение кирилловского письма..., с. 9
23. Георгиев Емил, проф., доктор. Славянская письменность..., с. 19-20
24. Gardthausen. Griechische Palaeographie. Leipzig, 1913, Tafel 1

25. Георгиев Емил, проф., доктор. Славянская письменность..., с. 17
26. Там же, с. 20
27. Racki F. Redko slovensko pismo v Vatikanskom rukopisu // Rad jugoslav. Akadem., књ. II, Zagreb, 1867
28. Петровић Живко Д., професор. Неки преисториски цртежи и најстарија писмена. Београд, 1934, с. 23, рис. 42
29. Там же, с. 20, рис. 37
30. Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI-XII вв.). Киев, 1976, с. 268-269
31. Там же, с. 118-119
32. Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977-1983 гг. М., 1986, с. 53
33. Там же, с. 55
34. Лысенко П.Ф. Раскопки древнего Берестья // Археологические открытия, 1970. М., 1971, с. 315
35. Рыбаков Б.А. Раскопки в Любече в 1957 г. // КСИИМК, вып. 79, 1960, с. 32, рис. 14

Тайна возникновения глаголицы

Теперь, когда стало ясным, как возникла кириллица, можно перейти к решению гораздо более сложной проблемы, касающейся возникновения глаголицы. Сама глаголица, до того мало известная славянам, с конца 18-го века стала привлекать повышенное внимание исследователей. Она была не только второй славянской азбукой, на которой сначала писали, а потом печатали в типографиях книги южных славян, но и крайне необычно выглядела, из-за чего возникло множество загадок с ее происхождением. Так что уже с конца 18-го века появлялись гипотезы возникновения глаголицы. Мы рассмотрим некоторые из них, чтобы понять, в каком направлении работала мысль ученых, а затем попробуем привлечь наиболее компетентное мнение.

Начнем с рассмотрения истории ее исследования, изложенной Я.Б Шницером. « *Глаголица состоит из 40 знаков с такими замысловатыми, причудливыми и своеобразными формами, что при поверхностном взгляде очень трудно найти какое-либо сходство с другими алфавитами. Это обстоятельство и подало повод к оживленным спорам по вопросу о том, что именно послужило образцом для изобретателя глаголицы. Некоторые полагали (Антон)*[1]*, что глаголица заключает в себе первобытные славянские письмена, так называемые* ***руны****, то есть те символические знаки иизображения, которые существовали у славян в дохристианскую эпоху и служили для обозначения не отдельных звуков, а целых понятий, как-то времен года, месяцев, явлений природы, божеств и прочих»* [2]. — Очень интересный пассаж. Чех Антон вместе с чехом Лингардтом полагал, что славяне еще в 4-м веке н.э. писали *рунами*, которые, однако, были не буквами, а знаками, которые могли изображать целые понятия. И глаголица появилась в качестве их буквенного продолжения уже в 5-6-м веках[3].

Говорят, что первое впечатление чаще всего оказывается верным. Сейчас, после десятилетнего исследования загадок славянской письменности, я прихожу к тем же выводам. Конечно, в 18-м веке еще трудно было представить себе, сколь разнообразной может быть эта исходная письменность; но для меня важно то, что 1) до кириллицы и глаголицы у славян существовала своя система письма; 2) знаки этой системы назывались *рунами*; 3) руны не были буквенными знаками, но могли обозначать несколько звуков или даже целые слова (понятия).

Продолжу цитирование — « *Всеволод Миллер*[4]*,однако, посмотрел на это совершенно иначе. По его мнению, в замысловатой форме глаголицы надо видеть не руническую систему древних славян, а признак личного творчества, почему и приписывает изобретение этой азбуки святому Кириллу»* [5]. — Я не вижу тут противоречия. Глаголица является письмом буквенным, а не слоговым или иероглифическим, поэтому можно сказать, что она изобретена кем-то *на основе* славянских рун, но вовсе не представляет собой сами эти руны. Что же касается Кирилла, то вряд ли он был изобретателем глаголицы, хотя бы потому, что она принадлежит и совсем другой культуре, и совсем другой эпохе.

« *Другие, напротив, считали глаголицу не изобретением в собственном смысле этого слова, а только неудачной переделкой из какого-либо другого алфавита, а потому старались находить сходство между нею и некоторыми алфавитами. Гануш*[6]*, например, старался доказать сходство некоторых букв с германскими рунами; Шафарик*[7]*указывал на сходство некоторых начертаний с письменами восточными (сирийскими, пальмирскими и др.); Миллер*[4]*— с письменами персидскими (времен Сассанидов), Григорович*[8]*выводил глаголицу из арабского письма, Гайтлер*[9]*, наконец, доказывал, что глаголический алфавит является видоизменением албанского письма и т.д.»* [5]. — Я полагаю, что такое беглое перечисление не позволяет выявить массу интересных догадок, высказанных упомянутыми исследователями; скорее всего, названные работы после упоминания их основной идеи складывались последующими учеными в некий интеллектуальный архив, из которого они больше уже не извлекались. А жаль! Например, Гануш сопоставлял глаголицу не столько с рунами германцев, сколько с рунами славян, но эта «деталь» была упущена, и собственное славянское наследие, уже опубликованное в работе этого автора, прошло мимо историков славянской письменности!

« *Но все эти попытки ученых отыскать прототипы глаголических букв в письменах гародов, чуждых славянам и не имевших с последними никаких сношений, потеряли, нам кажется, всякий смыслс тех пор, как знаменитый ученый Исаак Тэйлор*[10]*выступил в науке с совершенно новой, но очень простой и удачной теорией происхождения глаголицы. По мнению Тэйлора, источник глаголицы следует искать не в письменах таких отдаленных народов, как персы, арабы, сирийцы и другие, а в письме народа, с которым славяне находились в соседстве и близких сношениях, а таким народом, несомненно, являлись прежде всего греки. В обиходном, так называемом курсивном письме греков 8 и 9 вв. Тэйлор и указал источник глаголицы»* [5]. — Основная мысль Тэйлора понятна и до определенной степени приемлема. Если кириллица из 38 букв включает 32 греческих или славянских на основе греческих, то почему бы не предположить то же самое и в отношении глаголицы? Если глаголица была создана за несколько веков до кириллицы как профанное письмо, она и не должна была ориентироваться на греческий устав; как раз греческая *скоропись* и подходила ей в большей степени. Но главное достоинство, конечно же, в другом: признав глаголицу другим продуктом греческой письменности, слависты, во-первых, получали мощную поддержку православной церкви, ведущей свое начало тоже из грекоязычной Византии; кроме того, теперь становилось не столь принципиальным, какую именно азбуку создал святой Кирилл, ибо получалось, что глаголица наследует ту же самую греческую культуру, только в чуть ином аспекте. Это оказывалось чрезвычайно *удобным*; поэтому вопросы научной истины можно было отодвинуть на второй план.

Я допускаю, что часть букв могла иметь греческий источник, но в концепции Тэйлора меня как раз сдерживает его на редкость удачная позиция, удовлетворяющая, так сказать, социальному заказу: глаголица создана на базе греческого письма! Но удобство — не главное возражение; этот аргумент лишь возбуждает сомнение. Глаголица создавалась, как было показано выше, не для

православных, а для христиан-католиков, вовсе не ориентировавшихся на Византию; для них греческая первооснова будет играть скорее отрицательную, нежели положительную роль. Они были бы рады усмотреть в глаголице латинскую первооснову.

Далее, очень смущает то, что основой для письменности был выбран не парадный, уставной, а весьма затрапезный, обыденный, скорописный шрифт. У греков все заглавные (прописные) буквы, которые высекались на камне, носят строгий и величественный характер; напротив, их строчные буквы уже являются рукописными и читаются с гораздо большим напряжением. Было бы странным, если бы какой-либо негреческий народ взял за основу такие сложные знаки. Но если пойти еще дальше, и от строчных перейти к скорописным буквам, то найти логическое объяснение становится вообще едва ли возможным. Конечно, существует социальная периферия и в графике: есть письмо детское, где дети путают разворот букв и пишут их не в ту сторону; есть письмо людей с тремором руки, когда вместо прямых штрихов идут дрожащие линии; существует и неразборчивая скоропись врачей, где одна буква похожа на другую, и где различаются не столько сами буквы, сколько их количество и некоторые наиболее яркие знаки, дающие возмлжность хоть как-то опознать слово. Именно сюда и относится бытовая скоропись. — Кроме того, можно почти наверняка утверждать, что количество скорописных вариантов изображения одной и той же буквы оказывается не менее десятка, так что среди них всегда можно сделать выборку и найти знак, весьма похожий на тот, что нам нужен. Так что к скорописи как источнику заимствования я отношусь весьма настороженно.

Но есть и еще одно обстоятельство: как возникли названия славянских букв? Ведь они вовсе не похожи на греческие названия, а возникли они вместе с глаголицей! Более того, как объяснить продуманность отражения в алфавите славянской фонетики? Ведь если составлял человек, берущий за основу обыденный уровень греческого языка и письма, то вряд ли бы он смог справиться с решением проблемы создания букв для особых славянских звуков; напротив, если бы это был выдающийся филолог, он вряд ли бы польстился на такой нестрогий вид письма, как скоропись. Все эти вопросы оказались забытыми исследователями глаголицы.

К сожалению, историки письма восприняли предложение Тэйлора на-ура; это видно по восторженному тону Шницера: « *И действительно, всматриваясь в буквы глаголической азбуки и сравнивая их с соответствующими буквами греческого курсивного алфавита 8 и 9-го веков, нетрудно убедиться, что форма некоторых букв одной системы сильно напоминает или даже совершенно походит на форму другой системы. Например, буква глаголицы (г) вполне соответствует по форме греческой курсивной (гамма), буква (д) — греческой курсивной (дельта), буква (п) — греeской (пи), буква (е) есть обращенная в другую сторону греческая (эпсилон), буква (р) — перевернутая греческая и т.д. Если же между буквами глаголицы и попадаются нередко такие, которые не имеют наглядного сходства с соответствующими буквами греческого алфавита, то это в большинстве случаев зависит от присущих этим буквам начертательных украшений в виде различного рода добавочных черточек, кружков и завитушек, которые до того изменили их форму, что в некоторых случаях даже трудно определить их основную фигуру. Сравним для примера глаголическую букву (л) с греческой курсивной (лямбда), глаголическую (м) с греческой (мю), глаголическую (о) с греческой курсивной буквой (омикрон) и т.д.*» [11]. — Действительно, некоторые буквы глаголицы напоминают греческие, например, г — гамму, а л — лямбду, но уже д имеет на одну петельку больше, чем дельта, п довольно далека от пи, отличаясь

несколькими деталями, е и р развернуты не так, как эпсилон и ро; достаточно отличается и м от мю.

Происхождение глаголицы по Тэйлору

На рисунке показаны скорописные буквы греческого алфавита в сопоставлении с глаголицей. Слева приведены значения букв, правее расположены знаки хорватской глаголицы (которую Тэйлор считал позднейшей), затем буквы болгарской глаголицы и, в самой правой колонке, — буквы греческого курсива. Легко видеть, что на этой таблице буквальных совпадений гораздо меньше, чем в пояснениях Шницера. Так, «а» в виде «+» и альфа как А пишутся различно; вместо «в» в греческом курсиве приводится ипсилон, вместо «ж» — сочетание «тс», которое его не передает и т.д. Короче говоря, при ближайшем рассмотрении видны лишь весьма относительные графические совпадения, по большей части не соответствующие звукам глаголицы. Я бы назвал этот рисунок «таблицей случайных совпадений» некоторых рукописных вариантов букв глаголицы и греческого курсива, причем, повторяю, совпадений весьма относительных.

Тем не менее, слависты были воодушевлены, поскольку, как им казалось, решаются все тайны происхождения глаголицы. Шницер даже задает, казалось бы, очень сложный вопрос, и не скрывает свою радость по поводу того, что ответ получается отличным: « *Но как объяснить происхождение букв чисто славянских, для которых, как известно, в греческом алфавите не было и нет соответствующих букв? Например, как объяснить происхождение букв ж, ч, ш, щ, ъ, ь и т.д.? До Тэйлора большинство ученых было того мнения, что эти славянские буквы частью были придуманы самим составителем славянской азбуки, частью же заимствованы из других алфавитов; например, буквы ш и ч выводили из еврейских шин и цаде, с которыми, заметим, эти славянские буквы действительно имеют значительное сходство. Но Тэйлор показал, что для объяснения и этих славянских букв вовсе нет необходимости обращаться к такой отдаленной азбуке, как еврейская, или какой-нибудь другой ей подобной, а надо иметь в виду опять-таки одну только греческую письменность. Дело в томи, что, благодаря постоянным сношениям с соседними славянами, грекам, начиная с 6-го века, очень часто приходилось писать в своих бумагах славянские*

имена, а также названия городов и селений греческими буквами. При этом, конечно, приходилось нередко воспроизводить на письме и такие славянские звуки, которых не имелось в греческом алфавите, например, ж,ч, ш, щ, и др. В большинстве случаев, как это можно судить по некоторым документам, дошедшим до нас, эти звуки выражались посредством сочетания двух и более греческих букв. Например, звук «ш» выражался последством комбинации $\sigma\ \sigma$, звук «ц» посредством $\sigma\ \tau$ и т.д. Впоследствии, с развитием у греков скорописи, каждая из таких комбинаций писалась слитно, и таким образом с течением времени оюбразовался в греческом письме целый ряд сложных знаков, так называемых лигатур, из которых Тэйлор и выводит те начертания глаголической азбуки, которые были прибавлены к греческому алфавиту для выражения звуков чисто славянских. Например, букву «ш» Тэйлор выводит из комбинации $\sigma\ \sigma$, которая, будучи написана слитно, действительно дает по форме весьма близкое и очень удобное объяснение этой буквы; букву «ч» он выводит из лигатуры $\tau\ \sigma\ \sigma$, букву «ц» — из лигатуры $\sigma\ \tau$ и т.д.» [12]. — Хотя я по-прежнему не считаю греческие буквы источником глаголицы (но полностью разделяю эту точку зрения в отношении кириллицы), я высоко ценю мысль о том, что многие буквы, особенно присущие только славянским языкам, могли произойти из лигатур. Если предыдущие исследователи на этот аспект обращали недостаточно внимания, то у Тэйлора эта мысль выражена веесьма выпукло.

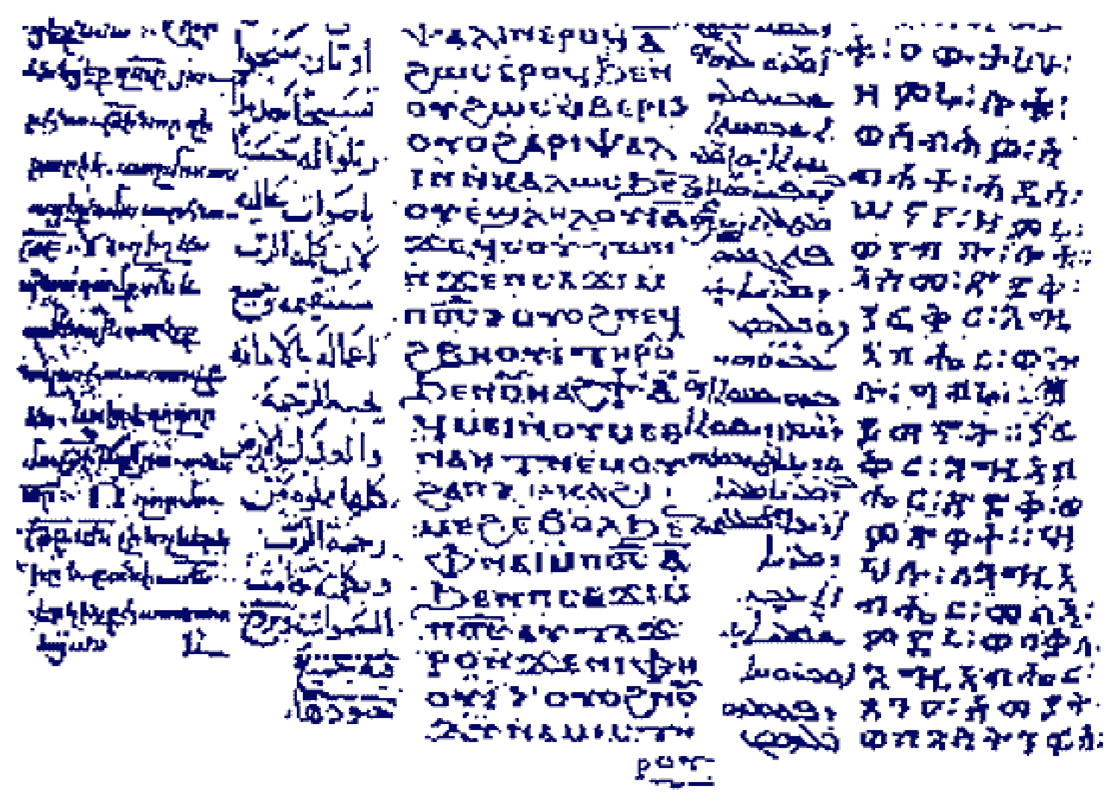
Дальнейшее развитие теория Тэйлора получила в работе академика И.В. Ягича [13], а также в брошюре профессора Казанского университета Д.Ф. Беляева [14]. Эти исследователи вполне согласились с Тэйлором в общей мысли, но немного подредактировали некоторые подробности.

Названия	Глаголица	Тэйлор	Ягич	Беляев	Названия	Глаголица	Тэйлор	Ягич	Беляев
Буки	[illegible]	[illegible] = β	[illegible] β	По Тэйлору	Цы	[illegible]	[illegible] = [illegible]	[illegible]	TZ
Веди	[illegible]	[illegible]	β	По Ягичу	Ер	[illegible]	[illegible] = [illegible]	[illegible] + [illegible]	по Ягичу
Живете	[illegible]	[illegible] = TS	[illegible]	Z	Ерь	[illegible]	[illegible] + [illegible]	[illegible] + [illegible]	
Зело	[illegible]	[illegible] = [illegible]	[illegible]	F, S	Ю	[illegible]	υ + ο	ι + ο	
Земля	[illegible]	[illegible] = [illegible]	θ	z	Юсы	[illegible]	[illegible] = [illegible] + [illegible]	[illegible]	по Тэйлору
Иже	[illegible]	[illegible] = η	ι	по Ягичу		[illegible]	[illegible] + [illegible]	[illegible] + [illegible]	
И	[illegible]	[illegible] = [illegible]	η			[illegible]	ο + [illegible]	[illegible] + [illegible]	

Изменения, внесенные в теорию Тэйлора Ягичем и Беляевым

« *Но если в основу глаголицы действительно легла греческая азбука*, — резонно спрашивает Шницер, — *то возникает вопрос, зачем это было составителю ее искажать и переделывать начертания ее букв. Не прще ли было ему прямо позаимствовать все нужные для его азбуки буквы и оставить их в то же виде, в каком они представлялись в греческом алфавите. В объяснение этого, могут, по-нашему, существовать два различных предположения. Во-первых, можно думать, что устроителю славянской азбуки слишком ничтожной показалась роль протого заимствования греческого алфавита для применения его к славянской речи. Ему хотелось доказать свою находчивость, и с этой целью он преднамеренно изменил до неузнаваемости начертания греческих букв, чтобы таким образом стяжать себе славу изобретения новых, никому еще до него неизвестных знаков. В пользу такого объяснения, по-видимому, говорит даже несколько фактов. Так, в глаголице существует несколько букв, в начертании которых ясно проглядывает желание изобретателя замаскировать и скрыть их греческое происхождение. В одних, например, случаях бросается в*

глаза желание изобретателя видоизменить форму греческих букв прибавлением кружочков (буквы г, д, л, м, п и др.), в других — обращением буквы в другую сторону (буква е), в третьих — даже писание вверх ногами (буква р) и т.д. Но мождет существовать и другое объяснение, именно, что изобретатель, будучи хорошо знаком с греческим алфавитом, хотел лишь воспользоваться звуковым его принципом, но при составлении своей азбуки никак не мог отрешиться от неотступного влияния самих начертаний, которое и прогладывает в глаголице в виде большего или меньшего сходства отдельных ее букв с соответствующимим буквами греческого алфавита. Во всяком случае несомненно то, что составитель глаголицы все свои старания прилагал к тому, чтобы казаться оригинальным, и этим, конечно, он создал для науки те затруднения, которые она встречала всякий раз, когда доискивалась прототипов глаголических букв» [15]. — Я придерживаюсь противоположного мнения, а именно, что создатель глаголицы совершенно не стремился к сложным начертаниям, которые возникли в процессе эволюции этой азбуки; что же касается некоторого сходства в начертаниях отдельных букв у глаголицы и у греческой азбуки, то оно совсем не больше, чем у глаголицы и других алфавитов.

Библия 14-го века на 5 языках

В качестве примера можно привести изображение Библии 14-го века на языках народов, исповедующих монофизитство: армянском, арабском, коптском, сирийском и эфиопском. Каждая из этих письменностей содержит знаки, напоминающие буквы глаголицы, только в одном алфавите это будут одни, а в другом — другие. Так, известный филолог Г.М. Прохоров обосновал связь (в чисто графическом плане) между буквами глаголицы и знаками других систем письма. Так, глаголический аз, ✝, выглядит точно так же, как эфиопский слоговой знак ТА или коптский ТИ, ТЗИ, а также как грузинская буква «кан»; глаголическая буква буки Ш напоминает ему самаритянскую букву мем Ш, а глаголическая буква иже Ѫ чем-то похожа на эфиопский слог МА መ [16]. Что же из этого? А ровным счетом ничего! Сказать, что глаголица возникла из армянского, грузинского или эфиопского алфавита (в последнем случае — силлабария, ибо в эфиопском языке принята

слоговая письменность) невозможно. Вместе с тем, данные примеры небесполезны, поскольку даже сложные начертания букв глаголицы возможны в каких-то других алфавитах.

В конце 40-х-начале 50-х гг. 20-го века независимо друг от друга Г. Чернохвостов в Финляндии и Е. Георгиев в Болгарии пришли к выводу о том, что глаголица не возникла эволюционным путем, а была продуктом деятельности одного человека, исповедующего христианство. С их точки зрения, в основу большинства ее букв положены три основных символа христианской религии: крест, символ Христа (такова буква аз), треугольник, символ Троицы, и круг, символ бесконечности и всемогущества Бога Отца. И действительно, таковы в болгарской глаголице буквы И и С. Однако хорватская глаголица, за исключением буквы омега, не имеет кругов и в принципе не знает треугольников, да и аз в виде Ⰰ мало похож на крест. Так что основание для гипотезы выбрано не очень крепкое. Тем не менее, Г.М. Прохоров продолжил эту версию и предположил, что глаголица была создана для болгар в 7-м веке миссионерами-монофизитами, ибо графика глаголицы очень напоминает как раз восточные типы письма.

Взгляд Г.М. Прохорова интересен тем, что этот ученый удревняет создание глаголицы по сравнению с современной точкой зрения на 2 века и, кроме того, показывает, что внешнее оформление славянского шрифта вполне соответствовало шрифтам восточных христиан-монофизитов. Это то, что можно было бы назвать *стилизацией*. Современное русское гражданское письмо можно стилизовать по-разному: написать строго, СТИЛИЗАЦИЯ, или начертать кирилловским шрифтом, **СТИЛИЗАЦИЯ**, или то же самое стилизовать под глаголицу, СТИЛИЗАЦИЯ ,или под арабский шрифт, стилизация ,или под китайские иероглифы, СТИЛИЗАЦИЯ, или под письмо грузин, стилизация, или под письмо индийцев, СТИЛИЗАЦИЯ и под любые другие начертания. При всем том основные параметры букв, их характерный облик, остаются неизменными. Следовательно, болгарская глаголица была стилизована под восточные письмена, тогда как хорватская — под готический шрифт сочинений на латинском языке. Стилизация — это внешнее оформление шрифта, его сближение с каким-то другим шрифтом в области деталей.

Однако неужели нельзя провести исследование глаголицы не по завиткам, кружочкам и треугольничкам, а по основным параметрам ее букв? И при этом еще попытаться понять значение наименований каждой буквы? Неужели никто из ученых не брал на себя такой труд? — Почему же никто? Такой исследователь существовал, и мы уже мимоходом упоминали его имя. Это — Игнаций Гануш. Интересно, что на него ссылаются очень многие ученые как на нечто само собой разумеющееся, но почти нигде его не цитируют. У меня возникло впечатление, что его в действительности мало кто читал, хотя его название было у всех на устах. Я имею в виду работу известного чешского слависта «К вопросу о рунах у славян», напечатанную в 1857 году в журнале «Архив исторического австрийского источниковедения» на немецком языке. Поскольку там речь идет о глаголице, а это произведение на русский язык не переводилось, я хотел бы пересказать наиболее важные его положения.

В 19-м веке работы любили называть пышно, и данная статья тоже не избежала подобной участи. Называется она так: « *К вопросу о рунах у славян с особым обзором рунических древностей ободритов, а также глаголицы и кириллицы. В качестве вклада в сравнительную германско-славянскую археологию, соданниедоктора Игнаца Й. Гануша, действительного члена и библиотекаря Императорского Чешского Научного общества в Праге»* [6].

Прежде всго идет объяснение названия глаголицы. « *Глаголица — как* ***звукопись****, в отличие от* ***картинописи****; так объясняет и Добровский»* [17]. Под звукописью или фонографией тут понимается запись каждого отдельного звука, то

есть буквенное письмо; под картинописью или пиктографией — письмо рисунчатое. Правда, я не полагаю, что до глаголицы у славян существовала пиктография; более того, я точно знаю, что до буквенной письменности у славян существовала письменность слоговая, поэтому действительно глаголица названа для отличия ее от предшествующего письма, но только оно носило иной характер, не пиктографический. Впрочем, в 19-м веке этого еще не знали. Что же касается Иосифа Добровского, (1753-1829), то он был известным чешским языковедом, основателем сравнительной славистики, автором первой чешской научной грамматики (1809), автором сравнительно-исторической грамматики славянского языка (1822). — Гануш предлагает и другое объяснение имени глаголицы. « *Может быть, что, согласно мессе,* ***поющие*** *(читающие) далматинские священники и называются «глаголиты», как и их письмена (кгиги), из которых они читали. Слово «глаголаш» еще и теперь в Далмации служит обозначанием славянской литургии, однако слова «глагол» и «глаголати» уже чужды сегодняшним сербо-славянским диалектам»* [17]. — Как видим, Гануш приводит очень интересное свидетельство того, что глаголица предназначалась для проведения славянской литургии, причем, разумеется, литургии по католическому канону. — Как мы увидим ниже, слоговое славянское письмо для этих целей не годится, но не по причине своего слогового характера, а из-за многочисленных лигатур, которые требуют большого времени на их разгадывание, тогда как во время службы читать или петь требуется довольно быстро, с такой же скоростью, как и выученный наизусть текст.

У глаголицы есть и другое имя — буквица, которое «*по возрасту превосходит все другие названия алфавитов*», и оно связывается с представлением «*о глаголической букве, о буке, о буковой черте*»[17]. Правда, вырезать закругления болгарской глаголице на таком хрупком и твердом дереве, как бук, совершенно невозможно; так что я полагаю, что шрифт для дерева представлял собой хорватскую глаголицу. « *Чем старше глаголица, тем благороднее ее черты; чем она моложе, тем короче, непонятнее, запутаннее, неразделимее, ниже»* [17]. Из этого тоже как будто следует, что глаголица прежде развивалась у хорватов как письмо для дощечек, а потом, перекочевав на пергамен и бумагу у болгар, стало закругленным.

Теперь перейдем к рассмотрению мнения Гануша о каждой конкретной букве глаголической азбуке. Это интересно прежде всего потому, что данный исследователь обощает огромный эмпирический материал, в наши дни недоступный русскоязычному читателю.

Глаголическую букву «а» Гануш передает как †, а также как Ⰰ и Ⰰ, но подлинной или простой формой считает Ⰰ или Ⰰ. Она напоминает северную, то есть германскую руну ᛆ с тем же смыслом, которая имеет также вид ᚨ, но иногда появляется в удвоенной форме ‡. Существует также руна «а» ободритов в виде ᛅ или ᛅ. В рунических алфавитах (футарках) она называется о s«,ясень», что восходит к слову ans, as со значением «бог». Миклошич пишет ее славянское произношение как azъ, Шафарик как az, в греческом реестре она — α ζ. Поскольку azъ в славянском языке означает «я», « *остается сомнительным, были ли название и сам знак исконно славянскими, или azъ возник не из о s, а из ans, as (бог)»* [18]. — Честно говоря, прежде мне не приходилось встречать понимание «аз» как «бог»; однако, глядя на глаголическое изображение этой буквы в виде католического креста †, я вполне могу согласиться с этой трактовкой, и даже нахожу ее весьма оригинальной, поскольку составитель глаголицы четко выразил свою конфессиональную принадлежность. Это еще раз подчеркивает, что глаголица тоже возникла как письменность христианского богослужения. С другой стороны, я не нахожу большого сходства между кириллическими и германскими руническими знаками в изображении звука «а», кроме, разве что знака ᛆ.

Глаголическая буква «буки», по Ганушу, имеет варианты или и напоминает руну ободритов или , хотя чаще эта руна ободритов имет форму или . Название «буки» означает бук, буковые палочки, а слова «буквица» или «букварь» восходят к нему[19]. — Действительно, я нахожу сходство между и очевидным; что же касается слова «буки», то столь же очевидна его связь с буком, писчим материалом средневековья в умеренных и несколько южных широтах. И если это далеко не первая и не вторая буква в германском руническом футарке, то она должна быть второй в глаголице, образуя словосочетание «божественная христианская буква».

Буква «веди» по Ганушу имеет вид , или , но угловатая первая форма ему представляется более древней и соответствующей вырезанию на дереве. В связи с этим он цитирует Шафарика: « *Хорватская глаголица по ее склонности к прямолинейности равна* ***рунам*** *и* ***санскриту****, которые вписывались или врезались между линиями или под прямой линией в рамку, тогда как болгарская глаголица, напротив, несет на себе печать шрифта, наносимого пером или кистью, но никак не вырезанного. Этот особый характер прямолинейности хорватская глаголица сохраняет в* ***церковных рукописях*** *и* ***книгах раннего времени*** *(что с годами уже не могло выражаться определенно) вплоть до недавней поры, и лишь в рукописях светского употребления образовалась округленная скоропись»* [20]. Павел Иосиф Шафарик (точнее Шафаржик), (1795-1861)-- славист, словак, один из основоположников сравнительного изучения славянских языков. Выдвинул тезис о европейской прародине славян и опроверг тезис Добровского о происхождении всех славянских языков из старославянского, понимая последний как диалект староболгарского языка. — Я вполне согласен с его объяснениемпроисхождения хорватской и болгарской глаголицы, ибо сам пришел к тем же выводам. — Хотя букве «веди» Гануш уделяет очень много места, прямые аналогии с руническими знаками у него выглядят натяжками, и он честно признается, что «*исходное ее значение определить трудно*"[21], что относится как к графической форме, так и к названию. Впрочем, греческая форма записи, β ε τ α, сближается Ганушем с финикийским названием «бет» в значении «дом». Так что тут уже мы вступаем в традиционный алфавит, основанный на финикийском письме. Что же касается числового значения, то Гануш отмечает, что «в» в кириллице имеет значение 2, в глаголице — 3, в этрусском алфавите соответствующая буква стоит на 4-м месте, а латинская буква v могла занять 5-е место. Иными словами, именно для этой буквы существует максимальный разброс числовых значений, причину которого Гануш не объясняет.

Буква «глаголь» по Ганушу имеет вид или , что он сближает с пальмирской буквой *гимель*или *камел* со значением «верблюд». Что же касается ободритских рун , или , то они мало похожи на эту глаголическую букву. Гануш полагает, что название «глаголь» выводится из названия руны «хагаль», а само слово «хагаль» в германских языках он связывает с пением, в том числе и певчих птиц. В славянском названии «глаголь» эта семантика отчасти сохраняется.

Пятую букву, «добро», , равно как и кирилловскую букву , Гануш считает перевернутой буквой В, то есть или , что по форме соответствует греческой дельте. У ободритов есть общегерманская руна с чтением th, из которой могла возникнуть буква D. Разворот знака в противоположную сторону встречается и у финикийской буквы «далет». Руна thyth или thiuth имеет как раз значение «добрый», «хороший». Греки передавали название этой буквы как α γ α θ ο ν, то есть «добро, хорошо»; иными словами, не по названию, а по значению.— Это соображение мне представляется весьма важным; как и «аз», название буквы глаголицы заимствовано из рунического футарка германцев через посредство ободритов.

Шестая буква Э или Э связывается с ободритскими рунами ⊥, ⊤, ‡ и ‡. Гануш отмечает, что эти ободритские руны представляют собой на самом деле дифтонг ai (++ ⅃), который так и звучал изначально, но затем трансформировался в ei. Допускает Гануш и происхождение этой глаголической буквы из финикийской буквы «хе» («вдох», «окно в решетке») в форме ㅋ или древнееврейской буквы ה. Болгарский абецедар называет эту букву hiest, греческий кодекс — γ ε ε σ ι. Гануш полагает, что славяне вокализировали или дифтонгизировали начало слова, то есть отбросили первый придыхательный звук и произносили «еси» или «йеси», что позже поняли как «есть». Германские руны имели как другие значения, так и значение семитского «хе». — Мне кажется наблюдение Гануша крайне интересным и важным, ибо лигатура ai для передачи «е» показывает, что если эта форма буквы (графема) была действительно заимствована через ободритов из германского рунического футарка, она была составной. Этот факт сразу наводит на мысль о том, что и другие буквы глаголицы могли являться вязью, объединением более простых букв, что и привело к возникновению такого сложного шрифта, каким является глаголица.

Седьмая буква, ⰶ, ⰶ или ⰶ, буква ж, при снятии двойных штрихов превращается, по Ганушу, в ⊓, что он отождествляет с X. Болгарский абецедар называет ее не z ivete, а quiete, тогда как греческий кодекс — ζ η β η τ. Гануш полагает, что данная буква похожа на англосаксонскую руну ⊠ или ⊠, г, которая имела ветвистую форму Ж и называлась gyfu, gibu. Это, вероятно, согласуется с болгарским названием quiete, а также с литовскими формами givata, z ive te. — Для дальнейших рассуждений указанная Ганушем близость между знаками X и Ж будет очень важна.

Восьмая и девятая буквы, ⰷ и ⰸ это s, «зело» и «з», «земля». Зело также имеет вид ⰷ или ⰷ, тогда как земля — ⰸ или ⰸ. При этом Гануш предполагает, что первоначально «зело» было знаком для обозначения «ж»; в хорватских рукописях этот знак фигурирует только для обозначения числа. В семитских алфавитах тоже различаются «шайн» ש и «саде» צ.

Буквы десятая или двенадцатая — это буквы «и», которые имеют форму глаголических знаков ⰹ, ⰺ, ⰺ, ⰹ и ⰺ. Гануш отмечает, что этот звук ни в кириллице, ни в глаголице не имеет специального названия, и лишь в болгарском абецедаре называется i s e i. То же самое можно сказать и обо всех нордических рунических алфавитах, где руна называется по звуку i s, iis, eis, не имея специального обозначения. Что касается формы знака, то имеется очень близкая к глаголице ободритская руна ᛉ. « *Таким образом, видно, что i в глаголице есть лишь перевернутая и замкнутая наверху руна* ᛉ» [9]. Гануш отмечет также, что во многих алфавитах мира звук i передается через простой вертикальный штрих, хотя у ахейцев встречается и форма ⲋ, при округлом начертании ς, из которой затем может получиться как ᛉ, так и S. А знак S в двойном начертании дает букву глаголицы, либо 8, либо ⰹ со значением i. Кроме того, иногда такой же знак встречается и в горизонтальном положении, ⋈. Что же каается знака ᛉ, то он в перевернутом виде приобретает форму ⰺ, или ⰺ, или ⰹ. Если же ⰹ перевернуть, получится знак Ⱄ с чтением S и названием «слово». Гануш считает, что такое сходство между S и I объяснить трудно. Среди нордических рун встречается руна со значением S в виде ⰺ, что можно считать вариантом глаголической буквы ⰺ. — Гануш также показывает, что может быть дифтонг ii, который обозначается двумя знаками в неперевернутом виде, то есть ᛉᛉ или ⰺⰺ, что дает ⰺ или ⰺ. Все же название i s e или ʹ η ζ ε Гануш связывает с названиями нордических рун i s, iis, eis, а через них — с таинственным божеством воды и света свевов isis. — Это я могу прокоментировать так: согласно Каббале, « *десятая буква Йод,... что означает Бог»* [22]. Отсюда следует, что как бы ни интерпретировать десятую букву любого

алфавита, она должна означать бога, не обязательно германского. Именно поэтому она может вообще не иметь никакого названия.

Одиннадцатая буква существует только в глаголице для обозначения мягкого звука «г» и называется «дервь». Ее вид в печатных хорватских изданиях — ⱗ, в рукописях — ⱗ, в болгарской глаголице — ⰼ. Называется не только de rvi, но и ge, gi, in, giu, что объединяется с названием другой руны, jer. Шафарик выводит ее из финикийско-самаритянской буквы «йод» в форме ⰼ. Иногда встречается в кириллице южных славян в форме Ћ или ђ, что можно представить себе в качестве лигатуры из ободритской руны «д» † и руны «й» ᛉ. Тем самым, «дервь» имеет смысл «ди» или «дй». В сербских источниках звучит как tj, dj, в боснийских алфавитах называется tjarv, tjerv. Хорватская форма ⱗ связывается с глаголическим обозначением «д» ⰴ, что дает значение dj.

Тринадцатая буква «како» имеет в глаголице вид ⰽ, ⰽ или ⰽ, что представляет собой раздробленный знак «к», который во многих алфавитах обозначает «к» без вертикальной черты: >, ɔ, <, C. В ободритских рунах «к» выглядит как ∠, но возможны формы ᛡ и ᛡ, напоминающие англосаксонские руны ᛣ, ᛘ с тем же значением. Возможно, что руна ᛡ есть комбинация ᛁ + ᛁ, что имеет значение «кк». Отсюда и название «како», явно не древнее[23].

Четырнадцатая буква «людие» имеет в глаголице вид ⰾ, ⰾ, ⰾ, ⰾ. Устранив двойные черты, можно получить знак ⰾ или попросту λ, напоминающая этрусские и германские руны laas, lagus (море, вода), но выглядящие чуть иначе, ᛚ, ᛚ. (Напомню, что при обсуждении 13-й буквы германские руны означали «к»). Удивительным свойством рун со значением «л» является то, что в футарках руны l и m иногда меняются не только местами, но и названиями. Так, на одном из золотых брактеатов руна ᛉ,m, идет раньше, чем руна ᛚ, l, а в англосаксонском футарке сначала идет руна «mann», и лишь затем — руна «lagu». Отсюда делается вывод, что название глаголического знака «людие» есть дословный перевод названия «mann». Подозревается, что поначалу глаголический знак для буквы «м» возник из руны ᛉ, которая сначала трансформировалась в Ш, а затем и в ⰿ. Вот она-то и была спутана с глаголической буквой ⰾ. — От себя замечу, что слова с корнем, начинающимся на «л», действительно связаны с водой. Так что значение «люди» тут не может быть первичным.

Пятнадцатая буква «мыслите» имеет в глаголице вид ⰿ (в хорватской) или ⰿ (в болгарской); последний вид допускает также варианты ⰿ и ⰿ. Последняя подражала руне «mann», которая имела вид как ᛗ, так ⋈ и ⋈, откуда она могла стать и ⰿ. В болгарском абецедаре эта буква называется muslite и объясняется как cogitare, то есть как раз «мыслить», греческий кодекс обозначает как μ η. Каким образом слово «муж» — «mann» — могло превратиться в слово «мыслите»? — Ганущ рисует такую цепь: «mann» (человек) — «mann» (муж) — «myslivec» (человек, муж, охотник) — «myslite» (мыслите).

Шестнадцатая буква «наш» переводится на латынь как noster (наш) и имеет вид ⱀ, ⱀ, ⱀ или ⱀ. Руна «п» обычно пишется ᚾ, что при быстром письме дает петельку вверху, и получается знак ᚾ, которорый позже и разворачивается в ⱀ. В греческом кодексе буква называется η α ζ. В германских языках она называлась naud, nead («нужда»), что перешло в славянское слово «ну же» с тем же смыслом, а из него возникло слово «наш».

Семнадцатая буква «он» в виде ⱁ, ⱁ возводится к руне «о» ᚮ, где при быстром письме петельки возникали вверху и внизу. Что касается самой руны «ons», она произошла из руны «ans» в виде креста путем удвоения.

Восемнадцатая буква «покой» существует в виде ⱂ или ⱂ, что восходит к рунам с нестрого различаемым значением p/b/v/u. Поэтому есть сходство с еврейскими и этрусскими знаками ᒣ, ᒣ, нордическими рунами со значением U в виде ᚢ, ᚢ, а также ободритскими рунами U/V ∩, ∩ с тем же значением.

Девятнаядцатая буква «рцы» выглядит как Ⱃ, что соответствует финикийской букве «реш», 𐤓, чье имя сохранилось в славянском названии этой буквы, ибо «речи», «рцы» означает «говори!». Современные германские руны имеют имена reda, raida (с одной стороны, reden — говорить, с другой raida — повозка) и знак ᚫ, ᚱ, что в ободритском алфавите встречается в очень древней форме ꟼ, Ꝼ, наряду с ᚱ. Эти древнейшие формы восходят по большей части к древнеиталийским алфавитам, тогда как этрусское R передавалось через ᗡ, ᗡ, D, что стало как глаголической буквой Ь, так и кириллическим знаком Р. По внешнему сходству выделяются «еры», ибо мягкия спирант j, передаваемый нордической руной q, и кириллическая буква Ь явно близки друг другу, что тем заметнее, что как R, так и L были полугласными, ка и еры. Полугласной была и руна yr, ior. — Меня тут очень впечатлила связь буквы «рцы» с древнеиталийскими алфавитами.

Двадцатая буква «слово» имеет варианты начертания — Ⱄ, Ⱄ, Ⱄ. Хотя имеется несколько нижнеиталийских и этрусских знаков с графикой ♀, ⍚, ɸи Φ, однако их значения были фи, ф и θ, что сюда не подходит. Зато можно обратить внимание на греческий числовой знак сампи ϡ, который подходит и по графике, и по звучанию. Просто круг, О в финикийском алфавите имеет название ajin или hgin, что означает «глаз». По мифологическим взглядам древних, светила как раз и есть глаза, так что О есть светило, Венера есть ♀, Земля♁, Марс —♂и Солнце —⊙, то есть это — глаза неба. Глаголическая буква ♀дает картину восходящего Солнца, и действительно, нордическая руна s, ♁, называется sol (sool, sovol), то есть Солнце. В славянском алфавите знак ♀называется«слово», что похоже. Мы уже привыкли, что славянские названия букв часто передают нордическое наименование рун, но применительно к славянскому уху, например, ans, ons — как «он». Неудивительно, что и названия солнечных рун — sojil, savil, sovol, — были славянами восприняты как «слово», благодаря славянской метатезе (перестановке звуков).

Двадцать первая буква «твердо» выглядит как Ⱅ. Он тоже имеет мифологическое объяснение. У германцев-язычников так выглядела священная руна Т, которой они поклонялись как богу; названия руны tyr, tio, zio означало «бог». Ее знак выглядит как крест Т, и часто заменялся названием ans, то есть «бог». В финикийско-еврейском алфавите буква Т называется tau, taw, то есть «крест». Ее формы были различны: ✝, +, ✕, что напоминает знак германского бога Тора ✝. Нордическая руна tyr обычно имела форму ↑, ᛏ, что напоминает Ⱅ, а из этого знака уже можно вывести и удвоенный знак ТТ в виде ⱅⱅ, и знак с удлиненными ножками Ⱅили Ⱅ. Слово «твердо» можно связать с древнечешским словом tuird, tvird в смысле «твердыня», «опора», — а таковым и является переносное значение руны tyr.

Двадцать вторая буква, «ук», Ⱆ, в кириллице является сочетанием О и Y(ипсилон), а в глаголице — объединением Ⱁ(о) и Ⰹ(и) в разных вариантах, то есть как Ⱆ, Ⱆ, Ⱆи Ⱆ; но существует и вариант «оо» — ꙭ. В глаголице этот знак имеет численное значение (= 400), в кириллице ук его лишен. Но в кириллице это значение имеет ижица, которая первоначально звучала как U или V. В глаголице звук «в» обозначается как Ⰲ, а ижица — как тот же знак с дополнительным штрихом, Ⱛ. В болгарском абецедаре ижица называется hic, то есть «ук», и это название будет объяснено под № 34. Шафарик дает примеры того, что не только у славян буква О или ОО заменяла букву У.

Двадцать третья буквы, «ферт», выглядит в глаголице как Ⱇ, что напоминает греческую букву фи и фиту. Греческий кодекс называет эту букву φ ε ρ ο τ, а болгарский абецедар — fort. Отсюда выводится совпадение с названием нордической руны p, petra. Правда, смысл названия этой руны неясен.

Двадцать четвертая буква, «хер», имеет вид Ⱈ, Ⱈили Ⱈ. Греческий кодекс называет букву χ ε ρ, болгарский абецедар — hier. Шафарик полагал, что название возникло из греческого «хи» и довеска jer, который будет обсуждаться ниже.

Отсюда и назвние «хьер», перешедшее в «хер». Что же касается формы, то уже Шафарик заметил сходство между «х» и «г», то есть между Ⱈ и Ⰳ. Тем самым, звук «х» (kh) мог выступать глухим вариантом «г» (gh) и потому изображаться частью целого знака «г».

Двадцать пятая буква, «от», изображается как Ⱉ, что можно себе представить как соединение двух глаголических «о», ⰱ+ ⰾ. Иногда изображается как паукообразная фигура Ж. Название напоминает имя руны «отал», ᛟ, что означает «отчая». В хорватской глаголице «от» не имеет звукового значения, обозначая число 700.

В качестве двадцать шестой буквы Гануш почему-то рассматривает «шта» (а не «ша»), под которой он понимает позднюю по происхождению лигатуру из Ш и Т в виде Ⱋили Ⱋ. Поскольку Т в глаголице слилось в ТТ, подлинный вид «шта» должен был быть Ⱋ. Отмечается, что произношение этого звука у разных славян разное — русские произносят «шч» (на самом деле в наши дни так говорят только в Одессе, нормальное русское произношение — «шшь»), сербы и хорваты — как «тш», «чь», «ть».

Двадцать седьмая и двадцать восьмая буквы — это «цы» и «червь», что имеет вид Ⱌ, Ⱍ, Ⱍ,Ⱍ, Ⱍ. По мнению Гануша, «цы», Ⱌ, очень напоминает «глаголь», Ⰳ, что указывает на происхождение звука «ц» из оглушенного «г», из звука «к» (в позициях перед у, ие, е). Простейшим знаком для «г» в нордических алфавитах является <, откуда можно себе представить первоначальную букву «цы» в виде ↄ, а с украшениями в виде двух кружков — букву «г», Ⰳ. Но звук «ц» в славянских языках уплотняется и до более высокой степени, до «ч», что передается в кириллице через Ч, а в глаголице — через Ⱍ, Ⱍи Ⱍ, что восходит к более простой форме — ᚷили ᛦ, или, в курсивном варианте, ᛦ. Из этого вытекает первичная тождественность знаков для «к» или «г», <, для «г» и «ц», Ⰳи ↄ, для «ц» с раскрытой петелькой, ꝛ, Ⴏи Ⴗ, из которого возникла буква Ꮙ, то есть «цы». То же раскрытие петельки привело и к обозначению «ч» через этапы ꝛ, Ⴏ, Ⴗ, ᛦи ᚷ. При этом И. Гануш подчеркивает, что « *составные или уплотненные звуки передаются закономерным образом через составные знаки (лигатуры)»* [24]. Потребовалось значительное время, чтобы звук «ч», который иногда обозначался в глаголице и такими усложненными вариантами начертаний как Ⱍили Ⱍпревратился в латинской форме в C(С), восходящей к <. Что же касается названия «червь» или «чрьвь», то оно восходит к индоевропейскому слову krmis с тем же смыслом. Поскольку у буквы «червь» числовое значение больше, чем у «цы», она всегда стояла после «цы» в азбуке. Правда, у буквы «червь» имеется непомерно большое числовое значение в глаголице, составляющее 1000, тогда как древние алфавиты, насчитывавшие не более 26 букв, заканчивали числом 800. Поэтому буква «червь» не могла иметь это значение искони, а получила его позже; прежде же она находилась в алфавите выше, ибо в кириллице она имеет значение 90. Следовательно, она могла когда-то стоять на месте буквы «покой». В рунических алфавитах на 6-м месте обычно располагается буква «к» или «г» в форме ꞁ. — Гануш уделяет много места порядку размещения звуков типа «к», «г» и «с» в семитских и рунических алфавитах, что, хотя и представляет известный интерес, выходит за рамки нашего исследования. От себя хочу добавить, что в форме буквы ⰍГануш не обратил внимания на обединение (лигатуру) из ᚷи ⱔ, что можно понять как «цк» или, в латинской графике, как ck. Иными словами, по крайней мере один вид буквы «червь» образован не просто из «к», но из «ck». А последнее удвоение «к» широко встречается в таких германских языках, как английский и немецкий. А вообще весь раздел о происхождении глаголических и кирилловских букв «ц» и «ч» я прочитал на одном дыхании, поскольку только тут дается единое понимание происхождения юукв «к» (како), «цы» и «червь». Некоторым досадным упущением является отсутствие объяснения, почему буква «червь» называется червем. Но, как

представляется, ответ на этот вопрос уже дан в самой форме буквы: она могла получить такое название, имея форму , или, со скругленными углами, форму . Тем самым название является независимым подтверждением гипотезы Гануша. Так что никакой семитский источник формы букв в данном случае не привлекается.

В качестве двадцать девятой буквы Гануш рассматривает глаголическую букву «ша», имеющую вид и в кириллице, и в глаголице Ш, причем имя «ша» Гануш называет «санскритским». К сожалению, тут этот великолепный исследователь идет за общим мнением, возводя эту букву к еврейской букве «шин». — Я не буду повторять всю ту аргументацию, которую я приводил, обсуждая данное начертание при анализе происхождения кириллицы. Могу лишь понять Гануша: рунических знаков для передачи звука «ш» не было, так что волей-неволей пришлось обратиться к семитским алфавитам, где такой знак был. Выдвигать гипотезу о существовании «алфавита икс» в 19-м веке не было принято.

Буквы глаголицы с тридцатой по тридцать вторую — это «еры», Ъ, Ы, Ь, которые выглядят как , , . Гануш полагает, что в основе всех знаков лежит форма Ь, которая выводится из нордической руны jer, jeri . Исследователь подчеркивает, что в одной руне совпадают знак и имя, что очень важно для реконструирования истории возникновения глаголицы. Он напоминает, что имя jer уже встречалось при обсуждении названия буквы № 11 «дервь». Миклошич принимает звук, обозначаемый Ь, за краткое і, тогда как Шафарик находит этот звук лежащим между е и і, и обозначает е/і. Что же касается Ы, то этот звук возник из У. Для объяснения глаголической формы Ы, содержащей соединение букв , Гануш полагает, что тут мы имеем либо удвоение і, то есть іі, либо сильно дифференцированный звук ї. В хорватской глаголице существует лишь мягкий вариент «ерь», . С другой стороны, знаки , , 8есть глаголически украшенный знак Z, который является руной eoh. Так как глаголица обычно закрывает линиями то, что в более простых алфавитах остается открыто, то из закрытого Z получился знак ⌛, что тогда легко дает и 8, и , и особенно . Что же касается поперечного знака, играющего роль диакритического, , то он очень напоминает Ъ. — О последнем факте я уже писал при рассмотрении кириллицы.

Тридцать третья буква — это «ять», , являющаяся сочетанием «а-руны» и «ера» Ь. Поэтому исходный звук знака должен быть аі, чье звучание может быть іа, іе, е, і, а затем произошла его йотация, поэтому в болгарском абецедаре эта буква описана как hiet. Глаголические знаки и понимаются как А + і. В старых печатных изданиях 1483 и 1530 гг. встречаются знаки и , которые можно считать производными от .

Под тридцать четвертой буквой глаголицы«,ю» понимаются знаки , и . Ими обозначаются два звука, і + о или і + u. А для обозначения u часто использовался знак v в форме не только , но и .

Тридцать пятой и тридцать шестой буквами славянского алфавита являются и , существующие только в кириллице.

Тридцать седьмой и тридцать восьмой буквами оказывается «малый юс» и «малый юс йотованный», и . Носовой звук е передается разворотом глаголического «е» в обратную сторону. Йотация обозначается соединением с обычным «е», что дает лигатуру ее, которая понимается как је.

Тридцать девятой и сороковой буквами глаголицы выступают «большой юс» и «большой юс йотованный», и . Они изображаются как ое и іое соответственно. Встречается и в форме , которая понимается как ііе, почему в болгарском абецедаре обозначается как hie. — Гануш не объясняет происхождения слова «юс» ни в данном месте, ни прежде.

Сорок первой, сорок второй и сорок третьей буквами славянского алфавита выступают греческие буквы «пси», «кси» и «фита», которые входят только в кириллицу, но не в глаголицу.

Последней, сорок четвертой буквой, является «ижица», Ⱛ, о которой уже шла речь при обсуждении буквы «ук». В хорватской глаголице она никогда не встречалась. В кириллице вместо «ижицы» часто стоит ОУ. Слово «ижица» означает «маленькая иже», что указывает на неразличение в славянских языках Y и i, и, следовательно, на заимствование, нужное только при передаче слов греческого происхождения.

Вот так объяснял Гануш происхождение букв глаголицы. Прежде всего, он ориентировался не только на болгарскую, но и на хорватскую ее формы, причем приводил массу графических вариантов букв, не известных современному читателю. Уже одно это создает прекрасную базу для дальнейших исследований. Далее, он приводил как греческие названия букв (из греческого кодекса), так и латинские (из болгарского абецедара), что давало, как правило, более древние произношения, в частности, звучание юса большого как носового «о», а не «у». Подстать более древним звучаниям и обнаруженные им графические лигатуры, например, понимание «ука» не как «у», а как «оо» или даже «ои», или «есть» как как дифтонга «аи»-«еи». Тем самым, отмечены языковые реалии, еще живые во время составлния глаголицы, но уже отмершие ко времени составления кириллицы в 9-м веке. Огромнейшей ценностью данного труда является объяснение названий букв, из чего следует, что буквы называлсь различным способом, иногда по звукам («ю» как «й» +«о», буквально «ё», которое лишь затем стало «йу»; «како»=«ка»+«ко»; «хер»=«х»+«йер»; «дервь»=«гь»+«ерь»; «есть»=«хе»+«си»), иногда по названию нордических рун («аз»=«ас, анс» (бог), «глаголь»=«хагаль» (пение), «наш»=«науд» (нужда), «он»=«онс» (бог); «слово»= «соволь» (солнце)) или по их значениею («твердо»=«тир» (твердыня, опора), «добро»=«дьюс»(добрый, хороший); «живете»=«гифу» (жить); «от»=«отал» (отчая)); иногда — по названию финикийских букв («рци» = «реш» (говори, речи!)). Из этих объяснений, в частности, следует, что никаких зашифрованных посланий в названия славянских букв не вкладывалось. С другой стороны, судя по различиям в начертаниях букв глаголицы (а он значительно превышает разброс начертаний кириллицы) и по различиям между начальным и конечным звучанием двойных букв, как гласных, так и согласных, эволюция глаголицы заняла несколько веков, причем ориентиром для нее служили нордические руны (по их названию и начертанию), а также греческий алфавит (по порядку следования букв). Из этого следует, что глаголица вряд ли была изобретена кем-то, хотя вполне допустим кто-то, кто придал буквам числовые значения (а это, как мы выяснили, была особенность греческой, но не римской культуры), или, что то же самое, придал глаголическим буквам греческий порядок следования.

В связи со сказанным возникает необходимость поразмышлять по поводу двух вещей: процессом сложения глаголицы и необходимостью ее редактирования в греческом ключе. Что касается ее существования в болгарской форме, то нет никакого сомнения, что последняя передает курсив, то есть скоропись, а скоропись, как можно судить по развитию кириллицы (начавшейся в 9-м веке в уставного шрифта), появляется где-то к 7-му веку существования (то есть к 16-му для такой славянской страны, как Россия). Стало быть, если наиболее ранние образцы глаголицы (болгарской), дошедшие до нас, например, «Киевские листки» 10-го века можно сопоставить с греческой скорописью 9-го века (а именно это и производит Е.В. Уханова)[25], то, стало быть, время сложения глаголицы как торжественного славянского письма (аналога кирилловского устава) следует отодвинуть ко 2-3-му веку н.э. Что касается нордических рун, то они известны по крайней мере со 2-го века н.э., так что вполне могли стать основой для создания славянами их собственной буквенной письменности. При этом, как и в кириллице, можно выделить первый период сложения письма, когда начертания букв еще не устоялись, а порядок их следования был не вполне твердым, и более продвинутый

этап, когда сложился торжественный стиль начертания. Этот процесс сложения мог занять 1,5-2 века, так что проблема редактирования (выстраивания в систему, наделение числовым значением) должна была назреть и потребовать разрешения где-то веке в 4-м. Возможно, сама ориентация на греческий алфавит при редактировании была связана с христианством, тогда как первоначальная глаголица возникла и до массового крещения в 4-м веке, и гораздо севернее Константинополя. Для отличия этой ранней, неотредактированной глаголицы, имеет смысл дать ей особое название. Таковым я считаю «протоглаголица». Круг вопросов, связанный с ней, настолько велик, что есть смысл посвятить ей специальный раздел.

Что же касается ее возможного редактора, то о нем имеются сведения. Правда, разные версии называют разные имена. Наиболее древняя из них и, видимо, наиболее правдоподобная — это версия о создании глаголицы святым Иеронимом. Вероятно, наиболее полно в последнее время она представлена в труде словенца Ивана Томажича. Вот что он пишет о Иерониме и о глаголице: « *Святой Иероним был одним из величайших учителей ранней Западной Церкви. Иероним родился около 347 года в Стридоне, на Словенском побережье (в соответствии с Британской энциклопедией, вблизи современной Любляны, Словения). Возможно, родители Иеронима были римскими поселенцами, однако, не иключено, что они были местного происхождения. Его образование, вначале домешнее, было продолжено в Риме. Большая часть его жизни прошла в Риме и Палестине. По предложению папы Дамаса I (366-384) он перевел всю Библию на латинский язык (латинская версия Библии — так называемая Вульгата). Он также написал ряд коментариев к Библии, а также аскетических, монашеских и теологических работ.*

В своем «Комментарии к Посланию Павла к Ефесянам» он соотносится с именем «Тихикус» и дает его объяснение следующими словами: «Tichicus enim silens interpretatur», то есть «Имя Тихикус интерпретируется как молчаливый». Не было необходимости объяснять его в тексте; возможно, он просто желал указать язык, из которого пришло это особое слово. В словенском языке это имя звучало бы как Тихик, от слова «тих» — «молчаливый». Перевод Иеронима точен, когда он говорит: «Тихикус действительно означает молчаливый». Это предполагает, что он знал словенский язык и доказывает, что словенский (венетский) был разговорным в его время в области нынешней Словении.

Имеется книга, написанная глаголицей, которая приписывается святому Иерониму (не доказано), из которой сохранилось 22 страницы. В 15-м веке книга была широко представлена публике как реликт святого Иеронима. Даворин Жункович в своей книге «Предистория славян» объясняет, что эта книга имела разных владельцев. Глаголический шрифт является очень древним, его происхождение неизвестно и, вероятно, он предшествовал святому Иерониму. Некоторые лингвисты полагают, что он явился продолжением венетского письма, хотя его письмо округло. То, что глаголица имеет отношение к святому Иерониму, ясно из поведения папы Иоанна X (910-928), который был противником литургии на славянском языке, как на шрифте Кирилла и Мефодия, так и на глаголице, которая употреблялась в Истрии и Далмации. Однако, когда священники ему объяснили, что литургия на глаголице восходит к святому Иерониму, он прекратил свое противодействие. Объяснение должно было быть очень существенным, чтобы повлиять на папу» [26].

Как видим, история повторяется. Подобно тому, как святой Кирилл не был изобретателем кириллицы, но предложил ее *устроение*, так и святой Иероним имел дело с уже готовой глаголицей, которую, очевидно, тоже отредактировал, чтобы приспособить ее для передачи славянских звуков при переводе христианских книг. Разница между святыми Иеронимом и Кириллом состояла не столько в том,

что один жил примерно на 400 лет раньше другого, а в том, что глаголица поначалу обслуживала западных славян (моравы) и западную часть южных славян (словенцы, иллирийцы, хорваты), тогда как кириллица — восточных славян (русы) и восточную часть южных славян (болгары), а также в том, что святой Иероним ориентировался на Рим и латинское письмо, а Кирилл — больше на Константинополь и на греческое письмо. Разница состояла и в том, что в 4-м веке н.э. еще не было принято называть письменность по имени ее редактора, тогда как в 9-м веке такое уже было возможно. Наконец, латинская письменность не имела численного значения большинства букв и потому не имела того характера сакральности, как греческое письмо — таковой после редактирования стала и глаголица.

Конечно же, Гануш решил далеко не все проблемы, связанные с глаголицей. Но он далеко продвинул изучение и глаголической графики, и названия ее букв, показав, что в качестве протоглаголицы выступают нордические руны. Тем самым получается как в русских народных сказках: чтобы понять, как возникла кириллица, надо было исследовать глаголицу, а чтобы понять глаголицу, надо заняться нордическими рунами. К их исследованию мы сейчас и обратимся.

Литература

1. Anton. Erste Linien eines Versuchs uber die alten Slaven. Leipzig, 1789
2. Шницер Я.Б. Иллюстрированная всеобщая история письмен.. СПб, 1903, с. 200-202
3. Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963, с. 135
4. Миллер Вс. К вопросу о славянской азбуке // Журнал Министерства народного просвещения, 1884, № 3
5. Шницер Я.Б. Иллюстрированная всеобщая история письмен..., с. 202
6. Hanus Ignaz J., dr., ordentlich. Mitglied und Bibliotheker der K. bohm. Gesellschaft der Wissenschaft in Prag. Zur slavischen Runenfrage mit besonderer Rucksicht auf die obotritischen Runen-Alterthumer so wie auf die Glagoliza und Kyrilica. Als ein Beitrag zur comparativen germanisch-slavischen Archaologiie, entworfen von... // Archiv fur Kunde Osterreichischer Geschichits-Quellen. Wien, 1857, XVIII Bd., S. 1-114
7. Safarik Pavel Jozef. Pamatky hlaholskeho pisemnictvi. Izbor glagolskich drevlepisanii. V Praze, 1853
8. Григорович В. О древней письменности славян. Лекция, читанная 17 сентября 1851 года в Казани в присутствии г-на министра народного просвещения // Журнал министерства народного просвещения, 1852, вып. 73, ч. 3; Григорович В. Обозрения славянских литератур. Воронеж, 1880, с. 29
9. Geitler L. Die albanischen und slavischen Schriften. Wien, 1883
10. Taylor Isaak, dr. Ueber den Ursprung des glagolischen Alphabets. // Archiv fur slavische Philologie, V Bd., 1880, II Teil, S. 191-192
11. Шницер Я.Б. Иллюстрированная всеобщая история письмен..., с. 205
12. Там же, с. 205-206
13. Ягич И.В. Четыре критико-палеографические статьи. СПб, 1884, с. 185
14. Беляев Д.Ф. История алфавита и новое мнение о происхождении глаголицы. Казань, 1885
15. Шницер Я.Б. Иллюстрированная всеобщая история письмен..., с. 206-207
16. Прохоров Г.М. Глаголица среди миссионерских азбук // Труды Отдела древнерусской литературы, т. XLV. СПб., 1992, с. 178-199
17. Hanus Ignaz J. Zur slavischen Runenfrage..., S. 74
18. Там же, с. 84
19. Там же, с. 85
20. Там же, с. 86
21. Там же, с. 91
22. Ленен. Каббалистическая наука. М., «Азъ», 1991
23. Hanus Ignaz J. Zur slavischen Runenfrage..., S. 94-94
24. Там же, с. 102
25. Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. М., 1998, с. 124
26. Savli Jozko, Bor Matej, Tomazic Ivan. Veneti. First Builders of European Community. Tracing the History and Language of Early Ancestora of Slovenes, Wien, 1996, pp. 463-464
27. Hanus Ignaz J. Zur slavischen Runenfrage..., S. 94-94
28. Oai ?a, n. 102
29. Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. М., 1998, с. 124
30. Savli Jozko, Bor Matej, Tomazic Ivan. Veneti. First Builders of European Community. Tracing the History and Language of Early Ancestora of Slovenes, Wien, 1996, ??. 463-464